

СЕМИНАР

**«ИГРЫ РАЗУМА ИЛИ
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ»**

21 МАРТА - 22 МАРТА 2015 Г.

«Была бы цель поставлена - а цепочка проб и ошибок сама приведёт к желаемому результату»

Харуки Мураками

ПРОГРАММА СЕМИНАРА

Суббота, 18 апреля 2014 г.

музыкальное сопровождение - *Сергей Сергеевич Прокофьев*

10:00–10:15 Открытие семинара:

10:15–12:15 Вводная сессия:

«Региональная проекция кризиса»

Наталья Васильевна ЗУБАРЕВИЧ,

доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор региональной программы Независимого института социальной политики

12:15–12:40 **Кофе-пауза**

12:40–14:10 Сессия:

«Разновидности демократии: как на самом деле устроен современный мир»

Евгений Янович САТАНОВСКИЙ,

президент независимого научного центра «Институт Ближнего Востока»

14:10–14:50 **Обед**

14:50–16:20 Сессия:

«Российская стезя: бесконечный переходный период как отражение национальной идеи»

Евгений Янович САТАНОВСКИЙ,

президент независимого научного центра «Институт Ближнего Востока»

16:20–16:45 **Кофе-пауза**

16:45–18:45 Сессия:

«Экономические уроки истории. Воронежская губерния» (конец XIX в. – начало XX в.)

Михаил Дмитриевич КАРПАЧЕВ,

Воскресенье, 19 апреля 2015 г.

музыкальное сопровождение - Сергей Васильевич Рахманинов

10:00–11:30 Сессия:

«Россия-2020: Пейзаж после битвы»

Дмитрий Владиславович ИВАНОВ,

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета

11:30–12:00 Кофе-пауза

12:00–13:30 Сессия:

«Россия-2040: Виртуальная империя»

Дмитрий Владиславович ИВАНОВ,

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета

13:30–14:10 Обед

14:10–15:45 Сессия:

«Современная либеральная экономика: реальность и мифы»

Евгений ГАВРИЛОВ,

выпускник Школы репное 2010-2011 уч. год, финансовый директор Представительства компании "Да Ю Инвестментс Лимитед" в городе Москва, преподаватель авторского курса "Управление проектами" в Бизнес-школе ВГУ

15:45–16:15 Кофе-пауза

16:15–17:30 Диалог:

«Подводя итоги и не только.....!»

Откровенный разговор слушателей и организаторов Школы.

17:30–17:45 **Заккрытие семинара**

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.И.Шелов - Коведяев

Культурная природа глобального кризиса 7

С.А. Афонцев

Новые тренды в мировой экономике 13

Н.В. Зубаревич

Развитие и неравенство: пространственный ракурс 30

Г.О.Павловский

Маргиналии о геополитике 39

Е.Я.Сатановский

2014–2015: итоги и перспективы 48

Е.Я.Сатановский

Цена совести 53

Е.Я.Сатановский

Память в пустыне 57

А.Диксит, Б.Нэлбафф

Стратегические ходы 61

С.Караганов

**Европа: поражение из рук победы?
Демоны прошлого и поиск новой идеи 74**

Д.В.Иванов

Виртуализация империи 80

Д.В.Иванов

Проблема 2017 94

В. Куренной

Общество потребления 101

А.Н.Привалов

О безнадежности, или Боратынский 104

Марина Мейлицева

Будем здоровы

Эксперты

Музыкальное сопровождение

КУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Ф. В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ,

профессор факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ

Мировой кризис активизировал архаичный взгляд на последние полтора столетия как на игру амбиций нескольких бизнес-групп (промышленных монополий, финансовых кланов, банковских империй и т.п.), якобы располагающих необходимыми и достаточными ресурсами для манипулирования международными процессами исключительно в своих частных эгоистических целях и использующих национальные интересы, политические идеалы и общественные институты, правительства и народы в качестве инструментов прикрытия своих роковых устремлений.

Очередная редакция конспирологической версии истории была вброшена отставными представителями разведывательного сообщества, по роду своей деятельности склонного преувеличивать действенность тотального контроля над происходящим. То, что они некогда сами участвовали в некоторых удавшихся локальных спецоперациях^[1], придаёт веса их экстраполяциям в глазах определённых категорий потребителей.

Эти заблуждения растут из ложной интерпретации реальных событий. Эволюция капитализма, начиная с 1850-х гг., показывает череду кризисов, из которых лидирующие игроки (сначала Великобритания, потом США) всякий раз выходили, действительно, активно используя внешние источники элиминирования возникших проблем. Это происходило потому, что, благодаря своему положению и надёжной репутации, они могли мобилизовать ресурсы иных участников событий и извлечь из них максимальную для себя пользу.

Нерегулярный поиск оптимальных моделей преодоления и недопущения кризисных явлений прерывался войнами, с помощью которых те надеялись разрубить, как Гордиев узел. Попытки управлять кризисом в межвоенные периоды были неизменно оппортунистическими: они смягчали наиболее тяжёлые поверхностные противоречия, не касаясь их фундаментальных причин. Теории же, покушавшиеся предложить какие-либо стратегии, всегда опрокидывались действительностью. Как это случилось и с эмиссионно-долговым типом экономики, исходившим из некоторых теоретико-математических посылок его функционирования.

Напряжения второй четверти XIX века, вылившиеся в две серии европейских революций, продолжились и во второй половине столетия и привели к Крымской кампании, франко-прусской войне и Парижской коммуне. Поскольку они не повлекли за собой кардинальных изменений доминирующего экономического порядка, то заложенные в нём недостатки спровоцировали не только волнения в России 1904-1907 гг., но и кризис 1907 года в Америке. Последние не разрешили вала разногласий, и Европа скатилась в Первую мировую войну. Она не только не сняла накопившиеся нестыковки экономической системы капитализма, но и не смогла обогнуть их, поэтому её вторым, с интермедией общеевропейского кризиса 20-30х гг. и Великой депрессии в США, актом стала Вторая мировая война.

Трагедия 1939-1945 гг. тоже была только попыткой ухода от трудностей, а не выхода из них, что привело, через вереницу социальных катаклизмов, сменявших друг друга с конца 40-х до конца 60-х годов, к серьёзному кризису 1971-1975 гг. Отказ следом за ним от Бреттон-Вудской системы стал продлением той же порочной практики самоустранения от работы по сути нарастающих сложностей, закончившейся на сегодня, вслед за рядом встрясок разной степени интенсивности в 90-е годы, системным глобальным обвалом.

Уклоняясь от решения вопросов по существу, в ходе и после каждого тектонического сдвига капитализм расширял свой потребительский рынок. В Великую депрессию миллионы американцев трудоустроились на высокооплачиваемой работе на стройках социализма в СССР. Во Вторую мировую они получали высокие доходы уже у себя дома на контрактах по ленд-лизу. Потом экономика США разрослась на плане Маршалла. Эта врождённая способность рынка всё обращать себе на пользу и создаёт явно обманчивое впечатление о «возможности» существования некоего последовательно реализуемого «тайного» плана.

Всё сказанное выше придаёт особое значение правильной диагностике нынешнего глобального кризиса. Многие его симптомы могут значить, что механическое распространение капитализма достигло своего естественного предела, а это требует, наконец, его принципиальной модернизации. К сожалению, именно адекватной квалификации разворачивающихся событий и недостаёт. Экономисты фатально опаздывают с распознаванием обрушившихся на нас проблем. Когда уже было ясно, что кризис экономический, его упрямо продолжали называть финансовым. Когда выступления в Исландии, Франции, Германии, Испании, Греции и Италии придали ему бесспорно социальное измерение, его с трудом признали экономическим. И лишь к середине весны 2009 года кое-кто стал говорить о социально-гуманитарной угрозе, правда, вопреки очевидности, применительно лишь к Восточной Европе и Центральной Азии. Но и это определение, даже в его расширительном применении, уже устарело. Если сложить вместе то, что многими признаётся по отдельности, станет ясно, что речь идёт о глубинном культурном (цивилизационном) кризисе.

Ведь если его, согласно общему мнению, отличает системный[2] характер, то полноценной, т.е. самодостаточной, системой является только культура, а экономика, за рамками чисто научных построений, – лишь её не имеющей самодовлеющего значения подсистемой. Конечно, на время узкого исследования (и только для него!) при соблюдении всем известных требований, в принципе, любая совокупность может быть названа системой. Но такой подход имеет сугубо академическую ценность.

Более того, когда практики говорят о кризисе господствующего экономического мировоззрения, о формационном и тектоническом сдвиге, они используют смысловой ряд не экономики, но культуры, к которой некоторые из них прямо и отсылают[3]. К культуре апеллируют и когда рассуждают о вскрывшихся моральных рисках, кризисе доверия, необходимости ужесточить нормы этики поведения на рынке и даже о религии, которая, как главный источник ценностей, должна сыграть ключевую роль в контроле над направленностью основных реформ, необходимых капитализму. Ведь очевидно, что доверие, на котором строятся взаимоотношения уже в самых примитивных обществах, старше экономики, а этика ею не производится и, вообще, не есть её цель. Все эти понятия заимствованы из мира (системы) культуры.

Раз это культурный кризис, то надо понять, культура какого типа его переживает. В прошлом культурные кризисы случались не однажды, и это непременно бывали кризисы какого-то определённого культурного вида. Нынешний – не исключение. Для меня ясно, что налицо два больших связанных между собою комплекса кризисных явлений современной культуры.

Первый обнимает различные аспекты постмодернизма как культурного типа. Во-первых, довольно давно постмодерн устранил основного референта сначала из обмена культурными объектами, с чего (замещение массовой культурой и «капустником» настоящего искусства), в частности, начался цивилизационный надлом Запада. Затем он проделал то же с политикой, что подтверждается распространением не только диктаторских режимов в XX и XXI вв., но и модных западных концепций конца демократии, и игнорированием общественного мнения в постсоветских странах – от России и молодых членов ЕС до Украины и Грузии. Надо отдать должное экономическим субъектам: они дольше всех сопротивлялись постмодернистскому вирусу. Но, в конце концов, экономика им заразилась, и он вырос в спусковой механизм её обрушения. Ибо в схеме обращения не только деривативов, но и фьючерсов есть только формальная привязка к базовой ценности, от которой они произведены. Стало очевидно, что постмодернизм, как мировоззрение и стратегия, опасен для жизни.

Во-вторых, показала свою несостоятельность идеологема «цивилизации средств, а не целей», которой недавно так гордились западноевропейские интеллектуалы. И раньше можно было догадаться, что это губительная философия, так как она утверждает кладбищенский подход к жизни. Ведь только у тех, кто лежит на некрополе, уже нет никаких целей, и все они, с другой стороны, служат средством кругооборота вещества в природе. Сейчас медленно возвращается понимание того, что без руководства вечными ценностями, без подчинения им идейных и материальных инструментов человечество не выживет.

В-третьих, оказалась непродуктивной цивилизация скорости. После обвала фондовых рынков начали стесняться выдвигать таковую одним из главных достижений информационной и постинформационной экономики. Кроме того, существует ещё, как минимум, три негативных последствия чрезмерного увлечения быстротой, которым пока уделяется явно недостаточное внимание. Социально наиболее опасна суета, ибо она убивает нормальное общение между людьми, лишает их необходимого для их успешного развития душевного комфорта и нацеленности на непреходящие ценности.

В силу же ускорения, ради стимулирования потребления, предложения на рынке новых моделей продукции либеральная экономика пришла к тому же результату, что и директивная – падению качества товаров. Парадокс, но факт: поскольку они всё быстрее морально устаревают, теряется смысл производить вещи, чья надёжность рассчитана на длительный срок. Падение качества постепенно распространилось на всё предложение, включая производство идей и решений. Всё большее их число продвигается без учёта их хотя бы среднесрочных последствий.

Следующий подводный камень также подстерегает нас на пути подстёгивания темпов инноваций. Уже сейчас срок поступления технических новинок в распоряжение массового потребителя, на нашей памяти занимавший десятилетия и годы, сократился до нескольких месяцев. В ближайшей перспективе он вполне может уменьшиться до недель. Когда же дело дойдёт до дней (к этому же толкает стремление постоянно оптимизировать прибыль), утратит смысл инновационная деятельность, как таковая: новшества будут морально устаревать быстрее, чем ими успеют в полной мере воспользоваться. А это будет крах куда хуже теперешнего.

Второй комплекс охватывает кризис концепций, так или иначе восходящих к марксизму и/или соотносящихся с ним, ибо даже те, кто отвергает прогнозы и практические рекомендации Карла Маркса, обычно признаёт его выдающимся социологом и экономистом. Во-первых, обнаружилась врождённая порочность психологии экономоцентризма, которой весь развитый мир был, пусть и по-разному, захвачен в истекшие полтора столетия. Именно Маркс первым возвёл экономику в абсолют, превратив обыкновенный инструмент, призванный всего лишь обслуживать интересы общества, в самодостаточную сущность, имеющую, якобы, императивную власть над человеком. За что его и поднимают на щит все, кто апеллирует к химере высших нужд экономики.

Вообще говоря, это далеко не единственный случай, когда человечество обожествляет рукотворные произведения, превращая их в своего рода «золотых тельцов», которых и начинает почитать. Одной из первых форм такого заблуждения были ранние религиозные представления, известные как фетишизм. В дальнейшем публика творила себе кумира из идеологий, власти и т.д. Так как это неизменно заканчивалось весьма плачевно, на сегодня итог превращения экономики в один из рядовых фетишей надо признать закономерным. Видимо, пришла пора расстаться с очередным идолом и перейти от поклонения заурядному средству к его использованию по прямому назначению: как такого же орудия, как и прочие. Не люди должны работать на экономику, а она – на них.

Во-вторых, показала свою несостоятельность следующая из марксова экономоцентризма экспансия рыночных отношений за их законные границы. Ещё Адам Смит, и с ним согласны многие выдающиеся умы, определил, что рынок, эффективный в сфере частного интереса, абсолютно неэффективен в области общественного блага.^[4] Хотя из-за кризиса под ударом оказалась экономика потребления, виновата не она (на удовлетворение спроса любая её форма ориентируется по определению), но возникшее в результате игнорирования смитовского предупреждения общество потребления^[5].

Оба понятия путают настолько часто, что надо специально подчеркнуть, что худо не материальное (экономическое) потребление, а перенос его подходов на то, к чему они неприменимы в принципе (все вообще человеческие контакты, искусство и т.п.), то есть общество, где узусы потребления подавляют все остальные. Когда люди не более, чем потребляют друг друга, у них пропадает настоящая взаимная ответственность. Превращение образования, науки, культуры, медицины в обычные услуги извращает их смысл. Из-за бездумного увлечения ползучим практицизмом в двух первых преобладает угнетающее их рядовое ремесло, третья не воспитывает реципиента, а опускается на его уровень, четвёртая откровенно коммерциализируется и забывает о клятве Гиппократова и т.д.

В-третьих, исчерпал себя механистический подход к регулированию общественных процессов, также берущий своё начало в социализме позапрошлого столетия. Подобно тому, как аналогичная метода в экономике восходит к утопистам Оуэну и Фурье, так и различные виды социальной инженерии – к ещё одному предшественнику марксизма, Сен-Симону, чьи ученики, сплошь инженеры из Высшей политехнической школы в Париже, вдохновили Маркса^[6] на выработку им его рецептов построения всеобщего счастья. И хотя преобладающие сейчас воззрения во многом отошли от его рекомендаций, сама привычка рассматривать человека и общество как довольно простые агрегаты, ненамного сложнее устроенные, чем обычные машины, осталась неизменной.

В работе правительств, бизнеса, консультантов, экспертов и исследователей разных уровней технологические конструкты общества стали настолько подменять его подлинный образ, что это дало повод Д. Хорнгрену сформулировать свой крылатый афоризм^[7]: «Среди экономистов реальный мир зачастую считается частным случаем» (i.e. их концептов). Администраторы и

менеджеры привыкли полностью доверять управленческой эффективности искусственных схем, тотально пренебрегающих многообразием естественного мира. Эта возведённая за вторую половину XX века в абсолют практика отнюдь не невинна, ибо витальность всем формам жизненной активности обеспечивается, и кризис это продемонстрировал, как раз наоборот, их избыточным разнообразием.

В-четвёртых, дискредитирована явившаяся логическим продолжением марксизма вульгарная интерпретация концепции рационального выбора, огульно распространившая её на любых игроков и сегменты рынка. Между тем, таким способом невозможно как описать поведение всех участников розничной торговли, где основной покупатель представлен женщиной, чьи предпочтения не укладываются в прокрустово ложе рациональной мотивации, так и смоделировать ситуацию на бирже. Проявившаяся с особой остротой в период кризиса волатильность финансовых и фондовых рынков, чья динамика зависит в большей степени от сиюминутного – эмоционального и психического – настроения спекулянтов, чем от реального положения дел в экономике и информации о них, ясно указывает на ограничения применения данной методики.

В-пятых, закончилось время марксистской политэкономии. Маркс анализировал экономику классического типа – производства и сбыта физических материальных ценностей. Тем же до сих пор занимались и его последователи и противники. Хотя обстановка принципиально изменилась никак не менее четверти века назад, все по инерции продолжали работать с новой реальностью по правилам, действительным только для давно ушедшей природы, и это стало одной из причин неожиданности и глубины глобального кризиса.

Политики искусственного подхлестывания роста (потребления) и формирования спекулятивных рынков[8], стартовавшие в США в 70-е годы, привели к середине 80-х к возникновению нового типа экономики, которая может быть условно названа эмиссионно-долговой. Она отличается превращением (через систему торгов фьючерсами и деривативами) всех товарных рынков – от пшеницы до металлов и нефти – в рынки сугубо финансовые, или спекулятивные.

Биржи торгуют теперь не реальными объёмами продукции с определёнными сроками их фактической поставки, но ценными бумагами, выпущенными под них. Последние есть чисто финансовый инструмент, существующий в своём виртуальном мире, поскольку наличие реального товара ни одну из сторон сделки ни на каком из её этапов не интересует.[9] Отсюда и, например, пузырь продовольственного кризиса, возникший на пустом месте несколько лет тому назад и не имевший ничего общего, как выяснилось, с угрозой голода, фантом которого надувался в интересах биржевых игроков. Товарные биржи стали, таким образом, аналогом фондовых, и торги на них подчиняются логике финансовых спекуляций.

То же произошло и с капитализацией компаний, чьи показатели используются сейчас почти исключительно в спекулятивных целях[10]. Нынешняя ситуация радикально отличается от той, что была известна Марксу и осмыслена им и препарированными тот же материал его оппонентами. Эта новая действительность требует своей оценки, для которой не подходит старый инструментарий. Пока не будет проделана эта срочная интеллектуальная работа, не будут найдены и адекватные методы лечения невиданной прежде болезни, и нельзя будет говорить об устойчивом выходе из кризиса.

К сожалению, до этого ещё далеко. К тому же глобальный кризис разворачивается на фоне целого ряда серьёзно отягчающих его течение отраслевых кризисов. Большинство из них, что лишний раз подтверждает общекультурный характер происходящего, не имеют исключительно экономического источника. Первый среди них – кризис экономической науки. Такие разные теоретики и практики, как Роберт Зелиг[11], Джозеф Стиглиц[12], Нуриэль Рубини[13], Мартин Гилман[14] и Уоррен Баффет[15] не могут хотя бы приблизительно определить, когда закончатся текущие потрясения. Бен Бернанке продолжает требовать поддержать американские банки «любой ценой». Барак Обама заявляет о начале выхода из рецессии, а Алан Гринспэн предупреждает, что падение ипотечного рынка ещё на 5% (весьма вероятное) добьёт американскую экономику.

Такую разноголосицу можно понять, ибо учёные никак не могут сказать о природе кризиса ничего определённого. Все имеющиеся ответы отражают пока лишь их негативное знание: это не циклический кризис, не обычный кризис перепроизводства, при котором повышение процентной ставки приводит к сжатию денежного предложения, сокращению спроса, снижению цен и, вслед за тем, нового понижению ставки. Оптимизма не добавляют наблюдения, что даже относительно происхождения давних кризисов среди учёных нет согласия,[16] что порождает опасения относительно научной состоятельности соответствующих концепций. Нет ясности в том, как будет

развиваться кризис экономики искусственного стимулирования потребления, полностью оторванной от золотого стандарта, с волатильностью и спекулятивностью товарных рынков.

При том, что все рынки стали, по сути, финансовыми, работающей теории их функционирования нет.[17] Да и даже лидеры финансового мира имели об особенностях новых финансовых инструментах весьма слабое представление.[18] Теория долгосрочных экономических циклов, по-видимому, устарела.[19] Теория реальных циклов не имеет практической ценности[20], современные модели деловых циклов не гарантируют реалистичности представленных в них расчётов и результатов[21], что делает их чистой игрой ума, что и было блестяще доказано расхождением результатов математических расчётов и настоящих итогов обращения деривативов.

Вторым является психологический кризис. Энтузиазм, вызванный доходностью деривативов и финансового сектора в целом, сменился глубоким пессимизмом. После того, как растаял очередной мираж, многие почему-то стали хоронить капитализм как таковой, проклинать алчных банкиров и т.п.[22]

Третий фактор, оказывающий глубочайшее воздействие на течение событий – это кризис того состояния либеральной экономики, когда её акторы не осознали угроз её безальтернативного положения. Будучи лишёна необходимости конкурировать за место под солнцем, она, как и любой бы на её месте, быстро потеряла самоконтроль. Праздник победы Запада оказался прерван потому, что в его гипертрофированной эйфории потерялась базовая для либерализма идея личной ответственности за плоды своей активности.

Утраченная ценность должна быть срочно восстановлена в ситуации, когда с редким и заслуживающим лучшего применения единодушием удары со всех сторон наносятся в самое сердце свободы. И левые, и правые предлагают, в той или иной степени, отказаться от неё, не понимая, что в бедах виновата не она, а принимавшаяся всеми как сама собой разумеющаяся её внутренняя монотонность. Это страшный подвох, ибо в нём кроется опасность расползания по свету, в качестве альтернативы рынку, уже начавшихся в Латинской Америке попыток реставрации «социалистического рая».

Увы, именно в сфере столь востребованных ныне идей мировых лидеров и подстерегает четвёртый кризис – философии. В лучшем случае они сводят всю реформу капитализма к ритуальному подтверждению своего банальнейшего неприятия его англо-саксонской модели, в худшем – сами же пестуют социализм, подталкивая планету к новой катастрофе.

Пятый кризис – действий – напрямую вытекает из предыдущих. Поскольку парадигмы глобального катаклизма никто не понимает, то и меры принимают такие, какие могли бы помочь при прежних, а не этих потрясениях. Сами по себе усиление государственного надзора над соблюдением правил рыночных отношений, расширение числа мировых и/или региональных резервных валют и финансовых центров, перераспределение квот и голосов в МВФ и т.п., возможно, и нужны. Проблема в том, что все эти шаги не имеют прямого отношения к текущим кризисным обстоятельствам. А потому достаточность применения как уже доказавших ранее свою эффективность механизмов регулирования, так и выработка следующих прежней логике новых, остаётся под вопросом. То есть, всё делается, вроде бы, правильно, но для лечения другой болезни.

Между тем, перед человечеством стоят совсем не рядовые вызовы. Первый из них заключается в следующем – проявит ли капитализм способность к интенсивному развитию? Вопрос звучит парадоксально, поскольку все привыкли почти отождествлять два эти явления. На поверку же выходит, что такая связь в рамках капиталистического пути справедлива только применительно к техническому прогрессу. А вот сама форма экономического поведения, известная как капитализм, в то же самое время развивалась исключительно экстенсивно. Она осваивала новые рынки теми же методами, что были опробованы на старых, и в настоящий момент достигла географических границ своего механического распространения. Остаются, конечно, беднейшие страны Азии и Африки и возможности движения вглубь многомиллиардных обществ Индии и Китая. Но, с одной стороны, их освоение требует колоссальных вложений, которые никого, кроме небезопасного для Запада интереса Китая и арабов, не вдохновляют. С другой, – это будет всего лишь продолжением того же экстенсивного пути.

Точно той же логике следовали и т.н. «новые финансовые технологии». Периодически возникающие *новинки*, вроде фьючерсов и деривативов, *были инструментами* (не существовавшими ранее видами ценных бумаг), *способ же их обращения* («технология») оставался *прежним*, как в популярной книге Теодора Драйзера «Финансист», в которой описаны события полутора-вековой давности.

Если надежды на возможность качественного роста капитализма не беспочвенны, то его предпосылкой должно стать общее понимание того, что на мир нельзя более смотреть, как на банальное сырье для своей деятельности или как на в прямом смысле театральную сцену, где идёт игра интересов виртуальных персонажей. Он, действительно, стал нашим общим и очень компактным домом, и вести себя в нём надо соответственно данному факту.

Следующий, непосредственно связанный с последним из вышеперечисленных пунктов, вызов звучит так: сможет ли экономическая наука выйти из зачаточного, дескриптивного состояния, где нет согласия даже по прошедшим событиям, и придти, как это случилось с ботаникой и зоологией, выросшими в биологию, к работающим теориям? [23]

Третий вызов принадлежит Китаю. Станет ли он главным бенефициаром кризиса или погрузится из-за него в хаос, – любой исход окажет самое глубокое влияние на ситуацию в мире в целом. Уже сейчас Пекин через систему парткомов на работающих в Поднебесной иностранных предприятиях знает всё о движении их сделок и финансов. Он открыто заявляет, что не собирается никому помогать (сотни тысяч работавших в Китае западных фирм уже рухнули) или делиться с кем-либо своими резервами, предпринимает атаку на доллар и, опираясь на непонятно, на что рассчитывающую Москву, требует реформы МВФ и уверенно продвигается к превращению юаня в резервную валюту, заодно, наряду с арабами Залива, оптом скупая недра и земли Африки. Коли всё сложится для него удачно, это будет не просто возврат к ситуации, которая в последний раз была в XVII веке, когда Восток, а не Запад лидировал в техническом отношении. Китай ещё получит и все шансы превратиться в диктатора планетарного масштаба. В противном случае – падая – он вполне способен, благодаря имеющейся у него информации, утянуть за собой развитые государства.

[1] См., например, *Дж.Перкинс. Исповедь экономического убийцы.* М.: Проспект, 2007

[2] См., например, интервью *Нуриэля Рубини* (Нью-Йорк) газете «Известия» за 17 марта 2009 года.

[3] *Е.Г.Ясин, М.В.Снеговая.* Тектонические сдвиги в мировой экономике: Что скажет культура. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009

[4] См., со всеми необходимыми цитатами: *А.Сен.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004, с. 142-148 и 149-151.

[5] Ср. его критику: *Ж.Бодрийар.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000

[6] См. *Ф.В.Шелов-коведяев.* Какая экономика нам нужна? // *Мир России*, 2004, т.14, №1, с. 145, 153; *Ф.-А. фон Хайек.* Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003, с. 137-223

[7] Цит. по: *Б.Уоррен.* Почему лидеры не могут руководить. М.: Проспект, 1999

[8] См. *В.А.Мау.* Особенности, причины и возможные последствия текущего экономического кризиса // В кн.: *Финансовый кризис в России и мире.* М.: Проспект, 2009, с. 168

[9] Ср. *Мау.* Указ.соч. С. 166

[10] Ср. *Мау.* Указ.соч. С. 170

[11] Доклад Президента Мирового банка на сессии МБ 26 апреля 2009 года

[12] Статья в газете *The Financial Times* за 15 ноября 2008 года

[13] Указ.соч.

[14] *М.Гилман.* Для многих стран МВФ остаётся единственным финансовым прибежищем // *The New Times*, 23 марта 2009 года

[15] Пресс-конференция 16 марта 2009 года

[16] *Мау.* Указ.соч. С. 167

[17] *Р.М.Энтов.* Некоторые проблемы исследования деловых циклов // В кн.: *Финансовый кризис в России и в мире.* М.: Проспект, 2009, с. 30-31; *Мау.* Указ.соч. С. 171

[18] *Мау.* Указ.соч. С. 166

[19] *Энтов.* Указ.соч. С. 14 сл.

[20] *Там же.* С. 26

[21] *Там же.* С. 30, 38

[22] Ср. *Мау.* Указ.соч. С. 173 слл.

[23] Ср. *Энтов.* Указ. соч., с. 6: «Теория экономического цикла развивается практически уже около двух столетий. Но никогда и никому ни один из кризисов предсказать не удалось»

Новые тренды в мировой экономике

Сергей Александрович Афонцев,

доктора экономических наук, заведующего отделом экономической теории ИМЭМО РАН, профессора МГИМО(У) МИД России, директора Научно-образовательного центра ИМЭМО-МГУ

*Мы публикуем стенограмму лекции **С. А. Афонцева**, которая была прочитана 30 августа 2014 г. в г. Алматы (Казахстан) в рамках лекционного проекта «Беседы об экономике и не только».*

Добрый день, дорогие коллеги! Меня пригласили выступить по теме, которая заявлена на первом слайде моей презентации.

Я с большим удовольствием это сделаю, познакомив вас с рядом разработок института, с которым я на сегодняшний день аффилирован теснее всего – это Институт мировой экономики и международных отношений РАН.

В этом году наш институт выпустил книгу под названием «Глобальная перестройка», где мы постарались проанализировать смену трендов по широкому направлению развития глобальной системы, включая мировую экономику, мировую политику и безопасность, социальные процессы. Конечно, то, что было сказано в этой книге по экономическому направлению, полностью рассмотреть в ходе выступления невозможно, но я постараюсь сфокусировать внимание на тех вопросах, которые так или иначе интересуют большинство экономистов. Это вопросы о том, как в ближайшие 5-10 лет будет развиваться мировая экономика, на основе чего и каким образом будут складываться модели роста в различных странах после того, как с последствиями глобального кризиса будет покончено, и на каких факторах эти модели будут основываться.

Для начала нужно посмотреть на то, что происходит сейчас с мировой экономикой. Итак, общий диагноз. Несмотря на то, что ощущение кризиса всех нас не покидает (может быть, в связи со спецификой тех стран, в которых мы живем), на самом деле темпы роста мировой экономики в 2010-2013 гг. устойчиво превышали 3%, что свидетельствует о ее выходе из кризисного состояния. Когда задается вопрос: «А есть ли сейчас глобальный кризис?», корректный ответ заключается в том, что глобального кризиса уже нет.

Темпы роста мировой экономики в 2010-2013гг. устойчиво превышают 3%, что свидетельствует о её выходе из кризисного состояния. Сохранение выраженных кризисных тенденций наблюдается только в отдельных странах еврозоны. Преодоление кризисных тенденций в экономически развитых (США, Япония) и отдельных развивающихся странах (особ.КНР) носит неустойчивый характер и связано в первую очередь с использованием антикризисных стимулов, действие которых рано или поздно будет прекращено.

Другое дело, что сохраняются выраженные последствия кризиса и кризисные тенденции в отдельных странах. Сохраняются фундаментальные факторы, которые мешают экономикам расти и которые в ряде стран даже обуславливают экономический спад. Такого рода системные факторы присутствуют в ряде стран Еврозоны, применительно к которым сегодня делаются кризисные прогнозы. То же самое относится и к экономике России. В случае, если сохранится нынешняя геополитическая напряженность и режим санкций, в России действительно может наступить спад, однако к глобальному экономическому кризису и его последствиям это не будет иметь ровно никакого отношения. В целом тот факт, что отдельные страны в последние годы демонстрируют не очень хорошие экономические результаты, говорит о наличии серьезных страновых проблем, а не о том, что в мировой экономике продолжается кризис.

Что, тем не менее, беспокоит экономистов? Беспокоит то, что преодоление кризисных тенденций, как в развитых, так и в развивающихся странах, носит неустойчивый характер и, в первую очередь, связано с мерами стимулирующей антикризисной политики. В некоторых странах в открытую называют эту политику антикризисной, в других странах предпочитают термин «стимулирующая политика». Смысл от этого не меняется. Реализуются меры, которые помогают экономике расти. Такая политика не может продолжаться вечно. Во-первых, потому, что вы не можете вечно держать процентные ставки на низком уровне, во-вторых, вы не можете вечно наращивать государственный долг. Если мы вспомним про страны Еврозоны, то их антикризисная политика имела две фазы: 2009-2010 годы, когда были реализованы крупные программы государственных расходов, и период начиная с 2011 года, когда на фоне массированных расходов выяснилось, что дефициты и показатели государственного долга зашкаливают за все мыслимые пределы и, соответственно, бороться нужно уже не с первичным кризисным импульсом, а с последствиями долгового кризиса. Европейцы быстро поняли, что ряд стимулов удерживать долго невозможно. Но в некоторых странах стимулы европейского типа по-

прежнему применяются, порой даже в более значительных масштабах. Пример тому – экономика Китая, где реализуются массированные программы государственных расходов (в т.ч. инвестиционных), связанные с попытками предотвратить «жесткую посадку» экономики. Такая политика может длиться долго, но не вечно. Когда-то эти стимулы должны быть убраны. Это должно произойти тогда, когда экономика найдет «внутри себя» источники роста и получит возможность развиваться без этих внешних стимулов. Соответственно, главный вопрос заключается в том, каковы будут эти источники роста, за счет чего экономика сможет расти сама, не опираясь на государственные расходы, на низкие и ультранизкие процентные ставки и т.д.

На следующем слайде – диагноз мировой экономики в цифрах, основанный на недавнем прогнозе МВФ. Хотя этот прогноз сделан весной, в нем уже использованы новые расчеты по паритету покупательной способности за 2011 год, что позволяет дать максимально корректную картину происходящего.

	2012	2013	Projections	
			2014	2015
World Output	3.5	3.2	3.4	4.0
Advanced Economies	1.4	1.3	1.8	2.4
United States	2.8	1.9	1.7	3.0
Euro Area	-0.7	-0.4	1.1	1.5
Germany	0.9	0.5	1.9	1.7
France	0.3	0.3	0.7	1.4
Italy	-2.4	-1.9	0.3	1.1
Spain	-1.6	-1.2	1.2	1.6
Japan	1.4	1.5	1.6	1.1
United Kingdom	0.3	1.7	3.2	2.7
Canada	1.7	2.0	2.2	2.4
Other Advanced Economies	2.0	2.3	3.0	3.2
Emerging Market and Developing Economies	5.1	4.7	4.6	5.2
Commonwealth of Independent States	3.4	2.2	0.9	2.1
Russia	3.4	1.3	0.2	1.0
Excluding Russia	3.6	4.2	2.4	4.4
Emerging and Developing Asia	6.7	6.6	6.4	6.7
China	7.7	7.7	7.4	7.1
India	4.7	5.0	5.4	6.4
ASEAN-5	6.2	5.2	4.6	5.6
Emerging and Developing Europe	1.4	2.8	2.8	2.9
Latin America and the Caribbean	2.9	2.6	2.0	2.6
Brazil	1.0	2.5	1.3	2.0
Mexico	4.0	1.1	2.4	3.5
Middle East, North Africa, Afghanistan, and Pakistan	4.9	2.5	3.1	4.8
Sub-Saharan Africa	5.1	5.4	5.4	5.8
South Africa	2.5	1.9	1.7	2.7

Мировая экономика, как вы видите, в последние годы демонстрировала хорошие темпы роста. Экономики развитых стран, с точки зрения статистики, в общем, тоже в плюсе, и ожидается их дальнейший рост, если не вмешаются геополитические факторы. В развивающихся экономиках ожидается замедление, которое, однако, может быть преодолено уже в 2015 году. Непонятно что будет происходить с Россией и территорией СНГ, но, если брать Латинскую Америку, Восточную Азию, то здесь прогнозы достаточно позитивные.

Возникает вопрос: если мы ожидаем такого рода цифры, за счет чего они могут быть достигнуты и будут ли они означать возвращение к механизмам роста, сформированным в докризисный период, или эти механизмы окажутся качественно новыми. В этом, собственно говоря, и заключается главная интрига. Для всех очевиден постепенный выход мировой экономики из кризиса, но пока еще открытым остается вопрос о том, что будет представлять собой посткризисная модель роста, когда последствия кризиса окончательно будут преодолены (в т.ч. в Еврозоне).

Постепенное преодоление кризисных тенденций в мировой экономике ставит вопрос о характере посткризисной модели развития мировой экономики. В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что набор факторов, определяющих эту модель, будет существенно отличаться от набора факторов, наблюдавшихся в докризисный период.

Несмотря на то, что консенсуса по вопросу о факторах и характеристиках новой модели роста пока нет, есть определенность относительно того, чем она будет отличаться от прежней модели. Чтобы перейти к этому вопросу, я позволю себе экскурс в современные представления о факторах экономического роста. За счет каких факторов экономика может расти и как эти факторы сочетаются между собой?

Давайте посмотрим на эти факторы и попробуем показать, почему, с нашей точки зрения, в современной мировой экономике, в посткризисной фазе ее развития, скорее всего будет наблюдаться определенный реванш факторов ресурсов и технологий - в отличие от периода, который предшествовал глобальному кризису. Если мы говорим об анализе моделей экономического роста, то традиционно принято выделять пять групп факторов, которые могут этот рост обеспечивать.

Анализ моделей экономического роста традиционно опирается на рассмотрение пяти групп факторов:

- ресурсно- технологических;
- экономико – географических;
- социально- культурных;
- институциональных;
- факторов экономической политики.

В течении последних двух десятилетий был сформулирован ряд принципиально важных выводов относительно сравнительной роли взаимосвязи соответствующих факторов.

Первая группа факторов – ресурсно-технологические. Это традиционные факторы, которые где-то до конца 1980-х гг. – начала 1990-х гг. большинство исследователей считали самыми главными, и закладывали в основу большинства расчетов.

Вторая группа факторов – экономико-географическая. Здесь в фокусе внимания находятся факторы, которыми традиционно занимались экономическая география: обладает ли страна доступом к морю или не обладает, имеет климат жаркий или холодный, растет в ней пшеница или рис, и т.д.

Третье. Социально-культурные факторы. С ними любили «играть» некоторые представители экономической науки, но, в основном, это были социологи, культурологи, политологи, которые пытались как-то оцифровать и формализовать понятия менталитета, национальных ценностей, традиционных либо модернизированных практик поведения людей.

Четвертая группа - институциональные факторы. Понятно, что в институты часто записывают все, что ни попадя, но в данном случае имеется в виду строгое определение институтов как правил и процедур, регулирующих поведение людей в различных сферах деятельности. Благодаря достижениям неинституционального анализа на протяжении 1990-х и 2000-х гг. крепло убеждение, что не ресурсно-технологические, а именно институциональные факторы во многом объясняют успех многих стран в мировой экономике.

И наконец, пятая группа факторов связана с экономической политикой. Хорошая политика – ключ к успешному развитию, неадекватная политика ведет к кризису и отсутствию развития.

Таковы основные группы факторов, на которые принято обращать внимание при анализе экономического развития. Существенно, что на протяжении последних двух десятилетий был сформулирован ряд принципиально важных выводов относительно того, какую роль эти факторы играют. Каковы же эти выводы?

Было продемонстрировано, что в современном мире экономико – географические факторы из экзогенных детерминат экономического развития превращаются в производные от действия ресурсно-технологических факторов и факторов экономической политики.

Инвестиции в преобразование ландшафта (осушение болот, создание искусственных островов, рекультивация земель, пострадавших от антропогенного воздействия), развитие медицинских и сельскохозяйственных технологий (борьба с инфекционными болезнями и паразитами: системы капельного орошения, гидро- и аэропоника), развитие жилищной и транспортной инфраструктуры, а также технологий комфорта (обогревательные системы и системы кондиционирования, технологии «умного дома» и «зеленого дома») способны радикально трансформировать среду обитания и хозяйственной деятельности человека, обеспечивая возможности быстрого экономического роста в странах с изначально неблагоприятными климатическими условиями.

Во-первых, было продемонстрировано, что в современном мире экономико-географические факторы из экзогенных превращаются в производные от действия ресурсно-технологических факторов и факторов экономической политики. Как традиционно экономическая география рассматривала вопросы экономической специализации? Страна засушливая – земледелие развиваться не будет, страна тропическая, влажная – будут тропические болезни, не будет условий для развития промышленности и сельского хозяйства, в лучшем случае можно рассчитывать на добычу минерального сырья. Если страна лишена доступа к морю – это плохо, ей трудно будет развивать международную торговлю, если ее внутренний рынок и рынки сопредельных стран узкие – скорее всего, она останется бедной.

Исследования последних двух десятилетий показали, что практически любой неблагоприятный экономико-географический фактор может быть исправлен либо даже превращен в фактор конкурентных преимуществ за счет инвестирования достаточного капитала и применения адекватных технологий. Есть хороший пример, который я очень люблю – отчасти потому, что до сих пор находятся люди, которые этот аргумент используют применительно к России. Часто говорят: в России холодный климат, долго лежит снег, нужны большие затраты на отопление, поэтому все будет стоить дорого, конкурентоспособность промышленности и сельского хозяйства будет низкая. В качестве

доказательства приводят графики, на которых показаны зимние пики энергопотребления. Но есть страны, где наблюдаются аналогичные пики энергопотребления – только летом. Пример такой страны – Израиль. Это страна, в которой пик потребления электричества приходится на жаркие месяцы, потому что работают кондиционеры и системы, которые связаны с обеспечением сельскохозяйственных работ. Картина похожая, однако в Израиле никто не станет утверждать, что из-за «плохого климата» там нельзя развивать, например, сельское хозяйство. Там, где была пустыня, за счет современных систем орошения создана база для превращения страны в крупного экспортера плодоовощной продукции. Это – простая иллюстрация того, как капитал и технологии «побеждают» климат и географическое положение.

То же самое относится к рекультивация земель, искоренению тропических болезней, созданию искусственных территорий (например, искусственных островов, что любят делать японцы). Если у вас есть капитал и технологии – географическое положение и климат не являются проблемой для вашего роста. Они будут проблемой тогда, если вы совсем бедные и не имеете достаточно изобретательности, чтобы придумать выход из положения.

Поэтому в современных исследованиях экономико-географические факторы не рассматриваются как самостоятельный фактор, детерминирующий экономическое развитие (исключение составляют лишь случаи беднейших стран).

Попытки объяснения различий в темпах и уровнях экономического роста на основе гипотезы об автономной роли социально – культурных факторов («различия в менталитете», «уровни социально-культурного развития» и т.п.) потерпели неудачу. В настоящее время признано, что плодотворный учет данных факторов может быть обеспечен в рамках ресурсно- технологического подхода (качество человеческого капитала) и институционального подхода (роль социальных институтов). Характерный пример связан с оценкой роли конфуцианских ценностей в объяснении экономического роста в странах Восточной и Юго-Восточной Азии: если в 1960- 1970-е гг. они рассматривались в качестве тормоза экономического роста, то в 1980-1990-х гг. – в качестве одного из важнейших его факторов, и в обоих случаях – без достаточных на то оснований.

Во-вторых, попытки системного объяснения различий в темпах и уровнях развития через социально-культурные факторы, скажем аккуратно, до сих пор не дали положительных результатов. А действие тех социокультурных факторов, которые все же оказывают влияние на экономическое развитие, оказалось наиболее адекватным учитывать в рамках институционального подхода, рассматривая их в качестве одного из элементов общей картины определения правил и процедур, определяющих человеческое поведение.

Здесь есть тоже очень много интересных примеров и исследований, но я хотел бы просто поделиться одним личным наблюдением. Наверняка вам известно имя Эммануэля Валлерстана, одного из крупнейших современных социальных мыслителей, автора концепции «мировой системы». На одной из конференций по экономической истории ему задали вопрос: «Вы говорите про факторы роста и развития, но почему ничего не говорите про менталитет?» На этот вопрос он ответил примерно так: «Прекрасный вопрос о роли менталитета. У меня в кабинете есть полка. С одной стороны на ней стоят публикации 1960-1970-х годов, в которых объяснялось, почему в этот период страны Юго-Восточной Азии демонстрировали низкие темпы экономического роста. И общий вывод исследований заключался в том, что причина – в конфуцианских ценностях: люди не работают, а молятся, во всем слушаются старших и не проявляют инициативу, отдают предпочтение рутинным занятиями и не любят инноваций. А с другой стороны полки стоят публикации 1980-1990-х годов, которые дают ответ на вопрос, почему страны Юго-Восточной Азии в этот период росли так быстро. И в этих исследованиях дается однозначный ответ: ну, конечно, там же конфуцианские ценности, люди очень ответственно относятся к работе, потому что это предписывает им религия, они очень дисциплинированы в труде, потому что старших уважают, они выпускают очень качественную продукцию, потому что привыкли совершать рутинные действия. На основании этого наблюдения господин Валлерстайн сделал вполне адекватный вывод о том, что концепция менталитета, объясняющая одними и теми же аргументами прямо противоположные явления, по определению не является научной. Объяснения чего бы то ни было в сфере развития через факторы менталитета возможны, но они относятся к сфере веры, искусства, литературы, индивидуальных предпочтений. Нравится человеку конфуцианская этика, он будет говорить, что она положительно влияет на рост, а не нравится – он будет говорить, что, наоборот, она очень вредная. И то, и другое можно подтвердить большим количеством примеров, но научными такие выводы являться не будут. Есть, конечно, люди, которые пытаются измерить социокультурные факторы и сформулировать на основе их анализа какие-то универсальные зависимости (например, если страна мусульманская – то она развиваться не может или может развиваться только на основе какой-то одной модели). Но такого рода подходы в современном мире рассматриваются скорее как анахронизм, и никто их всерьез не принимает. В той мере, в какой социокультурные факторы действительно могут оказывать влияние на экономическое развитие, это влияние может плодотворно рассматриваться в рамках институциональных исследований.

Показано, что вопросы определения экономической политики и выработки рекомендаций, направленных на повышение её эффективности, неотделимы от анализа институтов политического рынка, на котором взаимодействуют силы спроса на экономическую политику и её предложения.

Как следствие, анализ экономической политики приобретает все более выраженное институциональное измерение. Фактически можно говорить о зарождении синтетического «институционально-политико-экономического» подхода к объяснению проблем развития, в рамках которого специфика институциональной среды одновременно определяет и характер вызовов для экономической политики, и возможные варианты ответов на них, а эти ответы, в свою очередь, определяют эволюцию как системы институтов (экономических, правовых, политических), так и экономической системы в целом.

Наконец, в-третьих, было показано, что вопросы определения экономической политики неотделимы от анализа институтов политических рынков. Будет у вас хорошая экономическая политика или плохая – зависит не столько от того, придумал кто-то хорошие меры экономической политики или нет, сколько от того, способна ли политическая система сгенерировать решение, которое будет адекватно стоящим перед экономикой вызовам. Есть ли политические силы, которые будут поддерживать такое решение? Есть ли механизмы, которые «отсекают» от принятия решений те силы, которые, наоборот, хотят принять в собственных интересах решение, ненужное и вредное для экономики?

Соответственно, если мы говорим об экономической политике, то мы одновременно говорим и об институтах ее формирования. Можно, конечно, придерживаться традиционной схемы выработки рекомендаций для экономической политики (*policyadvice*): построили модель, провели исследование, высчитали оптимальные параметры экономической политики, озвучили их (например: «В сложившихся условиях надо повысить процентную ставку до такого-то уровня») – и все: «Мы свое дело сделали, пошли есть шашлык». Это, конечно, все очень здорово, но неплохо бы подумать – кто-то готов повысить ставку до такого уровня? Если никто не готов, то какой смысл советовать это делать? Если «теоретически оптимальное» решение на практике нереализуемо, то как найти субоптимальное решение – не такое хорошее, как с точки зрения экономистов оно могло бы быть, но такое, которое было бы политически приемлемым, которое можно было бы провести в жизни и получить позитивный результат. А если дать заведомо неприемлемый совет, то его просто «выкинут в ведро», оставят все как есть, и всем будет плохо.

Таким образом, для адекватного анализа вопросов экономической политики оказывается необходимым выработать комплексный «институционально-политэкономический» подход, который принимал бы во внимание не только собственно содержание экономической политики, но и политический контекст ее выработки.

Вот как обстоит дело с базовыми подходами к изучению экономического развития. Какие из них могут использоваться при изучении возникающей в мире модели экономического развития? Очевидно, что это ресурсно-технологический, институциональный и экономико-политический подходы. Институциональный подход может использоваться «в связке» с экономико-политическим, а может и самостоятельно, поскольку очевидно, что не все институциональные факторы связаны с экономической политикой.

В 1990-2000-е годы популярностью стала пользоваться точка зрения о том, что ресурсно-технологический подход де факто исчерпал свой аналитический потенциал, что-то новое и интересное в его рамках узнать уже трудно, а вот институциональный и институционально-политэкономический подходы – это другое дело. Реформы в постсоциалистических странах (особенно в Китае), институциональные реформы в странах с развивающимися рынками (*emerging markets*) показали: даже если набор ресурсов и технологий остается неизменным, темпы экономического роста могут быть резко ускорены за счет совершенствования его экономических и правовых институтов, за счет улучшения экономической политики. Однако в настоящее время наблюдается определенный «ренессанс» ресурсно-технологического подхода. Почему так происходит?

Во многом это происходит за счет того, что посткризисное развитие мировой экономики сталкивается с рядом вызовов, которые связаны, прежде всего, с двумя группами факторов.

Ключевые вызовы для мировой экономики связаны прежде всего с двумя группами факторов: меняющаяся глобальная демографическая ситуация, характеризующаяся старением населения в экономически развитых странах и сокращением притока дешевой рабочей силы на рынки труда развивающихся стран, и рост конкуренции за сырьевые ресурсы в мировой экономике, стимулирующий инвестиции в разработку новых видов и источников сырья, ресурсосберегающих технологий и технологий альтернативной энергетики.

Первое – меняющаяся глобальная демографическая ситуация. В развитых странах население стареет, и одновременно изменяется структура рабочей силы с точки зрения повышения качества человеческого капитала. В развивающихся странах сокращается приток дешевой рабочей силы на рынок труда.

Второе – рост конкуренции за сырьевые ресурсы в мировой экономике, который стимулирует инвестиции в разработку новых видов сырья и ресурсосберегающие технологии.

Как можно убедиться, эти факторы имеют прямое отношение к доступности производственных ресурсов. Во-первых, резко осложняется ситуация с трудовыми ресурсами - их становится меньше, и одновременно повышается значение их качества. Во-вторых, изменяется соотношение спроса на сырьевые ресурсы и их предложения. Это не значит, что их становится меньше, наоборот, их предложение может увеличиваться, но конкуренция становится более интенсивной и, соответственно, на них заметно меняются цены. Почему может увеличиваться предложение? Рассмотрим один пример. Кто 10-15 лет назад всерьез принимал во внимание перспективы разработки сланцевого газа и нефти? Я прекрасно помню ситуацию 2008 года, когда в нашей стране начались первые глубокие дискуссии по этому вопросу. Многие эксперты и практики, в т.ч. представители ведущих нефтегазовых компаний, прямо заявляли: проблемы никакой нет, все это происки американцев, сланцевый газ – это фиктивный идея, специально вброшенная идея для того, чтобы подорвать позиции Газпрома, за ней ничего не стоит. Прошло 3-4 года, и сланцевый газ стал реальностью. Прошло еще 2-3 года, и реальностью становится сланцевая нефть. Возникли новые виды ресурсов, которые в принципе раньше не разрабатывались. Почему? Потому что изменились сравнительные цены, потому что цены на «традиционные» нефть и газ цены выросли так, что стала рентабельной разработка неконвенциональных видов природного топлива. Таким образом, рост конкуренции реально стимулирует разработку не только новых месторождений, но и разработку новых ресурсов.

Не меньшую роль фактор сравнительных цен играет применительно к использованию трудовых ресурсов. Фактически то, что мы видим в контексте демографических трендов, говорит нам, что в ближайшие десятилетия будет радикально снижаться роль дешевой рабочей силы как фактора конкурентных преимуществ развивающихся стран. Во многом «экономические чудеса» отдельных стран Азии и Латинской Америки были основаны на дешевой рабочей силе. Наличие большого числа потенциальных работников при сравнительно низких требованиях к человеческому капиталу обусловили в этих странах впечатляющий рост выпуска. Разумеется, здесь прослеживалось значительное влияние институциональных факторов. Рост предложения трудовых ресурсов в развивающихся странах произошел не потому, что дети стали рождаться чаще, а потому, что ввиду институциональных преобразований (в первую очередь, в сельском хозяйстве) огромные массы рабочей силы были высвобождены для производительной занятости в промышленности. Наиболее наглядно это видно на примере Китая и Вьетнама. Люди уезжают из регионов, где они веками выращивать рис, чтобы кормить себя и своих детей, которые потом будут сажать рис, чтобы кормить себя и опять растить детей, которые опять будут выращивать рис. С точки зрения традиционной семьи это вполне осмысленное занятие, потому что люди так жили веками. С точки зрения национальной экономики - это картина очень безрадостная, если не сказать, бессмысленная. В результате институциональных реформ люди стали массово покидать рабочие места, которые обеспечивали им простую возможность сохранения физического существования, и массово переходили на рабочие места, которые давали им производительную занятость и обеспечивали значительный рост выпуска. Теперь действие данного фактора в значительной мере исчерпывается. Одним из результатов этого может стать существенное замедление темпов роста экономик развивающихся стран по сравнению с предшествующим периодом.

В ближайшие десятилетия будет радикально снижаться роль дешевой рабочей силы как сравнительного преимущества стран в мировой экономике. Именно данный фактор обеспечил радикальный прорыв стран Восточной и Юго-Восточной Азии в число лидеров по темпам экономического роста во второй половине XX в.- первом десятилетии XXIв. Постепенное повышение зарплат и завершение демографического перехода в соответствующих странах будет способствовать размыванию их преимуществ, а повторить их успех другим развивающимся странам будет крайне сложно ввиду общего сдвига к использованию.

Понятно, что связанная с этим смена тенденций будет проходить в разных странах по-разному. В Китае она уже прослеживается, поколение «маленьких императоров» – уже реальность, в обозримом будущем число пожилых людей превысит число лиц в активном трудоспособном возрасте. С Индией ситуация более благоприятная, как и с некоторыми странами Африки – там демографический ресурс еще есть. Но с точки зрения мировой экономики в целом влияние этого фактора будет существенно замедлять темпы роста развивающихся стран. Представить себе, что кто-то в ближайшие 10-15-20 лет сможет повторить опыт Китая, уже сложно, потому что трудно найти на карте мира такую страну, которая может осуществить сопоставимый маневр трудовыми ресурсами. А в перспективе ближайших 20-30 лет трудовых ресурсов, которыми такой маневр можно осуществить, в мировой экономике в принципе может не оказаться.

Если менее развитые развивающиеся страны хотят повторить (в плане повышения темпов роста) достижения тех стран, которые сейчас уже являются успешными развивающимися рынками (*emerging markets*), и если страны с развивающимися рынками хотят расти высокими темпами и дальше, они не могут рассчитывать на то, что данную задачу можно решить с опорой на дешевую рабочую силу. Нужны инвестиции в технологии и человеческий капитал. Это - ключевой вывод из соответствующей линии рассуждений.

В свою очередь, в экономически развитых странах сдвиг в пользу использования капиталоемких технологий и повышения качества человеческого капитала будет обусловлен изменением возрастной структуры общества в сторону старших когорт.

В экономически развитых странах сдвиг в пользу использования капиталоемких технологий и повышения качества человеческого капитала будет обусловлен изменением возрастной структуры общества в сторону старших когорт.

Попытки компенсировать убыль рабочей силы за счет иммиграции представляют собой паллиатив, мало перспективный экономически (приток мигрантов из стран «третьего мира» не позволяет компенсировать дефицит квалифицированной рабочей силы) и чреватые острыми социально-политическими конфликтами (ввиду роста социальной, религиозной и расовой неоднородности общества). Как следствие, для соответствующих стран будет актуален переход к принципу «рост экономики без роста населения». Признаки перехода к такой модели в настоящее время уже наблюдаются в Японии, которая на протяжении последних десятилетий обеспечивала высокий уровень жизни граждан в условиях ускоренного старения населения и фактического отсутствия притока рабочей силы извне.

Здесь картина очень близка к тому, что я говорил о географических факторах. Да, объективно население стареет. И начинаются расчеты – сколько нужно иммигрантов для того, чтобы заполнять рабочие вакансии? Общее место в российских дискуссиях последнего времени: «Население сокращается, стареет, кто же будет работать?! Нам нужно привлекать миллионы мигрантов!» Каких миллионов? Зачем привлекать?

В развитых странах эта проблема отчасти решается (и может решаться) за счет перехода к использованию более капиталоемких технологий. Классический пример – Япония. В Японии очень жесткая иммиграционная политика, у них в принципе до последнего времени эта опция была закрыта, был сделан политический выбор в пользу ограничения иммиграции. К чему это привело? Японская экономика развалилась? Она прекратила расти? Да, она действительно прекратила расти на длительный период, но не потому, что не было притока иммигрантов, а потому, что там с конца 1980-х годов до последнего времени не могли разобраться с последствиями финансового кризиса. «Сдутые» кредитного пузыря растянулось на два десятилетия. Это никак не связано с дефицитом рабочей силы, дефицит рабочей силы выливается в использование трудозамещающих технологий. Если на аналогичных заводах даже в Европе и США работают десятки человек, то в Японии работают единицы. В результате Японию большинство экспертов относят в число стран, которые сегодня демонстрируют очень хорошие показатели с точки зрения преодоления кризисных тенденций. Это результат т.н. «абэномики», активной политики по стимулированию роста на фоне того, что в японской экономике уже давно работало в плане использования капитала и технологий.

Если у вас нет значительных ресурсов дешевой силы, это совершенно не значит, что вы не можете развиваться эффективно. На самом деле здесь нет никакого парадокса. Аналогичным образом, если у вас нет достаточного количества водных ресурсов, это не значит, что вы не можете развивать сельское хозяйство, просто надо использовать другие технологии – и вы получите замечательный результат, будете жить богато и счастливо.

Использование сырьевых ресурсов: снижение ресурсоемкости глобального ВВП и гибкое использование технологий, ориентированных на замещение сравнительно дорогих ресурсов (и их источников) более дешевыми приведут к тому, что развитие мировой экономики будет сопровождаться повышением объема использования ресурсов без достижения «физических» пределов их доступности.

Не следует также ожидать ни устойчивого радикального завышения (под влиянием исчерпания запасов или возникновения острого дефицита отдельных видов сырья на мировом рынке), ни устойчивого радикального занижения цен соответствующих ресурсов, поскольку рост (снижение) цен на определенные виды ресурсов будет стимулировать их субституцию (или, напротив, расширенное применение), а возможный отказ от использования отдельных ресурсов и технологий в одних странах (например, по экологическим соображениям) будет сопровождаться ростом использования соответствующих ресурсов в других странах.

Теперь о сырьевых ресурсах. Прежде всего, речь идет о снижении ресурсоемкости глобального ВВП и использовании технологий, ориентированных на замещение сравнительно дорогих ресурсов более дешевыми. Фактически, эти два фактора работают на то, что в мировой экономике на протяжении как минимум ближайших 50 лет будет расти объем и количество используемых ресурсов без достижения каких-либо физических пределов их доступности. Единственная оговорка – питьевая вода, но

непонятно, можно ли ее рассматривать в качестве производственного ресурса? В принципе, это несколько больше, чем просто производственный ресурс. С питьевой водой – есть проблемы, с остальными ресурсами проблем физической доступности не ожидается. Почему? Потому, что работает механизм сравнительных цен. Если какой-то вид ресурсов становится дороже, то растут инвестиции в его сбережение, в расширение производства этого ресурса и производство ресурсов-субститутов. Пример с нефтью и газом из сланцев в этом отношении очень показателен.

Перейдем теперь к тому, как мировая экономика может реагировать на рассмотренные вызовы.

Повышение качества инвестиций: значение имеет не столько объем (кейнсианский аспект спроса), сколько эффективность инвестиций (аспект предложения). Во многих случаях низкие темпы роста связаны не с «дефицитом инвестиций», а с их низким технологическим уровнем и некорректным выбором объектов инвестирования (малоперспективные проекты, в т.ч. проекты импортозамещения; расточительные инфраструктурные проекты).

Во-первых, растет значение качества инвестиций. Значение имеет не только объем (как у нас принято говорить – вот, инвестиции замедлились, это значит, что экономика будет расти медленнее). Если мы говорим о долгосрочных аспектах развития, речь в первую очередь должна идти не об объеме (сколько на инвестиции потрачено?), а об эффективности инвестиций (каковы результаты инвестиций?). Если Вы осуществляете инвестиционный проект, важно, какую отдачу он будет приносить. На практике есть масса инвестиционных проектов, где сначала делают огромные затраты, а потом годами решают, что со всем этим делать. Это хорошо видно на примере России. У нас много предложений по инвестиционным проектам, но когда задается вопрос - «А когда они окупятся?» - в ответ молчание гробовое... Если проект никогда не окупится – действительно ли он нужен? Разумеется, есть политически мотивированные инвестиционные проекты, но как экономист я имею право в какой-то момент сказать: «Нет, все-таки покажите расчет бизнес-проекта. Вы хотите построить это и вот это? А какова будет отдача от этих инвестиций? Каков срок их окупаемости?»

Что касается дефицита инвестиций, то вот показательная таблица.

	Доля инвестиций в ВВП, %					
	1995	2007	2010	2012	2013	2014
Весь мир	23,5	24,6	23,6	24,5	24,7	25,1
Развитые страны	23,0	22,6	19,5	19,8	19,7	20,1
«Большая семерка»	22,6	21,7	18,7	19,1	19,1	19,6
США	21,2	22,3	18,4	19,0	19,4	20,4
Великобритания	17,2	18,2	15,0	14,7	14,0	14,5
Япония	28,1	22,9	19,8	20,6	20,7	20,4
Европейский Союз	20,3	22,1	18,7	18,1	17,7	17,9
Еврозона	20,8	22,7	19,2	18,4	17,9	18,1
Германия	22,3	19,3	17,3	17,3	17,6	18,1
Нидерланды	21,0	20,4	17,8	17,5	15,7	15,1
Франция	17,9	22,0	19,3	19,8	19,6	20,0
Испания	21,9	31,0	22,8	19,8	18,0	17,3
Греция	19,7	26,7	17,5	13,6	13,2	14,1
Ирландия	18,0	26,1	11,8	10,9	11,0	11,3
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	26,0	29,5	31,6	32,3	32,8	33,1
Развивающиеся страны Азии	35,9	37,4	42,2	43,3	43,5	43,5
Китай	41,9	41,7	48,2	48,9	48,9	48,7
Индия	27,1	38,1	36,8	35,6	35,0	35,1
Латинская Америка	20,9	22,5	21,7	21,6	22,1	22,2
Бразилия	18,0	18,3	20,2	17,6	19,2	19,2
Мексика	26,1	26,3	23,6	24,7	24,2	24,9
СНГ	25,3	26,6	22,5	24,6	25,0	25,1
Россия	25,4	25,4	21,7	24,9	25,4	25,3

Применительно к России, к странам СНГ часто говорят «У нас мало инвестиций, их доля в ВВП низкая». Если вы посмотрите на страны СНГ и Россию, то можно убедиться, что доля инвестиций в ВВП составляет порядка 25%. Это, конечно, меньше, чем в Китае, но все понимают, что ни одна страна с полноценной рыночной экономикой на китайские показатели выйти не сможет. Люди просто не готовы столько сберегать, им хочется жить хорошо, увеличивая свое потребление, и высокая доля накопления в Китае – это в первую очередь результат специфических предпочтений правительства, слабо связанных с предпочтениями населения. Если же мы будем сравнивать страны СНГ не с Китаем, а с Латинской Америкой, то мы увидим, что норма накопления у нас больше; если провести сравнение с развитыми странами – у нас этот показатель существенно больше. Речь не о том, что инвестиций нет или их мало – на самом деле их много. Их даже больше в сравнительном отношении, чем во многих других странах с развивающимися рынками, просто их качество такое, что результаты инвестирования не оправдывают ожидания ускорения экономического роста. Что-то нужно делать с качеством инвестиций, а не с их объемом.

Второе, о чем сейчас очень много говорят и что, по крайней мере в ближайшие два-три года, будет точно оказывать на мировую экономику важное влияние – это возвращение инвестиций промышленных компаний в развитые страны, в первую очередь, в США. Почему в США?

«Возвращение» (решоринг) инвестиций ведущих промышленных компаний в развитые страны и повышения доли обрабатывающей промышленности в ВВП этих стран (в первую очередь США), обусловленный повышением цены трудовых ресурсов в ведущих развивающихся экономиках.

Дешевый сланцевый газ в экономике США явился одним из ключевых факторов (наряду с повышением трудовых издержек в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего в Китае), обусловивших высокую привлекательность стратегии «решоринга» (возвращение на национальную территорию), приходящей на смену зарубежному аутсорсингу («оффшорингу») промышленных операций. Показательно, что в странах ЕС, где «революция сланцевого газа» так и не произошла, а издержки на рабочую силу удерживаются на завышенном уровне благодаря активной социальной политике, процесс «решоринга» идет существенно медленнее: механизм сравнительных цен и в данном случае работает очень четко.

Тому есть две основных причины. Первый фактор – это рост трудовых издержек в странах Восточной Азии за счет снижения доступности трудовых ресурсов. В тех странах, куда традиционно США направляли инвестиции, производить становится не так выгодно. Второй фактор – резкое падение энергетической составляющей издержек производства в США за счет революции сланцевого газа. Иными словами, американские компании видят падение издержек (по энергетической составляющей) в США и рост издержек (по трудовой составляющей) в Восточной Азии. Результат – инвестиции перетекают в Штаты.

Чем отличается ситуация в ЕС от ситуации в США? Первое: в ЕС по экологическим соображениям заблокирована масштабная добыча сланцевого газа. Второе: социальная составляющая в трудовых издержках в ЕС настолько высокая, что конкурировать даже с возросшей ценой труда в развивающихся странах европейцы не могут. Это не значит, что решоринга не происходит, он происходит, но в существенно ограниченных масштабах – за счет того, что инвестиции в Восточную Азию оказываются менее выгодными.

«Зеленая экономика»: в качестве ведущих факторов экономического роста в будущем рассматривает инвестиции в разработку и внедрение технологий, направленных на ресурсосбережение, уменьшение выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, а также общее снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду.

В соответствии с оценками экспертов ООН, «зеленый» сценарий развития мировой экономики (предусматривающий инвестирование в соответствующие технологии порядка 1,3 трлн.долл.ежегодно) может обеспечить к 2050 г. превышение реального ВВП на 16%, реального ВВП на душу населения – на 14% и сокращение потребностей мировой экономики в энергии на 48% по сравнению с базовым сценарием.

Третье направление реакции на вызовы – «зеленая экономика». Это очень любопытная вещь. В современных условиях – это достаточно значительный сектор экономики. По сути дела, это сектор, работа которого направлена на ресурсосбережение и снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду (в первую очередь – уменьшение выбросов). В богатых странах есть спрос на «зеленые» технологии и продукцию, изготовленную с их применением. На слайде показаны оценки экспертов ООН, в соответствии с которыми «зеленый» сценарий развития может обеспечить рост реального ВВП на 16%. Понятно, что это оценки чрезмерно оптимистичны. Но даже если извлечь из них квадратный корень, то получится рост на 4% это все равно очень хорошая цифра, с которой можно работать.

Я, наверное, на этом буду выступление заканчивать, в презентации есть еще материал об институциональных факторах, которые на фоне сравнительного роста значимости ресурсно-

технологических факторов, тем не менее, сохраняют свое значение. Если будут вопросы, я к этой теме вернусь.

В исследованиях экономического развития принято выделять 4 основных типа институтов, имеющих принципиальное значение для использования потенциала хозяйственного роста: экономические, социальные, правовые и политический. Совершенствование экономических и правовых институтов имеет ключевое значение для использования ресурсного и наращивания технологического потенциала национальных экономик, а реформа политических институтов часто является необходимым условием повышения качества экономической политики.

Если для исследований 1990-2000-х гг. был характерен акцент на том, в какой мере институциональные преобразования и совершенствование экономической политики могут обеспечить наращивание объема доступных ресурсов и повышение эффективности их использования на основе имеющегося пула технологий, то в современных условиях приоритетное значение приобретает вопрос о том, в какой мере соответствующие факторы способны обеспечить максимально гибкую адаптацию экономики к изменениям сравнительных цен ресурсов, в первую очередь через поддержку технологических изменений, направленных на замещение труда капиталом, низкоквалифицированного труда – высококвалифицированным и сравнительно дорогих природных ресурсов – сравнительно дешевыми.

Подводя итоги, я бы хотел обратить внимание на обстоятельство, которое, пожалуй, самое важное.

Традиционная дилемма экономического регулирования – «больше государства» или «больше рынка» - превратилась в анахронизм.

Эффективное регулирование глобальных рынков по определению не может осуществляться на уровне отдельных государств – для этого необходимы международные (глобальные и региональные) механизмы, основанные на сотрудничестве как государственных, так и негосударственных субъектов. Ведущую роль в национальной экономической политике начинают играть меры, не подменяющие действующие рынки, а дополняющие его с целью максимальной реализации конкурентных преимуществ стран.

В наших странах дискуссии по экономической политике все время «сползают» в избитую колею: «Ты за государство или за рынок? Ты считаешь, что государство должно что-то делать, или ты считаешь, что рынок сам все определит?» Но на самом деле в современных условиях дилемма «больше государства или больше рынка» бессмысленна. Почему она бессмысленна? Во-первых, потому, что даже если мы просто говорим о регулирующих функциях государства («больше регулировать или меньше регулировать?»), то в современных условиях регулированием занимается отнюдь не только государство. У нас есть региональные интеграционные объединения, где многие функции экономического регулирования переданы на наднациональный уровень (есть ЕС, будет создан Евразийский экономический союз), существуют многосторонние механизмы управления глобальными экономическими процессами (например, Всемирная торговая организация). Когда утверждается: «Нужно регулировать рынки, значит, должна повышаться роль государства», то возникает вопрос: а почему государства? Может быть, регуляторные правила должны быть приняты на уровне региональных объединений? А может быть, эти правила должны формулироваться на уровне международных экономических организаций? Важно определить, на каком уровне должны быть созданы эти правила, чтобы результатом стало более эффективное регулирование.

Наиболее фундаментальная дилемма в настоящее время связана с нахождением оптимального баланса между национальными и наднациональными механизмами регулирования экономических процессов. Если в предшествующий период (фактически со второй половины 1940-х гг. до конца 1990-х гг.) ключевую роль в поддержке экономического развития играли регуляторные реформы на национальном уровне, инициированные субъектами национальных политических рынков, то в 2000-е гг. существенно возросла роль институциональных преобразований на международном уровне, «подтягивающих» за собой регуляторные преобразования в конкретных странах.

Далее, в современных условиях меры государственного регулирования в первую очередь не замещают, а дополняют рыночные механизмы. И в этих условиях ставить вопрос – «Больше государства или больше рынка?» - тоже бессмысленно, потому что в этих условиях «больше государства», больше регулирования, означает более качественный рынок. Таким образом, это ложная дилемма.

И, наконец, в традиционных подходах доминирует оценка размера государства по доле государственных расходов в ВВП, доле государственных активов, доле участия государства в капитале компаний какой-то отрасли. Но в современных условиях, с учетом достижений институционального и экономико-политического подходов, важно учитывать не только количественные показатели, но и качество государственных институтов и выполняемых ими функций. И когда у нас говорят, например: «Вот в Норвегии нефтяная промышленность государственная, там все хорошо, и нам так надо!», то необходимо сравнивать качество государственных институтов в Норвегии и качество государственных институтов в других странах, которые пытаются создавать государственные нефтяные компании. И

только после этого можно делать выводы относительно того, стоит ли опираться на государственные компании в наших странах – с учетом качества государственных институтов у нас.

Вывод, таким образом, заключается в следующем: давайте уходить от ложной дилеммы «Государство или рынок?» и исследовать другую проблему: как определить оптимальный баланс между национальными и наднациональными механизмами регулирования? Это одна из самых дискуссионных и интересных тем в институциональных исследованиях экономического роста, но она настолько велика, что нуждается в самостоятельном рассмотрении. Поэтому я ее здесь зафиксирую, а вас поблагодарю за внимание.

Обсуждение лекции

К. Келимбетов: Спасибо большое, Сергей Александрович! Я думаю, много мыслей родилось в ходе обдумывания тех тезисов, которые были сегодня вами предложены. Я просил бы всех активно поучаствовать в дискуссии, задавать вопросы, высказать свое мнение. Для затравки, Сергей Александрович, исходя из всего сказанного, и с учетом того, что последние 15 лет и Россия и Казахстан двигались в фарватере каких-то определенных экономических концепций и политик (формирование инвестиционного климата, в какие-то периоды – импортозамещение, в какие-то периоды – развитие экспорта), я заметил, что и в России, и в Казахстане как-то стеснялись своей сырьевой составляющей, хотя и уперлись в пределы физического роста в какой-то период времени. В то же время, Россия первая столкнулась с проблемой более медленного роста, чем в предыдущие годы. Исходя из того, что, как вы говорите, наступает реванш ресурсно-технологической концепции, что тогда должны делать правительства, бизнес, государства наших стран?

С. Афонцев: Здесь два важных аспекта. Первый аспект связан с сырьевой ориентацией наших экономик, которая обычно рассматривается как что-то «плохое», с учетом того, что у экспертов есть свои собственные представления о том, что такое «хорошо». Кто-то говорит, что приоритетом должно стать развитие обрабатывающей промышленности, кто-то верит в высокие технологии, кто-то специально отмечает роль нанотехнологий. Например, в 2008 г. была утверждена Стратегия экономического развития СНГ до 2020 г., на третьем этапе реализации которой (в 2016-2020 годы) планировалось «формирование регионального рынка нано- и пикоиндустрии» для обеспечения странам СНГ «ведущих позиций на мировом рынке по некоторым видам высокотехнологичной продукции». Звучит абсурдно, но – можете найти и сверить! Конечно, это доктринерство за пределами добра и зла. Но в то же время нельзя отрицать, что есть объективные факты, которые показывают, что страны с преимущественно сырьевой ориентацией экономики испытывают существенные проблемы в развитии: «голландская болезнь», повышенная волатильность, проблемы с государственным бюджетом, с изысканием политической ренты и т.д.

Имея значительные запасы природных ресурсов, можно предпринять шаги, позволяющие снизить зависимость от них в будущем. Возникает вопрос – какие это шаги? Некоторые принимаемые меры носят прожектерский и имиджевый характер – например, то же развитие нанотехнологий или выращивание пшеницы в Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах. Пшеница получается на вес золота. Ясно, что к экономическому развитию это не имеет никакого отношения, это имеет отношение к амбициям субъектов, принимающих политические решения. А к экономическому развитию имеет отношение привлечение инвестиций в те сектора, которые идентифицированы на основе серьезного экспертного анализа, расчетов, дискуссий с привлечением представителей бизнеса. В тех же Объединенных Арабских Эмиратах большое внимание уделяется идентификации перспективных секторов специализации. Так был сделан вывод о целесообразности развития отдельных отраслей услуг, в частности, туристических и финансовых. В результате специфика географического положения страны (жаркий климат, пустыня, незаселенное побережье) из недостатка превращается в источник конкурентных преимуществ – в сфере рекреационного туризма. Значение имеет множество тонкостей. Дубай, например, расположен в том сегменте часовых поясов, который к моменту создания там финансового центра не был «закрыт» ни одним зарубежным финансовым центром. Данный фактор во многом способствовал финансовому успеху Дубая, что затем позволило успешно развивать, в частности, рынок недвижимости.

Перед нашими странами стоит аналогичная задача – провести грамотный анализ того, что мы можем сделать на своей территории с учетом набора своих конкурентных преимуществ. При этом нужно понимать, что время не стоит на месте, и нашу нишу кто-то может успеть занять. Например, когда речь идет о развитии финансового центра в Москве, есть один важный аргумент, который сильно способствует охлаждению энтузиазма: «Коллеги, вы понимаете, в каком часовом поясе Москва находится?» – «А что?» – «Вообще-то это тот же пояс, что и у Дубая. Как вы думаете, в одном и том же часовом поясе нужен еще один глобальный финансовый центр? И можем ли мы сделать что-то такое особенное, чтобы конкурировать с Дубаем?» – «Наверное – нет, не можем». Если это признается, значит, надо корректировать стратегию создания финансового центра, фокусировать его деятельность на конкретных рыночных сегментах, имеющих значение для регионального финансового рынка, где Дубай – нам не конкурент.

Это, конечно, частности, но частности важные. Бессмысленно развивать мегапроекты на основании отвлеченных идей или в попытке бездумно скопировать зарубежный опыт. Такое копирование ни к чему хорошему не приводит. Помните, Том Сойер планировал стать разбойником и устраивать оргии в пещере? А когда Гек Финн спросил его, что такое оргии, Том ответил: «Не знаю... но у разбойников всегда бывают оргии - значит, и нам придётся устраивать оргии». На практике, к сожалению, часто так бывает: выдвигается громкий лозунг, под него выделяются деньги, и сразу находятся люди, которые будут писать программы, целевые показатели, планы-графики... Но на то ведь и существуют эксперты, чтобы пафос сбивать. Не нужно «планов громадьё», нужны четкие проекты, реалистичные, и обязательно с бизнес-планами.

Понятно, что крупными проектами легче перед начальством отчитаться, инициативу огласить, поддержку получить. Но, к сожалению, крупные проекты часто оборачиваются потерей денег, которые закапываются в землю (часто буквально) и уходят по коррупционным каналам.

К. Келимбетов: Сергей Александрович, из вашей презентации четко было видно, что, например, американцы сейчас нашли новое направление развития – это сланцевая экономика, сланцевый газ, реиндустриализация в целом Америки, многие компании возвращаются, газ дешевый внутренний, и сама по себе эта отрасль создает много рабочих мест, еще и экспортировать можно – за счет сокращения российского газа, в перспективе. А с другой стороны, в Европе немцы придумали «зеленую экономику». А что постсоветское пространство? Арктику будем развивать? Байкало-Амурскую магистраль строить? Импортозамещать что-то, когда нам рынки везде закроют?

С. Афонцев: Я надеюсь, что вам-то точно рынки не закроют, а вот с нами могут быть проблемы. Смотрите, вопрос был: «Что нам делать?» Делать можно много чего, но будет ли успех? Давайте посмотрим: каковы предпосылки успеха. Когда мы говорим, что в Америке – сланцевая революция, важно понимать, почему она произошла. Нефте- и газодобыча в США – высококонкурентный рынок, в котором разведены функции компаний-собственников и сервисных компаний. Есть большое число компаний, которые не владеют никакими месторождениями, а привлекаются для их разработки по контрактам. Та же Halliburton, о которой все любят говорить в связи с именем бывшего вице-президента Дика Чейни – это именно такая сервисная компания, которая занимается разработкой месторождений. Высокая конкуренция и наличие мощного сегмента сервисных компаний стали важнейшими предпосылками к тому, что компании оказались заинтересованы в разработке и внедрении новых технологий, в разработке ресурсов, которые раньше не использовались. Все знали, что нефте- и газоносные сланцы есть, но технологий для их разработки не существовало. Если конкуренция между компаниями нет, стимулы для разработки таких технологий отсутствуют. А зачем? Монополистам и без них хорошо. А вот когда компаний много и конкуренция между ними интенсивная, то из пятидесяти компаний две могут заняться разработкой новых технологий. Именно за счет этой конкуренции в США произошел колоссальный технологический прорыв, который не был возможен ни на постсоветском пространстве, ни в условиях функционирования государственных компаний в Малайзии или Бразилии, ни даже в Европе. И результат - налицо. И ведь никто не разрабатывал государственные программы, не было такого, что «президент США издал указ, чтобы искать и разрабатывать сланцевый газ» – ничего такого не было. Для самих американцев это было неожиданностью. Бизнес сам все сделал. Отсюда вывод – давайте доверять бизнесу, создавать условия, чтобы он сам искал перспективные ниши и отрасли. Государственные органы очень плохо предвидят будущее. Форсайты, определение технологических приоритетов на 10-20 лет вперед – все это мы проходили многократно, все это идет с большим скрипом и сильно отдает прожектерством. А нужно просто позволить людям изыскивать возможности зарабатывать деньги. И тогда они придумают такие отраслевые и технологические приоритеты, о которых никакие эксперты заранее не догадаются.

Вопрос из зала: Когда вы говорили не об объеме инвестиций, а о качестве инвестиций, можно ли говорить также о качестве политических институтов? Потому что есть такой тезис, что и в развивающихся, и в развитых странах государственные инвестиции менее эффективны. И если мы говорим: «Нужно улучшать качество», можем ли мы говорить также о том, чтобы улучшать наши институты, которые позволяют более эффективно тратить эти деньги?

С.Афонцев: Конечно, можно. Необходимость реформы государственных институтов – это ключевой вывод периода 1990-х годов. Тогда активно велись дискуссии, с которыми вы наверняка тоже сталкивались – о роли Вашингтонского консенсуса и о возможных альтернативах ему. На Вашингтонском консенсусе были основаны рецепты Международного валютного фонда для переходных стран в начале 1990-х годов: либерализация, приватизация, дерегулирование и т.п. Но институциональные реформы в нем не предусматривались. И вот оказалось, что рецепты Вашингтонского консенсуса в одних странах сработали, а в других - нет. Почему? Потому что институты в разных странах разные, в том числе и институты, ответственные за выработку экономической политики. Проходя «фильтры» этих институтов, одни и те же рецепты для экономической политики превращаются в разные политические решения, да и имплементация этих решений оказывается разной. Часть рекомендаций отбрасывается, часть – откладывается, часть – интерпретируется и выполняется так, что лучше бы их вообще не выполняли. И причина здесь – именно в государственных

институтах. Сложность в том, что эти институты тяжело реформировать. Здесь как в известной поговорке – «Кто усторожит сторожей?», ведь реформировать институты должны те, кто эти институты «населяет». Мы не рассматриваем здесь ситуацию революционных изменений, они очень редко приводят к чему-то хорошему.

Конечно, это задача для прогнозирования и социального конструирования. При наличии сильной исполнительной власти, как правило, эту задачу решить проще, чем в ситуации слабой исполнительной власти. Но тут тоже возможны варианты, потому что правительство может контролироваться группами с особыми интересами (*captured government*). Эти интересы могут быть экономические, а могут быть политические. Если это политические интересы, политикам могут быть просто неинтересны какие-то экономические вопросы: «Ну подумаешь, издержки высокие, отрасли какие-то пострадают, зато мы свою политическую линию проведем!» Так что даже в условиях сильной исполнительной власти возможны варианты. Если смотреть на постсоветские страны, то, конечно, в вашей стране больше возможностей для эффективной институциональной реформы, потому что подобные крайности все-таки «отсечены».

А что касается качества государственных инвестиций – да, оно зависит от качества политических институтов. Если политические институты ориентированы на изыскание и присвоение ренты, то и государственные инвестиции будут такие, чтобы контракты пошли «кому надо». А если есть гражданский контроль, если «шаг влево, шаг вправо – чиновник уволен», то стимулы к осуществлению бездарных и вредных инвестиций отпадут очень быстро.

Таймур Акматбеков: Здравствуйте. У меня вопрос из трех частей. По Российской Федерации. Вы показывали прогнозы МВФ. По российской экономике рост будет меньше, чем в прошлом году, и в примечаниях к этому прогнозу говорится, что российская экономика достигла пика своего возможного роста по той модели, которая сейчас существует, и необходимо какие-то реформы проводить. Судя по вашему выступлению, вы придерживаетесь классической теории сравнительных преимуществ, т.е. каждая страна должна заниматься тем, что ей дешевле и легче производить, правильно я вас понял?

Вторая часть вопроса по Китаю. В 2010-2011 годах «Блумберг» проводил опрос среди мировых экспертов о перспективах Китая, и 90% аналитиков сказали, что в 2015-2016 годах Китай столкнется с замедлением экономики, которое, в принципе, мы сейчас и наблюдаем. Мы видим, что привлекательность Китая с точки зрения трудовых ресурсов снижается, заработная плата там за последние 10 лет выросла. Как вы считаете, действительно ли, как заявляют власти Китая, перспективы его теперь не в качестве заемщика, а в качестве инвестора, т.е. Китай сам будет выступать в роли инвестора в перспективе?

И третья часть вопроса – более глобальная. Вы сказали, что, гипотетически, экономика мировая все-таки выйдет из кризиса. Если мы выйдем из кризиса, то структура экономики останется такой же, как сейчас (доминирование западных стран, в частности США и Западной Европы), либо все-таки будут локальные центры – может быть, Евразийский союз, латиноамериканские или азиатские страны? Как вы считаете, какая будет структура мировой экономики?

К. Келимбетов: Традиционный вопрос. Я его суммирую, если можно. Как я понял вопрошающего, Россия выходит на низкие темпы роста, Китай тоже много не обещает, вот у Соединенных Штатов, вроде бы, хорошие показатели, так что на кого ориентироваться, например, Казахстану, чтобы правильно развиваться?

С. Афонцев: На кого ориентироваться? Мы можем вам показать, какие есть варианты, а вы сами будете делать выбор, мы за вас эту задачу решить не сможем.

Прогнозы по России, исчерпание ресурса роста – да, все это так. К сожалению, даже при благоприятной геополитической ситуации ресурсы для ускорения роста российской экономики были бы крайне ограниченными, а при неблагоприятной – тем более.

Что касается сравнительных преимуществ – если мы хотим добиться того, чтобы экономика развивалась успешно и устойчиво, мы по определению должны ориентироваться на сравнительные преимущества. Если мы будем производить что-то, что дешевле было бы купить за рубежом, и, тем более, если мы будем сознательно производить что-то или делать какие-то проекты, которые не имеют шансов дать хорошую отдачу, то мы упускаем возможности развития. Если речь идет о чем-то стратегическом, например – проектах для обеспечения обороноспособности, то здесь есть, о чем подумать. Если же говорить о проектах, которые выгодны только конкретным группам давления в ущерб основной массе граждан, то тут уже и думать не о чем. Вот, например, говорят о том, что нужно развивать производство мяса птицы для продовольственной безопасности. Крупнейший поставщик мяса птицы для России – Бразилия. Мы что, с ней воевать собираемся? Развивая отрасли, где эффективнее было бы ориентироваться на импорт, мы упускаем возможности для развития, связанные с альтернативным использованием ресурсов.

Перспективы Китая. Опасность замедления его экономики в 2015-2016 годах сохраняется. Китай, конечно, реализует программы стимулирования, пытается избежать «жесткой посадки». Но если посмотреть на рынок недвижимости Китая – там пузырь, он никуда не девается, а мы знаем, что такое пузырь на рынке недвижимости. Если смотреть по балансам китайских банков, там тоже масса вопросов. Понятно, что Китай – это экономика с сильным государственным вмешательством, и правительство может что-то придумать, чтобы и пузыри «приспустить», и банки поддержать, но, в принципе, риски очень большие.

Про экспорт капитала. Когда речь шла о прямых иностранных инвестициях в Китай, то важен был не капитал как таковой, а технологии, которые с этим капиталом приходили. Вообще, прямые иностранные инвестиции – это больше про технологии, чем собственно про капитал. Просто заимствовать капитал для развивающихся стран не очень интересно. Можно брать деньги взаймы и радоваться, что у тебя их много, можно их на войну потратить или построить завод по производству мусора – в рамках политики импортозамещения. Так многие страны делали – например, латиноамериканские диктатуры в 1950-1970-х годах. До чего «доимпортозамещались» латиноамериканские страны к началу 1980-х – мы помним: долги колоссальные, а экономика неэффективна. Отсюда – пресловутое «потерянное десятилетие».

Китай, напротив, привлекал прямые иностранные инвестиции для того, чтобы повышать технологический уровень экономики. Но можно получать технологии, привлекая инвестиции, а можно получать технологии и компетенции, покупая предприятия по всему миру. Китай уже приступил к реализации этой стратегии, и она останется для него очень перспективной, если не будет «жесткой посадки» китайской экономики.

Структура экономики развитых и развивающихся стран. Здесь есть подсчеты нашего института по сравнительным темпам роста и, соответственно, по ожидаемым долям в мировом ВВП. Эти расчеты, правда, сделаны еще по паритету покупательной способности 2009 года, сейчас они будут пересматриваться, но предварительные оценки показывают, что радикально картина не изменится. А картина выглядит следующим образом.

	2000-2010	2011-2020	2021-2030
Мировая экономика	2.6	3.7	3.7
Развитые страны	1.5	2.7	2.6
США	1.8	3.2	3.1
Япония	0.6	2.0	1.9
ЕС-27	1.1	2.2	2.1
Развивающиеся рынки	5.6	5.7	5.4
Китай	10.0	8.5	7.0
Индия	7.4	7.4	6.9
Бразилия	3.4	3.4	3.4
Россия	4.7	4.0	4.5

	По валютному курсу 2009 г.				По ППС 2009 г.			
	2000	2010	2020	2030	2000	2010	2020	2030
Мировая экономика	100	100	100	100	100	100	100	100
Развитые страны	75,6	67,6	60,9	54,3	62,1	51,7	44,3	37,7
США	26,6	24,6	23,3	21,8	23,0	19,7	17,6	15,6
Япония	10,5	8,6	7,3	6,1	7,4	5,6	4,5	3,5
ЕС-27	31,6	27,6	24,3	21,2	25,9	21,1	17,8	14,9
Развивающиеся рынки	24,4	32,4	39,1	45,7	37,9	48,3	55,7	62,3
Китай	4,5	8,9	14,0	18,9	7,0	12,9	19,1	24,4
Индия	1,5	2,3	3,3	4,5	3,8	5,4	7,2	9,2
Бразилия	2,6	2,8	2,7	2,6	2,8	2,8	2,6	2,4
Россия	1,7	2,1	2,2	2,4	3,1	3,7	3,6	3,7

Да, у нас будет изменение страновых долей в мировом ВВП, по Китаю в 2030-м году планируется 24,4%; по Индии – 9,2%; по Бразилии – 2,4%; по России – 3,7%. Соответственно, доля развивающихся стран будет увеличиваться, но не такими значительными темпами, как раньше. К 2030-му году, по нашим расчетам, получалось, что на развитые страны будет приходиться 37,7% мирового ВВП, а на развивающиеся – 62,3%. Фактически – чуть больше трети и чуть меньше двух третей. В 2000 году по ППС была практически обратная ситуация. В 2000 году развитые страны – 62,1%; развивающиеся – 37,9%. А в 2030-м году развитые – 37,7%; развивающиеся 62,3%. Было 2/3 на 1/3, станет 1/3 на 2/3.

О. Буклемишев: Спасибо большое, Сергей Александрович. На самом деле, блестящая лекция, абсолютно без всякой иронии должен сказать. Раньше я бы на этом и остановился Но, поскольку вы теперь сотрудничаете с МГУ, я бы попробовал с вами немножко поспорить. У меня целая куча несогласий с вами, хотя в общем пафосе я, по большому счету, с вами согласен, но по мелочам – куча несогласий.

Давайте начнем с «зеленой экономики». Это большая и тяжело субсидируемая индустрия в западных странах. Конечно, хорошая штука, когда что-то очень зеленое, очень хорошее и очень позитивное производится, но гораздо хуже, когда все это делается за счет субсидий и денег налогоплательщиков, которые, в общем-то, под это дело не подписывались. Многие даже самые чистые энергетические вещи, которые сегодня делаются, во многом подпитываются за счет средств налогоплательщиков, без особой перспективы выхода на окупаемость. Сложилась целая бюрократическая отрасль зеленых технологий. Это факт. При всех хороших вещах, которые там есть, этот факт тоже нужно фиксировать: бюрократическая «зеленая экономика» едва ли не больше, чем «хорошая» «зеленая экономика», о которой вы упоминали, когда говорили о сравнительных преимуществах. Здесь ценовые сигналы не работают, поскольку они очень сильно искажены.

Другой тезис, с которым я категорически не согласен, это то, что мир не может долго жить с низкими процентными ставками. Еще как может. Вот есть та же самая страна, которая называется Япония. Там демографический и финансовый тренды одновременно (о демографии мы еще поговорим) привели к той стагнации, которую они сегодня имеют: экономического роста нет, инфляция, ставки маленькие, что опять приводит к отсутствию инвестиций. Замкнутый круг. Из этого круга абэномика, к сожалению, не выходит, поскольку абэномика – это тоже расчет на завтрашний ресурс, там нет ничего такого, что абэномика пробуждает к жизни. Сейчас японцы начали зондировать почву вполне серьезно, в первый раз, для того, чтобы с 2015 года начать завозить в страну по 200 тысяч человек иммигрантов в год. То есть японцы поняли, что демографическая ситуация у них неадекватная. Нынешний тренд показывает, по-моему, если я в цифре не ошибаюсь, на 2010 год – население Японии 45 миллионов человек. Понятно, что это простая экстраполяция, но она о многом говорит. И сегодня японское правительство очень осторожно начало зондировать почву под план завоза по 200 тысяч человек в год.

Теперь мы еще немного поговорим о демографии, потому что здесь важна, скорее, даже не политика, а то, что Япония – это закрытое общество. Люди, которые туда были завезены – там были бразильские заводы, которые бразильскими же рабочими строились, они там работали, – эти люди оттуда уехали, не смогли прижиться в японском обществе. И это гораздо более важный вопрос для Японии, и здесь необходимы изменения, как мне кажется, ровно потому, что демография – это даже не количественный, а качественный вопрос. Потому что стареющее общество – это не только общество, у которого мало трудовых ресурсов, это общество совершенно иного динамизма, иной инновационной

составляющей, это другое общество. Это общество другое по финансовым трендам, потому что старые люди ведут себя иначе, нежели молодые, на финансовом рынке в том числе.

Я вот недавно столкнулся с реалиями рынка труда, и выяснилось, что я в Российской Федерации, будучи вполне еще, по-моему, молодым человеком, являюсь дискриминируемой категорией населения. Ровно потому, что я слишком старый для того, чтобы занимать многие позиции. Это действительно так. Вот с чем нужно работать в тех сферах, где у нас нет иммиграционного ресурса, так что с общим пафосом я здесь совершенно согласен. А вот этот сценарий секулярной стагнации, когда низкие процентные ставки, дефляция, низкокачественные инвестиции – цикличность этого сценария сегодня представляется мне едва ли не самой главной угрозой.

Угрозы, которые вы описали, и сценарий, который вы описали, в принципе, в эту картину укладываются. Но сейчас все больше люди начинают обсуждать вопрос: а вот что если – все? Что, если мы действительно замкнулись, и Япония – светлое будущее всего человечества? Что с этим делать, совершенно непонятно, и, действительно, об этом думать уже нужно.

С. Афонцев: Что касается «зеленой экономики», субсидий и т.д., то я использовал здесь расширительное определение «зеленой экономики», включающее инвестиции в разработку и внедрение технологий, направленных на ресурсосбережение и снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду. Здесь есть сегменты, которые в странах Европейского Союза развиваются в основном за счет государственных стимулов, и есть сегменты, которые развиваются на рыночных стимулах, в первую очередь, в сфере ресурсосбережения. Логика заключается в том, что «зеленая экономика» представляет собой ответ на вызовы, существующие в сфере глобального развития. Такой ответ есть – и это факт. Естественно, если мы будем говорить о долгосрочных перспективах этого ответа, то некоторые предлагаемые решения приживутся, а другие – отомрут. Вот пример: в последние годы в Нидерландах построили несколько электростанций на природном газе, как экологически чистом топливе, инвестировали большие деньги. Но в результате глобального сдвига в потреблении энергоресурсов значительная часть американского угля пошла на европейский рынок, европейцы сказали: «Да Бог с ним, с этим газом, мы будем углем топить!» «Зеленые» начали кричать и рвать на себе волосы: «Как же так – углем, мы же закрывали шахты, уголь же самый грязный, какой ужас!» На что энергетики сказали: «Знаете, все это очень правильно, но углем топить дешевле». В данном случае тренд «зеленой экономики» оказался «погребен» логикой сравнительных преимуществ и сравнительных цен.

Это все понятно, такое возможно и в будущем, но мы не можем отрицать тот факт, что в развитых странах значительная доля ресурсов и значительные усилия и бизнеса, и правительства направлены на развитие «зеленой экономики». Как долго удержится этот тренд – хороший вопрос. Мой прогноз, что тенденция к ресурсосбережению, безусловно, удержится, и усилия рыночных субъектов по поиску технологий ресурсосбережения будут нарастать.

По поводу двух следующих вопросов: можно или нельзя жить долго с низкими процентными ставками. Может быть, я не разъяснил, что имею в виду под словом «жить». Это как в старом анекдоте:

– Доктор, я жить буду?

– Жить-то вы будете, а смысл?

Для меня «жить» – значит «жить хорошо, динамично развиваясь». Конечно, существовать с низкими темпами роста, перебиваясь с воды на хлеб, можно и с нулевыми процентными ставками, но это несовместимо с экономическим развитием. То есть рано или поздно процентные ставки придется повышать. А чтобы прекратить действие антикризисных мер, одна из которых – близкая к нулю процентная ставка, нужно, чтобы «запустились» механизмы роста экономики. Возникает вопрос – за счет чего это может произойти? Конечно, если те факторы, о которых я говорил, не сработают, то экономика «не запустится». Тогда можно держать низкие процентные ставки до тех пор, пока не придет правительство, которое найдет нужные решения и начнет реформы.

Далее, меня совершенно не пугает Япония, как светлое будущее всего человечества. Ну, 45 миллионов, и что? Ну, много стариков, и что? Мы же не обязательно говорим о Японии, состоящей из 45 миллионов, из которых 35 миллионов старики...

О. Буклемишев: Вот это и есть экономика, когда 10 миллионов работают и лечат 35 миллионов.

С. Афонцев: Здравоохранение, кстати, очень достойная отрасль национальной экономики!

Так вот: одна опция – 45 миллионов в Японии, из них 35 миллионов стариков, вторая опция: в Японии 45 миллионов японцев, и 120 миллионов кого-то еще.

Реплика из зала: Ну, это уже Эмираты!

С. Афонцев: И японцы выбирают между этими двумя опциями. Они вполне могут выбрать первую, и в условиях, когда население снизится до 45 миллионов японцев, могут существовать механизмы, которые будут поддерживать экономический рост в такой стране. Конечно, структура финансовых

рынков будет другая. С инновациями - я бы подумал, потому что во многих японских фирмах инновации придумывали и внедряли как раз «старики». Так что я не вижу ничего страшного в пролонгировании трендов Японии.

К. Келимбетов: Спасибо большое. Давайте будем завершать, поскольку уже достаточно времени обсуждаем. Спасибо огромное всем участникам, спасибо нашему сегодняшнему выступающему. Сергей Александрович, было очень интересно. Я думаю, что вопросов родилось много, и особенно исходя из самого главного посыла, что социально-культурные факторы и экономическая география никак не мешают развиваться России и Казахстану, а может быть, являются подспорьем для этого. А институциональными факторами серьезно, кроме Александра Аузана, никто не занимается в наших странах.

А. Аузан: Есть еще несколько человек.

К. Келимбетов: Остается хорошо подумать о ресурсно-технологических факторах, мы видим, что это, действительно, становится трендом, которым нужно серьезно заниматься.

Сергей Александрович, вы сегодня о Томе Сойере вспомнили, я вспомнил на эту же тему о коте Матроскине из «Каникул в Простоквашино». Когда его спрашивали: «Что же делать? Есть ли у нас средства?». Он отвечал: «Средства у нас есть», – и дальше добавлял: «У нас ума нет». Поэтому я хотел бы завершить сегодняшнюю нашу встречу фразой Сергея Александровича: «Найти источник роста внутри себя». Это, наверное, самый главный вопрос для экономик наших стран – что нам дальше делать, какой будет источник роста – поскольку предыдущие наши концепции, мне кажется, достаточно глубоко были исследованы, есть понимание, какой возможен вклад того или иного фактора в наше дальнейшее развитие. Но источник роста внутри себя – это то, чем должна каждая нация и каждое государство заниматься самостоятельно.

Поэтому давайте вместе думать, и уже в рамках и Таможенного Союза, и Евразийского Союза. В перспективе, вместе или по отдельности, я думаю, мы найдем ответ. Весь вопрос заключается в том, как наша постсоветская экономика может самостоятельно стать эффективной. Весь вопрос в эффективности.

Развитие и неравенство: пространственный ракурс

Наталья Васильевна ЗУБАРЕВИЧ,

доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор региональной программы Независимого института социальной политики.

Мы публикуем стенограмму лекции известного специалиста по экономическому развитию регионов **Натальи Зубаревич**, прочитанной в Алматы, в конференц-зале отеля «Рахат Палас» в ноябре 2014 года, в рамках проекта «**Беседы об экономике и не только**», который проводится при поддержке Национального банка Республики Казахстан и Экономического факультета МГУ им. Ломоносова.

Эволюция теорий пространственного развития прошла долгий путь. Начиналось все с теорий и моделей, основанных на факторах расстояния и величины городов, близости к рынкам сбыта и местам добычи сырья. Это модель Тюнена, теория центральных мест Кристаллера, модели размещения промышленности Вебера. Они в чем-то близки к физическим моделям, т.к. основывались на величине объектов (их притягивающей силе) и расстоянии между ними. В 1950-60-е годы произошел сдвиг от простых физических моделей к более сложным. Появилась теория "кумулятивного эффекта" Мюрдаля, объясняющая концентрацию разных отраслей в тех или иных территориях. Упрощенно логика такая: если для другой отрасли размещение будет комфортным, возникает кумулятивный эффект в виде притягивания и других отраслей. Благодаря конкурентным преимуществам таких территорий естественно формируются точки роста.

В теории Перру рассматривалась возможность искусственного создания "точек роста" путем размещения предприятий новых отраслей на менее развитых территориях, чтобы потом туда потянулись и другие производства. Эта теория использовалась властями разных стран для подъема отстающих территорий: на Сицилии построили нефтеперегонный завод, в Калабрии - металлургический комбинат, в те времена это были современные производства. Но кумулятивного эффекта не получилось. Оказалось, что трудно искусственно создать точку роста на территории, построив с помощью государства предприятие современной отрасли промышленности. Если у этой территории нет реальных конкурентных преимуществ, частный бизнес туда не приходит и кумулятивного эффекта не возникает. Это первый вывод.

Очень важно помнить, что у любого решения о пространственном развитии есть цена. Обычно говорят о дилемме равенства и эффективности. Приоритет экономического роста требует стимулирования или хотя бы меньших изъятий финансовых ресурсов из территорий с конкурентными преимуществами, ведь, развиваясь быстрее, они тянут за собой всю страну. Если приоритетом является выравнивание и значительные ресурсы перераспределяются в менее конкурентоспособные территории, экономический рост, как правило, замедляется. Политически важно не допускать больших территориальных неравенств внутри страны, обеспечивать выравнивание, но тогда нужно понимать, что с эффективностью будет не очень здорово. Каждая страна делает свой выбор, пытается найти оптимальную пропорцию между равенством и эффективностью, и этот выбор меняется во времени. На него влияет не только власть, но и сами люди. Если страна более развита и богата, социальные нормы общества чаще требуют, чтобы жители разных территорий имели более равный доступ к общественным благам. Если страна относится к догоняющим, власти чаще выбирают стимулирующую региональную политику, а общество более терпимо к пространственному неравенству. Может быть любая пропорция, все зависит от места и времени.

Важно отметить и диффузионистские теории, появившиеся в 1960-е годы. Они объясняют, как продвигаются в пространстве инновации. Инновацию трудно взять и перенести из пункта А в пункт В по решению властей. Диффузия обычно идет по иерархической системе поселений – от крупнейших городов к менее крупным и потом на периферию. Простой пример – новая мода. Сначала она придет в Алматы и в Астану, потом в Караганду и Павлодар, а до дальних аулов дойдет через годы. Инновации требуют адаптации, важна готовность к ним, а она разная в разных типах поселений. Есть еще ближняя диффузия – от крупнейших городов-центров в их пригородную зону. Это второй тип диффузии внутри агломерации – от ее центра к периферии.

В 1970-е стало понятно, что "точки роста" насадить невозможно, они плохо приживаются в местах без конкурентных преимуществ. Появились теории, которые объясняют объективность пространственного неравенства. Это центр-периферийные теории. Их основоположники в экономике – Фридман, в экономической истории – Бродель, в политологии – Валлерстайн. Эти теории говорят о том, что всегда есть центр, и всегда есть периферия. Между ними существует более гибкая зона под названием полупериферия. Центры всегда изымают ресурсы (человеческие, финансовые, природные) из периферий и концентрируют их, создавая с помощью этой концентрации некие инновации. Если модель работает нормально, затем эти инновации распространяются и на периферию. Что-то вроде

двухтактного двигателя: центр приподнялся – подтянул за собой периферию. Но если диффузия на периферию (обратный поток) сталкивается с огромными барьерами, то получается, как в России: все ресурсы собираются в Москву, а инновации из Москвы почти не выходят. Получается раздутый центр, и, понятно какая, периферия, поскольку плохо работают институциональные и экономические каналы продвижения инноваций.

Еще очень важный момент. При изменении геополитических, экономических или технологических условий полупериферии могут становиться новыми центрами. Периферии – никогда, у них не хватает конкурентных преимуществ. А полупериферии более готовы к реализации инновационных функций и это дает шанс на изменения местоположения центров.

Ближе к концу XX века появилась кластерная теория М. Портера. Его приглашали и в Казахстан, чтобы помочь создать кластеры. Однако естественно сформировавшиеся кластеры (северо-итальянские кластеры текстильной или обувной отрасли, компьютерный кластер в Силиконовой долине) мало похожи на то, что мы пытаемся искусственно создать и в России, и в Казахстане. На постсоветском пространстве ни у кого кластерной политики не получилось, потому что все идет по бюрократической схеме: «придумать из головы, разработать планы, профинансировать и построить», а кластеры так не возникают. Они снизу растут, от взаимодействия бизнеса, от человеческих обменов знаниями и опытом, а мы так не умеем, привыкли жить по директивам. Вот поэтому у нас и кластеры как "потемкинские деревни" – в основном на бумаге и при этом сильно пахнут Госпланом.

Современные теории рождены в 90-е годы экономической наукой, повернувшейся к пространству. Это "новая экономическая география", создателями которой являются Пол Кругман, Мацусито Фуджита и Энтони Венаблс. Они смогли объяснить пространственную концентрацию торговли, перемещения работников, эффект масштаба в урбанистике с помощью строгих математических моделей. Было доказано, что пространство всегда развивается неравномерно. Всегда! Потому что развитие основано на конкурентных преимуществах. Пол Кругман в одной из своих статей сформулировал систему факторов развития, разделив их на две группы. К факторам «первой природы» относятся те конкурентные преимущества, которые не созданы людьми. Это обеспеченность природными ресурсами и географическое положение – благоприятное или нет. Страна или регион просто их использует. А есть факторы «второй природы», которые созданы людьми. Во-первых, это агломерационный эффект. В урбанистике он состоит из двух частей: преимуществ концентрации (эффект масштаба) и разнообразия. Крупный город не просто стягивает население, он создает огромное разнообразие: потребителей, производителей и обменов между ними. Второе – человеческий капитал, он также создается обществом. Третье – это институты, т.е. нормы и правила (по Дугласу Нортю), по которым живет общество, как формальное, так и неформальное. Они могут способствовать или препятствовать развитию. Добавлю четвертый компонент – инфраструктура, без которой пространство развиваться не может, а для таких больших стран, как Россия и Казахстан, это один из ключевых факторов развития.

Совершенно понятно, что для модернизации нужно усиливать факторы второй природы. Никто не отменяет преимущества обеспеченности природными ресурсами, но нужно модернизировать институты и наращивать человеческий капитал. Нужно честно понимать, что мы еще долго будем странами, живущими на нефтяную ренту, но ренту нужно использовать иначе, улучшая институты и наращивая человеческий капитал.

Мировой банк выпустил в 2009 году Мировой доклад о развитии, который называется «Reshaping Economic Geography». Переведем это как "Пересматривая экономическую географию". Идеи новой экономической географии в нем изложены коротко и емко – как три D: Density, Distance, Division. Усиливая агломерационный эффект (концентрацию или плотность населения), снижая экономическое расстояние (дистанцию) и институциональные барьеры (разделения), страны и регионы ускоряют развитие. В Казахстане многое из этого делается. Сложнее всего – барьеры, результаты каждый сам может оценивать. Адекватное понимание ситуации, реальных барьеров и возможностей – это половина дела.

Попробуем рассмотреть две наши страны. Сначала о разных векторах, формирующих пространственные различия в России. Привожу схему Андрея Трейвиша, выделившего несколько векторов: индустриальный север и центр, и аграрный юг, староосвоенный запад и слабоосвоенный восток, русские регионы и республики. А еще есть классическая дифференциация центр – периферия. С центром все понятно – Москва, а вот с перифериями уже тяжело. Где они? В удаленном Владивостоке жизнь получше, чем в трехстах километрах от Москвы, где в малых городах и селах совсем тоска и печаль. Поэтому слово «периферия» в России не имеет географического смысла: чем дальше – тем периферийней. Полагаю, что и у вас это так. У разных территорий разные комбинации факторов и условий развития: на индустриально-сырьевом Востоке, на обрабатывающем промышленном Западе, на полуаграрном Юге.

Попробуем разделить Казахстан. Алматы и Астана – два сильных центра, что хорошо для развития пространства. Индустрия есть на Западе, в Центре и на Востоке. Аграрный юг дополняется полуаграрным севером. Этнической однородности также нет: на Юге в сторону Шымкета немало узбекского населения, на севере и в Алматы значительна доля славянского. И все эти векторы пересекаются. Специфика наших стран состоит в том, что они очень мозаичны, по одним векторам –

туда, по другим – сюда. И это означает, что нет простых решений, стандартных вариантов А, В и С. Нужен учет региональных факторов.

Теперь рассмотрим региональную дифференциацию в уровне развития. Начну с России, где регионов больше. Душевой ВРП российских регионов очень сильно различается, но только по краям. Если убрать Тюменскую область с автономными округами, Сахалин и Москву, а также "хвост" из нескольких слабо развитых республик, в остальных 70-75 регионах различия всего в 2-3 раза. Вполне себе европейская дифференциация. В Казахстане дифференциация немного поменьше, т.к. "хвост" не такой низкий, и она также весьма устойчива. Это объективная дифференциация: между важнейшими регионами экспортных ресурсов (добычи нефти) и крупнейшими агломерациями с их явными агломерационными преимуществами, с одной стороны, и аграрными и слабо развитыми регионами, с другой.

Можно также сравнить распределение населения по регионам с разным душевым ВРП. Каждый девятый россиянин живет в богатом регионе, почти каждый пятый – в относительно развитом, итого почти 30%. Около 10% населения – в наименее развитых регионах, зависящих от федеральной помощи и живущих в основном на нее, что вряд ли изменится в обозримой перспективе. Но самая большая проблема России в том, что более 60% ее населения живет в регионах – "середняках". Явных конкурентных преимуществ у них нет, но и слабо развитыми тоже не назовешь. Помогать всем нереально, а как вытянуть вверх? Вот проблема. Потому что развитым регионам нужно просто не мешать, они способны сами преодолеть барьеры развития. Институциональные улучшения наиболее важны для многочисленных "середняков", без этого им не подняться, потому что мощных драйверов развития на этих территориях нет.

В Казахстане выше доля живущих в регионах-лидерах и относительно развитых, гораздо менее выражена проблема середины, но зато концентрация населения в слабо развитых регионах значительно выше. Как и за счет чего их развивать? Как повысить мобильность населения? Это важнейшие задачи территориальной политики. Способы известны: через инвестиции в человеческий капитал и рост мобильности населения, стимулирование урбанизации и развития сектора рыночных услуг и др. Но России все же легче поддерживать 10% населения, живущего в слабо развитых регионах, чем Казахстану – треть, и в перспективе трансформировать стратегии выживания этого населения в стратегии развития. Это ключевой вызов для Казахстана.

На центр-периферийное неравенство влияет не только агломерационный эффект, есть еще институциональный фактор в виде «столичной ренты». Города-столицы постсоветских стран, как правило, имеют особые преимущества. Это связано с централизованной системой управления, той самой вертикалью власти, в которой решения принимаются наверху. Как следствие, в столице концентрируются штаб-квартиры крупного бизнеса, которому нужны контакты с властью для принятия решений. А крупный бизнес – основной налогоплательщик и создатель высокооплачиваемых рабочих мест. Кроме того, столицы получают больше бюджетных инвестиций за счет нефтяной ренты, ведь решения принимают живущие в них же чиновники.

Если режим сверхцентрализованной и авторитарной, столичная рента максимальна. Сравним Москву и Санкт-Петербург. Доля Москвы в населении в разы ниже, чем ее доля в доходах бюджетов всех субъектов федерации, в торговле, особенно – во внешней торговле (более 40%). С экспортом понятно: крупные компании экспортируют через свои штаб-квартиры в столице или через там же сидящих посредников, но даже импорт оформляется наполовину по Москве, куда бы он реально не поступал! Санкт-Петербург проседает в 6 раз по сравнению с Москвой, хотя он центр морской торговли и имеет 5 млн. населения. Вот она, сверхцентрализация. Регионам не доверяют, все должно быть рядом с федеральными властями и под контролем. Это проблема плохих институтов. Авторитарная система управления создает нечестные конкурентные преимущества своему городу-центру, за счет которых стягивается рента со всей страны.

В Казахстане Алматы остается крупнейшим торговым и сервисным центром страны. Астана активнее привлекает инвестиции государства и населения (за счет приобретения жилья), в ней выше душевые доходы бюджета. Но все же есть некий баланс, в отличие от России. Мне казалось расточительным создание новой столицы в небогатой стране, и до сих пор сомнения остались, но теперь понятно, что двуцентрическая система имеет свои преимущества, не позволяя стягивать все ресурсы в один город, как в России. Полицентричность в странах догоняющего развития является благом. Вопрос один: цена этого решения – нельзя ли это было сделать с меньшими затратами? Рента столичного фактора работает везде, но особенно – в нефтедобывающих странах. Я недавно была в Баку, такое ощущение, что все нефтяные деньги, которые есть в этой стране, вложены в Баку.

Итак, помимо объективных факторов, на пространственное неравенство влияют институты. Среди них и политика властей. В советское время доминировала выравнивающая региональная политика. Этот приоритет сохранился, особенно для населения регионов, которое хотело бы более равного доступа к общественным благам. Российские власти декларируют стимулирующую политику, реализуя отдельные "большие проекты", но, в основном, по максимуму изымают ресурсы территорий с конкурентными преимуществами, особенно нефтяную ренту. Казахстан долго время был менее склонен к выравнивающей политике, хотя нефтегазовая рента централизовалась полностью. Есть страны с

практически отсутствующей региональной политикой, например, Украина. Каждая модель дает свои результаты.

Как изменялось региональное неравенство в России и Казахстане? Неравенство можно измерять по-разному. Самый примитивный вариант – сравнивать максимальные и минимальные душевые показатели. Для России это крошечный по численности населения Ненецкий АО, где значительная добыча нефти обеспечивается вахтовиками, и республика Ингушетия, где, кроме бюджета, вся остальная экономика в тени, а численность населения завышена. В результате различия достигают полусотни раз. Более адекватные показатели – коэффициент вариации и индекс Джини, который более чувствителен к изменениям в середине ряда. Есть также разные аспекты измерения неравенства: β -конвергенция, которая показывает, догоняют ли более бедные регионы остальных и сокращаются ли различия, и σ -конвергенция, которая измеряет разброс региональных показателей.

Оценки регионального неравенства в трех крупных постсоветских странах – России, Казахстане, Украине – лучше начать с экономического неравенства по душевому ВРП. Сравнение показывает, что с конца 1990-х общим трендом для России, Украины и Казахстана был рост экономического неравенства. В России этот тренд был менее устойчивым и раньше сменился некоторым снижением неравенства под влиянием масштабной перераспределительной политики государства. В двух других странах тенденции экономической дивергенции регионов были более явными, в том числе, в Украине – вплоть до кризиса 2008 г. В Казахстане это следствие доминирования сырьевой экономики, что усиливает региональное неравенство, и меньших масштабов перераспределения в пользу бедных регионов, так как огромный объем средств направлялся на строительство и развитие новой столицы – Астаны. Однако быстрый рост нефтяных доходов и завершение массового строительства в Астане привели к усилению перераспределительной территориальной политики, в результате с 2007 г. тенденция роста неравенства сменилась на противоположную. Выравнивающий эффект усилился под воздействием кризиса 2008-2009 гг. В Украине рост неравенства обусловлен значительно меньшей централизацией и слабой выравнивающей политикой государства в условиях политической нестабильности. Только кризис прервал тенденцию роста неравенства. Таким образом, Украина полностью вписывается в общий тренд роста экономического неравенства для стран догоняющего развития, а Россия и Казахстан – не совсем. Причина – в территориальном перераспределении нефтяной ренты.

Региональное неравенство по душевым инвестициям в России росло до 2000 года, а потом, когда открылись новые возможности в период экономического роста, все-таки стало сокращаться. В Казахстане оно начало активно сокращаться позднее, когда в основном достроили Астану, и деньги пошли в другие регионы. В Украине неравенство меньше и не меняется.

Региональные различия в уровне безработицы росли весь период экономического роста, но заметно сократились в кризис 2008-2009 г. Безработица связана с экономическими циклами. В период экономического роста дифференциация территорий по уровню безработицы, как правило, нарастает, потому что новые рабочие места создаются, прежде всего, там, где есть конкурентные преимущества, и поэтому уровень безработицы снижается быстрее. Кризисы приводят к более заметному росту уровня безработицы там, где она прежде была невелика, а депрессивные регионы, где безработица и так повышена, наращивают ее уровень медленней. В результате в кризисы региональные различия сокращаются. Российская динамика это четко показывает, украинская тоже. Про Казахстан трудно что-либо сказать, поскольку треть работающего населения страны записана в самозанятые, а в южных областях – половина, что скрывает реальные масштабы безработицы. Хотя если нет нормального градусника, это рискованно.

Расчеты межрегионального неравенства по доходам населения, заработной плате и уровню бедности с помощью индекса Джини показывают, что в России оно было максимальным среди трех крупных стран. Однако в 2000-х годах это неравенство устойчиво сокращалось, особенно быстро – на пике нефтяных цен в 2005-2008 годах. Резко возросшие масштабы перераспределительной политики государства обеспечили рост заработной платы бюджетников и увеличение социальных выплат низкодоходным группам населения. Доля этих групп выше в слаборазвитых регионах, поэтому перераспределительная политика попутно сокращала и межрегиональное неравенство по доходам. Еще один фактор – опережающий рост пенсий, что подтянуло душевые доходы в средне- и менее развитых регионах с наиболее постаревшим населением и максимальной долей пенсионеров.

Неравенство регионов России по заработной плате начало сокращаться с 2002 г., когда было проведено первое значительное повышение заработной платы бюджетникам. И в дальнейшем заработки в бюджетной сфере росли быстрее, чем в частном секторе экономики. Это также способствовало снижению межрегионального неравенства, т.к. доля занятых в отраслях бюджетного сектора выше в слаборазвитых регионах по причине дефицита иных рабочих мест. Неравенство регионов по уровню бедности также сокращалось, но медленно, из-за сильной внутрирегиональной дифференциации населения по доходам и недостаточной нацеленности социальной политики на поддержку бедного населения. На адресные пособия бедным приходится только четверть всех социальных выплат населению.

Как выглядят российские тенденции на фоне других крупных постсоветских стран? В России региональное неравенство по доходам населения и заработной плате сократилось сильнее всего. Это

следствие социальной политики государства, перераспределявшего огромную нефтяную ренту. В Казахстане процесс смягчения дифференциации регионов по душевым доходам населения стал заметным только во второй половине 2000-х, затем застыл в кризис и вновь усилился в последние годы. Улучшалось отношение доходов менее развитых регионов к среднеказахстанскому. Как и в России, теряли преимущества в доходах населения все нефтегазовые регионы. Но немного теряет преимущества и Астана, она слишком выросла и высокие доходы чиновников "растворились" в возросшем притоке менее квалифицированной молодежи и семей с детьми, росте численности занятых в секторе массовых услуг, который оплачивается хуже. В заработной плате те же тенденции снижения неравенства, но более слабые. Только на Украине региональное неравенство доходов населения росло из-за слабой перераспределительной политики государства. Смягчение неравенства по заработной плате объясняется тем, что среди занятых в легальном секторе экономики много бюджетников, а для них региональные различия минимальны. Даже с учетом всех статистических искажений Россия выглядит "чемпионом СНГ" по сокращению межрегиональных диспропорций в доходах населения, хотя по-прежнему остается страной с сильной межрегиональной дифференциацией доходов и уровня жизни. Итак, постсоветские страны с большой сырьевой рентой и централизованным (авторитарным) политическим режимом способны проводить выравнивающую политику, если и когда такое решение принимается. Есть и другие способы выравнивания, используемые развитыми странами, но о них позже. Для России и Казахстана общими являются политические приоритеты центральной власти и наличие ресурсов в виде ренты. Кроме того, кризис также смягчает различия. Но когда начинается экономический рост, быстрее растут конкурентоспособные регионы и, при прочих равных, региональное неравенство усиливается.

Сравним политику стран с разным уровнем развития. В развивающихся странах чаще всего приоритетно стимулирование территорий с конкурентными преимуществами. Назовите их «точками роста», «особыми зонами», «агломерированными пространствами», «приграничными зонами развития», как в Мексике на границе с США, но суть в том, что страны догоняющего развития хотят развиваться быстрее, а они это могут делать только стимулируя развитие территорий с конкурентными преимуществами. Они растут быстрее и тянут за собой всю страну. В развитых странах, причем не всех, а только континентальной Европы, главный приоритет - выравнивание. Доминирует принцип выравнивания доступа к общественным благам. Для этого использовались Структурные фонды ЕС. Но и там произошли изменения. Пришло понимание, что само по себе перераспределение не дает развития, теперь оно дополняется программами стимулирования ареалов роста с конкурентными преимуществами в отстающих территориях, инвестициями в их человеческий капитал и инфраструктуру. Попытка не просто раздать деньги слабым, а усилить стимулы развития. Это получается где-то лучше, где-то хуже, где-то совсем не получается, но изменилась стратегия, не просто выравнивание, а стимулирование развития.

Какие территории в странах догоняющего развития выделяются как имеющие конкурентные преимущества? Прежде всего, это крупные агломерации, что вполне очевидно. Далее, это территории с инновационными отраслями предыдущего Кондратьевского цикла, для догоняющих стран это машиностроение. В Индии новые компьютерные технологии Бангалора локализованы в машиностроительном регионе с более квалифицированной рабочей силой, инженерными кадрами, технологиями и инфраструктурой. Ни в России, ни в Казахстане не сработало то, что сработало у индусов. Есть ведь Самарская область, например, или Свердловская. Или Павлодар в Казахстане. И ничего...

Далее, территории с выгодным географическим положением. К сожалению, в Казахстане нет территорий с выгодным географическим положением, но и в России 90% территории не имеет выгод географического положения. Урал, Поволжье, Сибирь – это все очень удаленные от глобальных рынков территории. Только часть Северо-Запада и Причерноморья, да приморский край имеют более выгодное положение, но мешают плохая инфраструктура и институты. Преимущества районов добычи экспортных ресурсов не стоит исключать, но в них часто формируется полуколониальная экономика с вывозом прибыли своими же компаниями. В России примером может служить Восточная Сибирь, где сырьевым госкомпаниям даны сверху льготы по всем налогам и бюджеты регионов не получают почти ничего от растущей добычи нефти и газа.

Очень интересна региональная политика Китая, к которой давно присматриваются в Казахстане и России. Там активно стимулируется мобильность населения, растут миграции сельского населения в города. Но человеческие ресурсы Китая несопоставимы с Казахстаном, и даже перенаправив миграционные потоки туда, где есть рост, Китай не оголит территорию. Если Казахстан с той же силой будет стягивать в агломерации население, то во многих местах будет человеческая пустыня с редкими табунами скота. Кроме того, ни Россию, ни Казахстан уже нельзя назвать странами с дешевой рабочей силой.

Китайская региональная политика очень рациональна. Долгое время дешевая рабочая сила привлекалась в зоны с конкурентными преимуществами, прежде всего, выгодным географическим положением на восточном побережье. Были созданы особые зоны для индустриализации и развития экспортной экономики. Старопромышленный Северо-Восточный Китай с неконкурентоспособными

предприятиями социалистической индустриализации проходит санацию, в этот "ржавый пояс" стимулируется приток новых бизнесов. Опыт Китая важен для территорий советской индустриализации в Казахстане - Павлодара, Караганды, Рудного Алтая. На западе Китая к более старым ареалам роста в районах нефтедобычи добавились зоны приграничной торговли и города - местные центры. Импульс роста пошел от побережья вглубь страны как диффузия инвестиций и инноваций, которые стимулируются властями. Проблем много, но приоритеты выстроены четко.

Карта душевого ВВП на муниципальном уровне показывает сильнейшую дифференциацию в уровне развития внутри Китая. При разговорах о сильном пространственном неравенстве в России и Казахстане стоит вспомнить эту карту. Нам и не снились такого уровня дифференциации, но Китай развивается. Это значит, что в самой экономической дифференциации и концентрации экономик в зонах с конкурентными преимуществами ничего страшного нет. Но - с последующей диффузией этих зон роста вовне, на территории полупериферий для их развития. Это очень важное дополнение.

Для каждого типа территорий разработана своя политика. Прибрежные зоны роста должны наращивать внутреннюю интеграцию, развивать городские агломерации с учетом развитой сельской индустриализации, сектор услуг и отрасли с более высокой добавленной стоимостью. В "ржавом поясе" северо-востока постепенно приватизируются госпредприятия, идет санация госсектора, стимулируется приток частного бизнеса, переподготавливаются кадры и стимулируется их мобильность для снижения безработицы. На Западе Китая все больше локальных точек роста, кто до Хоргоса доезжал, их видел. Развитие транзита и переработки, создание инфраструктуры, стимулирование урбанизации, с той стороны границы создан город в 250 тысяч жителей. Любой значимый фактор, включая природные ресурсы на территориях догоняющего развития, используется как конкурентное преимущество.

Другой пример - политика стран Евросоюза. До включения Центрально-Восточной Европы межстрановые различия в нем сокращались, но внутристрановая дифференциация, измеряемая коэффициентом вариаций, выросла. То есть, менее развитые страны Евросоюза немножко приблизились к лучшим, но им пришлось содействовать развитию самых сильных регионов внутри своих стран, чтобы хоть немного догонять. Таким образом, платой за ускоренное развитие страны стал рост экономического неравенства внутри нее. При всех выравнивающих попытках в Евросоюзе происходил рост регионального неравенства. В Казахстане экономическое неравенство тоже будет расти, если не будет мощного перераспределения нефтяной ренты.

Смягчать нужно не экономическое, а социальное неравенство. Примером может служить Франция, где неравенство по доходам населения устойчиво снижалось. Это достигалось не перераспределением огромных трансфертов за счет нефтяной ренты, а таргетированной социальной политикой. Государство помогает, в первую голову, семьям с низкими доходами, бедным домохозяйствам, при контроле их доходов. Это позволяет экономить ресурсы, потому что таргетированная политика дешевле, но успешно решает задачу смягчения социального неравенства.

Таким образом, экономическое неравенство территорий объективно, с этим нужно уметь жить. Для экономики страны опережающий рост территорий с конкурентными преимуществами - нормальный, позитивный тренд, которого не нужно бояться. А вот социальное неравенство нужно смягчать, чтобы в менее развитых регионах удавалось наращивать человеческий капитал. Разные страны решают эту задачу по-своему, с учетом их ресурсов, политических приоритетов и институтов. Но решать ее нужно: если социальное неравенство велико и не сокращается, на территориях-аутсайдерах усиливаются социальные проблемы и снижается человеческий капитал. Рост доходов населения расширяет возможности выбора и приводит к росту мобильности, позволяет перемещаться в те места, где есть работа. Либерализм нормален в экономической политике, но в социальной чисто либеральные приоритеты работают не очень. Нужно искать разумный компромисс.

Помимо масштабного перераспределения ренты, социальное неравенство можно смягчать по европейской модели или так, как это делают американцы и китайцы. В последнем случае это высокая мобильность людей, они едут туда, где есть работа и выше доходы. Но Россия и Казахстан - страны с невысокой мобильностью населения, к тому же слабозаселенные. Власти Казахстана более настроены на то, что мобильность должна расти. Действительно, при 56% городского населения есть ресурс миграций в города. Но есть и проблемы негативных последствий: есть ли работа для массовых мигрантов? Что делать с практически незаселенными территориями? Идеального решения нет, каждое решение несет в себе серьезные издержки. Экономически эффективные меры могут дать большие социальные издержки, все нужно считать. В Европе не очень получается рост мобильности, за исключением пригородных маятниковых миграций. Ну, не перемещаются они, как американцы. В России доминирует временная трудовая миграция, когда мужчины и женщины из небольших городов и поселков, едут в крупнейшие города работать охранниками, секретаршами, продавцами и др., снимая квартиру на несколько человек, и по выходным или реже приезжая домой. Квартиру купить они просто не могут. Развита также вахтовая занятость, сезонные работы на строительстве дач и т.д., но переселения чаще всего не происходит. Мощная трудовая миграция не меняет картину расселения, она меняет картину рынков труда. Люди зарабатывают, но человеческие издержки для их семей велики.

Советы давать сложно, попытаюсь сконцентрироваться на том, как не надо делать, на примере России. Во-первых, перераспределение огромной нефтегазовой ренты и система выравнивая с помощью

ручного распределения трансфертов ухудшает институты. Делом чести, доблести и героизма для российского губернатора стало выбивание максимума федеральных трансфертов для своей территории, а как она будет развиваться, это дело пятое. Неэффективная институциональная система не стимулирует развития. Во-вторых, в России расширяется практика столичной ренты, когда по решению федеральных властей из Москвы в Санкт-Петербург переносятся штаб-квартиры крупных компаний, чтобы увеличить налоговую базу северной столицы. Город не зарабатывает доход, он его получает в качестве бонуса. Жизнь на ренту всегда плоха тем, что возвращает. В-третьих, и компаниям, и особым зонам дают льготы, в основном, за счет региональных бюджетов. Это слабость российских властей – они хотя бы быть белыми и пушистыми, давать льготы, а регион будет не дополучать налоги в свой бюджет. Жизнь регионов от этого не улучшается, стимулы работать с бизнесом низкие. В-четвертых, писанина бесконечных программ и стратегий развития. Чаще всего это «хотелки», без учета возможностей и барьеров развития. Неадекватность их оценки порождает неэффективность управления.

Завершая, скажу, что для России критически важно улучшение институтов, *децентрализация и дерегулирование*. Сейчас иное время, но обязательно до этого доживем. Нужно быть готовым к тому, что это приведет к росту экономического неравенства регионов. Нужны изменения инструментов смягчения социального неравенства регионов. Не размазывание ренты как манной каши, а более таргетированная политика поддержки бедного населения, которая требует меньше ресурсов, но более эффективна. Нужно будет отказываться и от геополитических приоритетов в региональной политике. Крым, Дальний Восток и Северный Кавказ очень дорого стоят и, мягко говоря, не ускоряют развитие страны.

В Казахстане более внимательны к китайской модели, стимулируя конкурентоспособные территории и мобильность населения, более либеральна и таргетирована социальная политика. Но есть альтернативы в виде сильной региональной политики Евросоюза или либерального подхода в США, где у каждого уровня власти свои налоги, минимальное межбюджетное перераспределение, высокая мобильность населения. И Казахстан, и Россия будут выбирать свой оптимум.

У меня завершающий вопрос к уважаемой аудитории: где вы? к кому ближе?

Голос из зала: Мы лучше всех.

Н. Зубаревич: Понятно, что лучше всех, но все же?

Голос из зала: Между Россией и Китаем, скорее, ближе к России.

Н. Зубаревич: Мне тоже так кажется. Спасибо.

Обсуждение лекции

Вопрос из зала: Спасибо большое за лекцию, очень приятно было послушать вас. По поводу этих сравнений, ментальность тоже нужно учитывать?

Н. Зубаревич: Конечно! Спросите А.А. Аузана о национальном характере и ценностях.

Реплика из зала: У нас в стране никогда рабства не было, у нас родовые, племенные отношения, когда все друг другу помогают в семье.

Н. Зубаревич: Вы считаете, что это навсегда?

Реплика из зала: Мне кажется, это основа, фундамент.

Н. Зубаревич: Пока да. На пару поколений – да, а дальше вопрос, модернизация и урбанизация везде приводят к ослаблению семейно-родственных связей.

Вопрос из зала: Вопрос по поводу самозанятых. У нас большое количество людей, которые работают сезонно, т.е. два месяца во время посевной, два месяца во время уборки. Сказать, что они постоянно работают, нельзя, а сказать, что они не работают, тоже нельзя. А вот их всех перевозить одновременно, мне кажется, надо.

Н. Зубаревич: Перевозить в города, где для них нет работы? а потом опять на "вахту" в поля?

Голос из зала: Потому что инфраструктуру содержать сложно и дорого, не говоря уже о школах, больницах, элементарных благах. И потом – уровень образования в этих школах... Я сам в регионы одно время часто ездил, там один преподаватель ведет по 6-7 предметов, поэтому...

Н. Зубаревич: Полагаете, что всех можно переселить и сделать, наконец, нормальными людьми? Вы знаете, чем вымощена дорога в ад?

Вопрос из зала: Благими намерениями?

Н. Зубаревич: Вот и я про них. Это не дорога человечества к счастью. Скажу про Россию, потому что знаю. У нас были попытки сселения, эта идея не выходит из головы с советских лет. Примерно 20% населения скажут простые и тихие слова: «Мы здесь жили, живем и будем жить, и никаким трактором вы нас отсюда не вытащите». Потому что люди не Homo economicus, они не готовы размышлять в рамках выгод и издержек. Выросли здесь и хотят дальше жить. Всех вытащить разом можно только одним способом, и наша история его знает, это «столыпинские вагоны». В них ззков возили. Но мы же этого не хотим. Дальше чисто экономический вопрос – какова цена? В Томской области сселяли жителей поселков леспромхозов, давали ваучеры на покупку дома. Многие ваучеры получили, продали и вернулись назад.

Вопрос из зала: Почему вы говорите, что люди на вахту приезжают в Москву?

Н. Зубаревич: На вахту едут в нефтяные регионы, в Москву – это трудовая миграция.

Вопрос из зала: И в рамках трудовой миграции приезжают люди?

Н. Зубаревич: В огромных количествах.

Вопрос из зала: Они едут для того, чтобы зарабатывать, в том числе и из Средней Азии, не только из регионов, а они бы рады перевезти с собой семью, просто денег не хватает. Они не потому не переселяются, что не хотят ехать в Москву, а потому, что не могут купить квартиру, содержать квартиру.

Н. Зубаревич: Да, это невозможно. Но и в Нью-Йорке разве легко купить квартиру? Существует цивилизованное рыночное решение, оно называется муниципальное жилье, но это жилье должно иметь другую арендную плату. Значит, оно должно строиться без отката в 40%, который потом нужно отбивать. Только создание большого и цивилизованного рынка аренды жилья может снизить цены. Кризис опустит цену и спрос, но проблему не решит. Однако люди как-то адаптируются. Трудовой мигрант регистрируется в дальнем углу Московской области, что дешевле, перетягивает семью в съемную квартиру, ребенок может потом поступить в нормальный вуз, окончив его, он ищет более квалифицированную работу. И когда он приближается к уровню среднего класса, появляется возможность покупать ипотечное жилье. Так устроена жизнь. На социализм – давайте всех перевезем – денег не хватит никогда. И «столыпинских вагонов» не хватит. Любое принуждение, любая система «железной рукой загоним человечество в счастье» заканчивается тем, чем она заканчивается. Правило простое: есть люди, которые хотят перемещаться – так помогите им. Нужны кредиты, информирование о рабочих местах, общаги, за которые они могут зацепиться – куча форм помощи. Но переселить всех невозможно. Человек не хочет быть хомо экономикус. Только тоталитарные режимы добивались успеха в решении проблем переселения. Но я туда не хочу.

Вопрос из зала: Почему региональные центры нужно создавать отдаленно друг от друга? Например, взять маленькие страны, как Южная Корея. Там всего лишь 6 центров в одной стране.

Н. Зубаревич: В пределах огромной агломерации? Ну и прекрасно, она же агломерация.

Вопрос из зала: И там 6 центров самостоятельно живут независимо друг от друга.

Н. Зубаревич: Так это и есть агломерация, состоящая из группы городов. Она может быть моноцентрической или полицентрической, суть в том, что у городов должна быть развитая инфраструктура, которая создает единый рынок труда.

Вопрос из зала: Вы пример приводили, что во Владивостоке лучше жить, чем в 250 км от Москвы, это так, в принципе, везде, не только в Москве.

Н. Зубаревич: Я говорила о том, что слово «периферия» не может измеряться географическим расстоянием. Периферия может быть очень близко от центрального города, а приличный центр развития может быть очень далеко от столицы. Видимо, некоторые сюжеты не понятны, могу повторить.

Вопрос из зала: У меня два вопроса. У нас в Казахстане около 80 городов, из них 27 – это моногорода, и по ним такая проблема есть – они сами себя не окупают. Есть две точки зрения, с одной стороны, если их дальше поддерживать, то объем поддержки с течением времени будет увеличиваться. И рано или поздно встанет вопрос, а будет ли у страны возможность их поддерживать. Есть вторая точка зрения, что их лучше сейчас закрывать, а население переселять в другие регионы.

Н. Зубаревич: Детские вопросы можно сразу задать? Первый вопрос: те города, которые не моно, им не помогают, не поддерживают?

Голос из зала: Все поддерживают.

Н. Зубаревич: Почему тогда вопрос о закрытии встает исключительно для моногородов? А может, все к чертовой матери закрыть, которые в минусах экономически? Кстати, как вы это считаете, я не понимаю. И что у нас останется? Черная металлургия в Темиртау, Павлодар себя обеспечивает, еще вероятно Дзержинск, где медь, Атырау и Актау, где нефть рядом качается. Остальные позакрываем и переселим, куда?

Голос из зала: Я сам сторонник того, чтобы продолжать поддерживать, но постепенно делать их прибыльными.

Н. Зубаревич: А что такое прибыль? Понимаете, слова «прибыльный», «убыточный» для города у меня вызывают немного резкую реакцию. Что такое «прибыльный» для города? В чем функции города? Прибыль – это что? Объем трансфертов города должен быть меньше, чем что? Объем собственных налогов, собственной продукции, что такое прибыльность города? Для меня это вопрос.

Голос из зала: Прибыльность – это самодостаточность...

Н. Зубаревич: Что такое самодостаточность? Господа банкиры, я вас буду пытаться, за слова надо отвечать. Что такое самодостаточность?

Голос из зала: Есть объем товаров, который, в принципе, население этого города может само для себя производить...

Н. Зубаревич: У вас адепты полного самообеспечения, как в пещерные времена? А может, вы поговорите еще про городскую продуктовую безопасность, про городскую безопасность в сфере стройматериалов, производства мебели?

Голос из зала: Люди должны быть чем-то заняты, есть базовые вещи. Если там даже этого нет, тогда что требовать от этого населения? Дальше просто поддерживать, и все?

Н. Зубаревич: Давайте тогда поговорим о том, что такое город. Будем разбираться с ключевыми вещами, потому что у вас смотрят как-то очень специфически на это. Что такое город? Какова основная функция города? Первая функция: город имеет некое свое лицо, физиономию, и он участвует в каком-то большом, глобальном разделении труда – согласны? Рекреационный центр, металлургический и прочее. Вторая функция совершенно иная. Любой город – всегда центр услуг для своего населения и окружающих территорий. В нем лечатся, учатся, получают услуги управления и прочее, и прочее. И это тоже часть экономики города. Как вы считаете прибыли – убытки?

Голос из зала: Я, в целом, согласен с вашей точкой зрения, просто я специально провоцировал.

Н. Зубаревич: Так я и ответила.

Голос из зала: Просто есть такие мнения, что нужно закрывать эти маленькие города, я лично против.

Н. Зубаревич: Хотеть не вредно, но ни один город закрыть нельзя. Когда в 2009 году министр экономики Набиуллина публично произнесла, что власти будут закрывать моногорода, у меня оборвали телефон журналисты. Пришлось вежливо и спокойно объяснять: даже город в 10-15 тысяч населения закрыть нельзя. Кто министру подsunул этот текст, я не знаю. Огромные издержки на переселение, часть жителей не уедет ни под каким соусом, и главное – непонятно, зачем. Переселить можно только небольшие поселки, расположенные на Севере, не имеющие шансов для последующего переформатирования функций. Например, закрылось градообразующее предприятие в поселке в Якутии, не работает котельная, за окном – минус 40. Вот в этих форматах можно обсуждать. Переселение моногородов – кем-то брошенная неумная фраза, которая гуляет по нашим двум странам. Я бы предпочла, чтобы она гулять перестала, потому что: а) она неумна; б) экономически неосуществима.

Голос из зала: Хорошо, теперь второй вопрос. Когда мы обсуждаем большие проекты, часто упираемся в численность населения, какую численность для Казахстана вы считаете оптимальной? 17 миллионов считается мало.

Н. Зубаревич: А можно задать встречный вопрос – если я приеду в Австралию, или в Канаду. В Канаде 30 с небольшим миллионов, в Австралии 28 или 30. Как вы думаете, мне кто-нибудь из местных жителей задаст такой вопрос? Как вы считаете, какова оптимальная численность для Австралии... Я думаю, что такого вопроса я там не услышу. Что есть – все наше! Численность населения влияет на развитие экономики. Но вы видите, что в обеих этих странах преобладают нетрудоемкие отрасли промышленности, связанные с сырьем, фермерское сельское хозяйство, тоже нетрудоемкое, особенно зерновое или овцеводство, а намного более трудоемкая сервисная экономика концентрируется там, где и население побольше – Мельбурн, Сидней (Австралия), а в Канаде это Торонто, Монреаль и Ванкувер. Экономика приспособилась к тому населению, которое есть, и развивается вполне себе успешно. Не в численности людей проблема. В головах проблема.

Кайрат Келимбетов: Всем спасибо огромное за такую интерактивную лекцию, все поучаствовали.

Н. Зубаревич: А иначе скучно. Есть еще презентация с аналитикой по регионам России в 2014, чтобы вы понимали, в каком направлении движется моя страна. И чтобы аккуратно стелили солому по всем возможным направлениям.

Г.О. Павловский

У меня есть задолженность перед покойным Вадимом Леонидовичем, о которой, кажется, я так ему и не сказал. В 1994 году он заочно помог мне связать воедино разрозненные и оттого несносные для ума впечатления от событий в России. Перед тем была мучительно долгая пауза 1991–1993 годов, когда я не готов был встретиться с реальностью напрямую. Октябрь 1993 года опустошил словарь, оставив злые, только публицистически выразимые чувства. Но публицистика к этому времени уже была бесполезна – худшее произошло, и неожиданно для себя я попал в рабство *данному*. Нас поработил ход вещей, который мы не могли изменить, хотя отказывались принять. Больше интеллектуальной отчужденности и вражды к политическому статус-кво, чем в 1993–1994 годах, я, наверное, не испытывал ни разу в жизни. Но это был бесплодный рессентимент, да и мстить, собственно говоря, было некому. Онемение не поддавалось дискурсивной атаке – спорить стало не о чем и не с кем. Страну будто населяло несколько разных народов, отказавшихся говорить друг с другом.

Меня, все еще известного публициста, часто упрашивали «что-нибудь написать» – но я не мог. Начиная, захлебывался собственной желчью и бросал недописанным. В один из таких моментов – шел конец лета 1994 года – я еще раз попытался заставить себя писать. Чтобы от чего-нибудь оттолкнуться, взял номер журнала «Полис» и вышел на балкон. Читая эссе В.Л. Цымбурского «Остров Россия», я поглядывал вниз, во двор в одном из солнцевских микрорайонов.

Неожиданно для себя увлекся этой довольно большой и ученой статьей с солидным справочным аппаратом. Впечатления от чтения странным образом смешивались со звуками, доносившимися снизу со двора, но не нарушали хода мысли – ни моего, ни статьи Цымбурского. Вид с балкона, устрашающий, как и положено московской разрухе 1994 года, вдруг предстал ландшафтом «беловежской» России, одновременно устрашающей – и нормальной, живой. Теоретически зная, что новая норма часто приходит жуткой, прежде я, видимо, не соглашался с этим. Цымбурский писал о России, не отводя взгляда, но как бы чуть искоса, не придавая значения публицистически явным уродствам. И не я, а мой мозг ощутил призыв взглянуть на вещи прямо, не горбясь от груза русских катастроф. Преступления совершены и уже развернулись в ландшафт; этот ландшафт теперь лег перед нами как новое место жизни, предмет мышления и заботы. «Там была свобода, и жили другие люди, совсем не похожие на прежних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стада его».

Это был интеллектуально освобождающий для меня момент. Меня не привлекла собственно геополитическая рамка статьи Вадима Леонидовича, но вдохновил холодный энтузиазм его мысли, непринужденно переходящий в текст. Его постоянные **«давайте приглядимся к этому поближе»** диктовали курс любой будущей речи о России, открывая ее возможность. Непосредственным результатом стало то, что я «заговорил»! Прямо с этого дня я стал писать свое эссе «О беловежских людях», вошедшее (вместе со статьей самого Цымбурского) в сборник «Иное» под редакцией Сергея Чернышева.

Здесь сработала интуиция еще одного скрытого мотива статьи Цымбурского. Мотива, в котором я тогда, по всей видимости, нуждался, как в витамине, – мысль о **праве вмешаться** в процесс, идущий помимо тебя и, по твоему пониманию, незаконно. Собственно, мотив выражен открыто странной фразой в конце статьи «Остров Россия»: «Для России сейчас очень хорошее время, дело только за политиками, которые это поймут». Тут я вернулся в обычное для себя состояние ума – когда любую отвратительную ситуацию разглядываешь с интересом, как при рекогносцировке. Отсюда уже совсем недалеко до философии «эффективной политики», которой я вскоре увлекся. Но тогда, в 1994 году, собственно *геополитическое* содержание этого великолепного эссе ничуть меня не увлекло. Не увлекает оно меня и сегодня. Читая неоконченный труд В.Л. Цымбурского, я пытался уяснить, что именно не нравится мне в геополитике. Эти заметки-маргиналии на полях незавершенной научной работы – мое жалкое приношение покойному другу.

1

Что является исходным пунктом нашего политического мышления об актуально происходящем? То, что мы не способны его мыслить, располагая будто бы всеми прежними средствами и инструментами мышления. Мы описываем свое отношение к текущему, обозначая его как «ситуацию», «современное положение». Но всё это ведь ничуть и нисколько не ситуация. Однако события как-то развиваются, и нам надо взглянуть на них в упор.

Цымбурский хотел уйти от проклятой приблизительности и метафоричности бесчисленных «взглядов на Россию» – но так, чтобы не попасть самому в объятия так называемой научности, которая фактически выступала в РФ как импорт

терминологических лексиконов. Он хотел помочь русским действовать в интересах России, вразумительным образом действовать государственно. Для этого нужно было найти опору этим будущим решениям. Первым ходом многих, столь разных в 1990-х, как, например, я и Цымбурский, был: строить «теорию, дающую советы власти». Отсюда геополитика Цымбурского, отсюда же и то, что я называл в 1990-х то «прикладной политологией», то «исторической технологией».

В сущности, Цымбурский ведет поиск критической теории о России.

То есть теории, которая не будет разнесением проблем России по отраслям – с дроблением, теряющим целое, открывая путь для манипуляций. Где каждый может выбрать более удобную ему теорию, а выгода маскируется под выбор концептуальной школы: таковы «институционализм», «монетаризм» и т. п.

Ядро геополитики по Цымбурскому – это «искусство наложения еще не вполне проясненных для общества кратко- и среднесрочных требований на тысячелетние ... ландшафты». Не исключено. Но именно здесь требуются разъяснения, поддающиеся верификации.

2

Жестокий Цымбурский не удержался от того, чтобы в пику тезису геополитика Спайкмена о географии как самом постоянном факторе политики напомнить реплику Людовика XIV при восхождении Бурбона на испанский престол: *«Нет больше Пиренеев!»*. Собственно говоря, вот – кратчайший ответ политики на геополитику. **Страны-кубики.** У В.Л. Цымбурского ссылка на Паркера, который рассматривает мир из отдельных *«государств-кубиков»*. Геополитика же – «учение об узорах и структурах, которые могут быть из них сложены». Здесь мы опять встречаемся с идеей приравнивания реальной политической – то есть внутренней – жизни нации и полисов к константе, к гомогенному наполнителю структуры «вечных интересов». Цымбурский говорит о парадоксе Российской империи, которая на подъеме выстраивает свое мировое место в мире, уже выстраиваемом *другой – европейской* цивилизацией, носительницей «другого» христианства. Отчасти верно, но «другое» здесь действует как значок уравнивания в заданной наперед конфронтации. Работает геополитическое спрямление – фиксации миров в их раз и навсегда заданном значении: Запад есть Запад – Восток есть Восток, католичество не есть православие и т.п.

Трудно отделаться от впечатления, что геополитическое мышление представляет собой радикальный разрыв с христианским мышлением о государстве. Геополитика – антиуниверсальна, и выстраиваемые ею схемы под «центрами» обычно разумеют автономные миры. Эти миры не самодостаточны лишь в силовых схемах относительно друг друга, представляясь самодостаточными внутренне. Пространство выступает внешним по отношению к истории этих миров, как бы заранее им предначертанное, а не проблематизирующее. Смысл борьбы за это стерильное пространство разъясняется через такие же самозамкнутые стерильные понятия «выхода к морям», «незамерзающих портов», «буферных пространств».

*

Геополитика и застывшие мысли. Геополитик вечно рассуждает об «обеспечении положения» и «закреплении преимуществ». При этом, как правило, речь идет о неразложимых ментальных атомах, ибо на деле никакие положения, предместья, коридоры и тем более безопасности – не бывают ни вечными, ни даже долговременными. В этом смысле геополитика – одно из худших хобби для серьезного политика и дипломата. Но это наводит на мысль, что бесконечные «пространства», которые конструирует и деконструирует геополитик, подобно ребенку, увлекающемуся лего-трансформерами, – *скрыто технологично* и близко к идее устойчивой конфигурации техник, операций и представлений о ресурсах. Отчасти то, что Фуко вкладывает в термин «диспозитив».

Сюда же относятся и термины, которыми буквально измучивают мозг читателя геополитические тексты: «естественные границы», «естественные союзники» и «естественные пределы». Всё это – транквилизаторы, убалтывающие аналитический мозг, будто бы он приобрел невыносимую возможность прямо созерцать реальность *as is*.

*

Мотивы действий внутри геополитической игры спрямляются – чего никогда не позволяет себе добрый историк. Если политик совершает геополитически значимый ход, это почти никогда не объясняют внутренними обстоятельствами (которыми чаще всего это и объясняется), а игрой на глобусе – созданием угрозы другим «мирам», в рамках той или иной Большой игры. Но почему это вообще геополитика, а не история дипломатии?

*

Геополитика и Weltpolitik. Интересно обращение геополитики с понятием «мирового», отмеченное Цымбурским в связи с Маккиндером. Неотъемлемой от геополитики он считает

доктрину «евроазиатского хартленда как ключа к мировому господству». Можно предположить в геополитике убежище для неудачливой *Weltpolitik*. Геополитика скрывает мировое измерение политик, которыми хочет манипулировать, по возможности не упоминая про «управление миром». Отсюда такой признак вторичности, как **«вчитывание»** образов-корректировок в изменения текущей политики. Такова идея мирового «осевого ареала» Маккинндера, высказанная в 1943 году, в год явного уже перелома в ходе Мировой войны. А перед тем – вчитывание Хаусхофером концепции раздела мира по «меридиональным гегемониям» (пан-Европа, пан-Азия, пан-Россия и пан-Америка) – в 1934-м, когда вся Европа была одержима модой гегемонии и господств. Вообще идея «господ и господств» абсолютно интимна для геополитики. Опять-таки сошлюсь на Цымбурского с идеей «приморья-римленда как инкубатора держав – мировых господ», выдвинутой в 1916 году Семеновым-Тянь-Шанским и также отнесенной Цымбурским к числу ключевых для геополитики. Всякий раз мы находим почти мгновенную проекцию моды на глобус.

*

Центры и «лагеря» в геополитике. Сквозное у Цымбурского, но отнюдь не только у него – рассуждение о сближениях и вражде разных мировых «лагерей». Но этот архаизм из военного лексикона стал осмысленным политическим термином только после Ялты, в эпоху холодной войны XX века. Коалиции прежних времен были текучи и подвижны, они не были зафиксированными на глобусе лагерями, зорко отслеживающими любое проникновение в свою зону. Внутри геополитики понятие «центра влияния» и «лагеря» постоянно является фактической модернизацией, навязывающей современные страсти другим эпохам – а точнее, вчитывающей их туда.

*

Геополитика и этатизм. Цымбурский верно отмечает неприятное свойство, о котором геополитики не любят говорить прямо, – ее махровый *этатизм*. Проблема геополитического этатизма – даже не в ставке на государство как ценность, а в нерелевантно-женственном очаровании государством – при отказе твердо указать, какие именно задачи ему должно решать. Этатизм подставляет государство как **разрешение** задач стратегической повестки дня – на место самой *agenda*. Но тогда государство лишается разработанного курса политики, переходя на самообслуживание власти – в которое с радостью включается невостребованный геополитик. Это не приводит к росту необходимых компетенций.

И я еще раз склоняюсь перед критической пронизательностью Вадима Цымбурского, который констатирует: «Геополитик обычно выбирает в качестве главного определенное политическое отношение – господство, соревнование или кооперацию, на которые делает основную ставку в своих конструктах». **Господство** (его мы при проектировании новой власти с Александром Ослоном во второй половине 1990-х годов именовали обычно **«доминированием»**) в личности не нуждается. Личность в поле конструирования геополитики отсутствует – в отличие даже от полицейского или правового этатизма.

Со временем это скажется на выветривании последних представлений о суверенитете личности внутри суверенной России. А также – на выветривании традиции, кровно связанной с идеей свободной, критически мыслящей личности – то есть русской политической республиканской традиции.

Здесь справедлив приговор Цымбурского такой геополитике как деятельности, которая «имитирует процесс принятия политических решений, а иногда прямо включается в этот процесс». Добавлю, что включение в процесс происходит на третьестепенных ролях.

Есть ли вообще в геополитике что-либо кроме этого?

3

Цымбурский конструирует российскую геополитику «в ранге второй парадигмальной геополитики» наряду с западной – классической школой

геополитики XX века. Россия превращается в родину восточных геополитических слонов. В этом не было бы ничего невозможного, если бы западная геополитика давала связанное представление политики Запада и его дипломатии. Проблема, однако, в том, что такое толкование явно проще и разумнее искать у Макиавелли, Токвиля и Киссинджера, чем у Маккинндера, Хаусхофера или Данилевского. Политика и история Европы – вот ее истинный ландшафт.

*

Геополитика России занята проектированием «большого пространства России», притом что российское пространство уже сложилось, фактически без всякой геополитики.

Цымбурский постулирует единый импульс к конструированию «своего особого российского пространства из земель, которые обретались бы за пределами коренной Европы, не входя в ее расклад, – или могли бы быть изъяты из этого расклада». Справедливое и глубокомысленное суждение. Но ведь всё это происходит уже внутри большого пространства Московской Руси –

России, создавшегося вне какого бы то ни было конструирования тектоническим импульсом XVI–XVIII веков. Пространство России отождествляется с географическим пространством ее (в виде ли империи, СССР и т.п.), нивелируя центральность метаполитической задачи *держания пространства*, – инструментом которого и стал «социум власти» по Гефтеру. Его «конструирование» велось средствами колонизации властью своего же населения внутри российской Гипербореи, рухнувшей на Москву вслед нашествию Степи.

*

Российские циклы. В.Л. Цымбурский очень дорожил выявленными ими циклами «сжатия и расширения» и вообще геополитического ритма системы Европа – Россия. Действительно, мало кто вообще из рассуждавших о России в последние сто – двести лет не замечает странной повторяемости. Она часто вынуждает говорящего к уточнению – например, что «шестидесятничество» XIX века – это не шестидесятничество» XX века, а Крымская война – не конфликт с Украиной в 2014 году. Разумеется, этот возвратный ритм России, череда обратимостей важны и должны быть разъяснены. Но разъяснит ли его **портретная модель** – то есть упорядочение задним числом реально протекавших по разным причинам событий и политик, движимых разными мотивами, с привязкой текущего момента к тому или иному месту в цикле? Что это подсказывает нам и нашему действию сегодня? А ведь Цымбурский мечтал подсказывать. Стремление столь понятное для многих из нас после 1991 года, но, как выяснилось, коварное.

*

Методическая суть геополитики – толкать и приучать мозг ко всё более наблюдательному поиску бесполезных аналогий. Отдал этому дань и Цымбурский. Ссылаясь на страхи генерала Фадеева насчет германской гегемонии на Черном море, он замечает, что тот «опережает историческую динамику на 40 лет». Но есть ли хоть какой-нибудь смысл сравнивать русоцентристскую политику Бисмарка со вторжением в Россию Гитлера – европейского утописта?

Геополитика против времени. Похоже, что геополитический и исторический подход несовместимы в принципе. И об этом меня заставляют думать как раз наблюдательные и остроумные заметки Вадима, справедливо усматривающего связь между отправкой российской эскадры в США в 1863 году, активизацией России в Иране и английским демаршем по поводу польского восстания. Любопытно, как часто забывают об этих синхронизациях, а в геополитике – забывают всегда. Потому что каждое из этих действий объясняется, исходя из особых «стремлений к теплым морям», «логикой Каспийского коридора» и т.п. чепухой.

*

Наблюдения Цымбурского почти всегда интересны. Например, то, что «с начала петербургского периода сама культурная тема России в сознании ее образованного класса изменяет свой смысл». Речь о зарождении новейшего русского универсализма, отличного от староимперского и раскрывшегося в русской культуре XIX века, а затем ленинским и советским зигзагом русской истории. Но почему и к чему здесь «геополитический опыт империи»?

Что бы сказал (воображаемый) «консервативный геополитик» Москвы конца XVII века об ошеломляющем европейском развороте Петра I? С чудовищной ломкой институтов русской государственной, культурной, социальной и даже церковной традиции? Петр, по поводу которого сегодня так комфортно рассуждать, – сущий геополитический монстр, «черный лебедь» России.

Революция Петра I при всей ее радикальности была не только насильственной и раскольничьей, но еще и культурно ущербной. Прямая цель и задача Петра – войти в европейский клуб. Но то был клуб господ истории – выработавших свою культурную универсальность стран, а не только военных хозяев положения. Дополнить свою имперскую амбицию адекватной ей культурной программой Петр не мог; не смог и весь XVIII век. Это осталось в работу XIX веку.

*

Это и есть авторская собственность Петра Чаадаева в русской мысли: дефект вхождения в клуб без разделения общих цивилизационных судеб, с вытекающими отсюда необозримыми надрывами. Отменна формула Цымбурского – «в судьбу европейского ареала мощно вклинился народ иного происхождения, не разделявший с западноевропейцами их цивилизационных судеб ни в Средние века, ни на заре Нового времени». Но догма «геополитического взгляда» мешает признать этот пункт за его автором, Чаадаевым. Потому что геополитика – это политика дворов и правительств, ей нечего делать с «басманным отшельником». И так во всем.

*

Тонко наблюдение Цымбурского о курьезе того, что до 1917 года термины «Восток» и «восточный вопрос» применялись к землям, находившимся относительно России вовсе даже на юго-западе – к Проливам, Малой Азии, Балканам. Цымбурский замечает, что и сегодня в нашем словаре «Ближний Восток» остается рудиментом взгляда на мировую карту не из Москвы, а «из Европы». Но ведь это и есть цена того самого петровского универсализма, извлечь

который из политики империи XVIII–XIX веков невозможно, как центральный штифтик из «кубика Рубика», – не развалив ее всю. **Наблюдения Цымбурского насчет экспансии России в XIX веке в Центральной Азии остры и важны.** Он не преминул заметить, что экспансия движима не планом, а осмосом повседневности – фиктивностью степных границ и нормой «двоеподданства» кочевых обитателей. Одно это опровергает само понятие «естественной границы».

Весьма интересна (со ссылкой на А.Е. Снесарева) замеченная Цымбурским исключительная роль местных губернаторов в этой экспансии, «действовавших при пассивном одобрении (а иногда даже малоактивном неодобрении) правительства». Крайне уместное напоминание применительно и к современным процессам.

*

Индия. Цымбурский справедливо ищет осевой мотив в спорадических и импульсивных российских рывках в направлении Индии, иные из которых сам именует комичными. Здесь их связь времен несомненна, хотя скорее всего политическая. Российские размышления конца XIX века о переносе войны в Индостан с целью поднять индусов – абсолютно бессмысленные даже в функции сдерживания Англии – не только функционально однородны замыслам большевистской Москвы начала 1920-х годов «поднять Азию», но и, не исключено, имеют общий корень.

Но это **не геополитический корень.** Ленина интересовало не сдерживание Великобритании – его влекла идея цепной реакции разрушения мировых империй, того, что позже станет «деколонизацией». Цымбурский здесь, однако, настаивает на (еще один загадочный зверь!) «геоидеологическом импульсе» к формированию особого пространства России, толкающем русских к конфронтации с Британией как «авангардом западной цивилизации». Но зачем умножать сущности? В XIX веке речь шла о неизменном факторе **противодействия Англии** русскому стремлению на Ближний Восток через Проливы, а в XX веке речь шла **о союзах с Англией**, причем в страшных войнах, которые в России мыслились как – обе! – отечественные.

*

Опять-таки тонкие суждения о том, что Россия продвигала и провоцировала то США, то Иран на роль «региональных агрессоров». Но это непреходящая тактика дипломатии страны-лидера. В XX веке мы обнаружим ее в дипломатии Сталина относительно Югославии и Польши, которые также выстраивались Москвой под функцию «региональных агрессоров». И которые – блестящая катастрофа стратегии – стали вечной проблемой СССР до конца его дней.

*

Геополитика: влияние на мышление. Геополитическое сознание **монофакторно.** Как правило, геополитик оперирует каким-то одним фактором в качестве главного. Например, выяснив вдруг, что обыкновенный лоббизм играет немалую роль в санкциях против РФ, геополитик обращает и этот компонент в **субъект:** вот какие низменные интересы стоят за так называемыми принципами! Вообще геополитическое мышление не дружелюбно к реальности. Окидывая взором большое мировое поле, оно подозревает прячущуюся «за всем этим» западню, вражеский камуфляж. Геополитик рвется к «большой шахматной доске», лишь чтобы выискать и вытащить из-под игрового стола спрятанного под ним злого карлика.

Есть восточный психотерапевтический принцип, общий с реалистическими школами мысли: **факты – дружелюбны.** Геополитик смотрит на вещи искоса, не собираясь с ними дружить, ни даже сосуществовать. Отсюда: страна, понятая как пространство страны (первое упрощение), которой мыслит геополитика, лишена автономной не-геополитической динамики. Она заранее исключена, вычтена из мира, с которым борется или просто отбивается. Мир – в почти полном расхождении с большинством русских учителей и мыслителей XIX века – не есть ни место России, ни ее предмет. Тем самым и XVIII–XIX века России в их установившемся для русской традиции значении этически императивного опыта – выпадают. Русской культуре здесь просто не оказывается места. И приходится конструировать взамен нечто искусственное как замещающее старое свое.

4

Любопытно замечание Цымбурского, что объединение Италии может быть описано как проекция международных интриг на национальное строительство.

Оно заставляет вернуться к середине XIX века и выдвинуть догадку, не претендующую, впрочем, на ранг гипотезы. Действительно, изобретение Италии – общий продукт Наполеона III, революционера после смерти революции, и Гарибальди – вынужденного революционера, а на самом деле – европейца в отсутствие объединенной Европы.

Проект продиктовал Европе новое пространство, навсегда потрясши геополитическое воображение. Но и тут геополитика проявляет неудалимый порок **портретной модели.** Да, Италия в XIX веке действительно была спроектирована в очень специфичном моментальном

пространстве, созданном европейскими революциями, их палачами-душеприказчиками, вроде Наполеона III, и своекорыстными эксплуататорами этого, вроде Бисмарка. Но этого никак не вывести из структуры пространств – зато легко представить в рамках хорошо написанной европейской истории.

Уж не несет ли геополитика внутри себя импринтинг истории позапрошлого века? С его устойчивыми проблемами, наподобие «восточного вопроса», с его бесчисленными «священными» и «вечными» союзами, нарушение которых обдумывалось сторонами уже в момент их заключения? С его невероятными супер-персонажами, ст'оящими, по современному курсу, целых сверхдержав.

Таков император Николай Павлович – в непрочном, но программном, роковом для русской культуры союзе с Александром Пушкиным. Таковы оба Наполеона – и последний чуть ли не более чем первый. Таков же, разумеется, Бисмарк – любимейшая из кукол геополитиков, затасканная теми до полной потери различимости матрешки – гениального тактика и тончайшего политконсультанта императоров внутри довольно среднего стратега. Не пытавшегося ничего построить на вечные времена.

*

Перевертывание событий в геополитике. Австро-Венгрия в XIX – начале XX века – Мекка геополитиков. Могу предположить, что, не будь Австро-Венгрии, геополитика не возникла бы. Империя-пространство без каких-либо национальных или хотя бы устойчивых границ,двигающаяся по Центральной Европе, подобно гигантскому неповоротливому крабу, то на север, то на юг, то на восток, занимала колоссальное место в переживаниях дворов и дипломатов. Вот уж шедевр геополитического воображения.

Только после исчезновения державы Франца Иосифа, к концу XX века мы осознали, сколь многое возникло внутри нее (как, впрочем, и гитлеризм, и идея политического сдерживания России). Но уже забыто, что к началу XX века этот черновик ЕС на самом деле не считался уже великой державой и, не будь сараевского убийства, продолжал бы сходиться на нет, зато к вящему процветанию внутри него наук, литератур и философии. Но венский двор, справедливо увидев в убийстве наследника шанс вернуть позицию великой державы, – развязал войну. И если вернуться в лето 1914 года, всё не только выглядело – оно и было в каком-то смысле действительно так. Война была еще и последним способом для дуалистической монархии удержать интерес Берлина и союз с ним. Всё очень логично, но эта логика привела к концу.

А все разговоры о Проливах, Балканах, естественных границах, славянском единстве и т.п. – малозначимый флер на празднике похорон заживо предпоследнего проекта объединенной Европы (если не засчитывать нацистский за полноценный).

Политика сильнее пространств. Но это же относится и к ошибочной политике тоже. Неверный шаг – и пространство ушло из-под ног.

*

Неудивительно, что такой призрак XIX века, как геополитика, в XX веке был обманут. Геополитика не предвидела сингулярности перехода структуры мира в новое состояние. Но не предвидела она и мощи инерции архаического. Гефтер в принципе отвергал какой-либо теоретический смысл геополитики. Когда он говорит о трагедии мира после 1945 года как мира, не нашедшего себе адекватного языка и пожранного «чудовищем геополитики», он именуется симптом патологии, а не ссылается на науку.

Едва ли создание НАТО можно рассматривать как материализацию Больших Пространств Маккиндера и Хаусхофера. Скорее само НАТО являлось ожившим архаизмом в умственном вакууме конца 1940-х годов – где ничей мозг не успел сформулировать альтернативу открытого мира.

5

Цымбурский признаёт, что сквозной чертой, объединяющей разные школы геополитики, является ее **проектность**. В этом и есть раскрытие тайны геополитики. В основе ее – воля проектировать действия именем «самой реальности», – но не исследовать. Исследование в политике всегда лишь материал для демаркации политик либо коллекция примеров, не подлежащих Попперовым критериям испытания истинности.

Весьма любопытно приведенное Цымбурским со ссылкой на академика Тарле суждение, что геополитика думает «о будущей географии, а не о настоящей». Но ведь будущее не может быть никак проверено, и «реалистические суждения» о нем абсурдны как таковые. Воля, желание здесь, несомненно, – мотив утонченного геополитика. Он позволяет себе желать картины результатов исследования еще до того, как ее найдет. Здесь обнаруживается сходство с марксистским коммунизмом, который также торопился изменить мир, исследуя его лишь по ходу и

в необходимой для этого степени (отчего сам классик, не утративший навык интеллектуального любопытства, заявлял: «Сам я не марксист»).

Есть еще один интересный момент, позволяющий предположить, что геополитика появляется в ответ на то, что Гефтер именуется «уходом исторического» из жизненного мира *homo sapiens*. Всплески геополитики – в конце XIX – начале XX века, в 1930-х, затем в 1940–1950-х годах и, наконец, в начале XXI века – совпадают с обнаружением тупиков – пределов *homo historicus* и органичного для него, то есть историцистского, политического действия.

Определению Цымбурским старта геополитики как «волевого политического акта, отталкивающегося от потенций, усмотренных в конкретном пространстве», – не достает продолжения: «...при дефиците ресурсов исторического действия и его инструментария».

Я, пожалуй, согласен с Цымбурским в том, что геополитик «исследует мир в целях проектирования, а часто также и через его посредство». Это попытка удержать конструктивизм исторического действия, нараставший внутри мировой истории от XVIII к XX веку, – ценой избавления от исторического опыта, замененного политической картой мира.

*

Кто кого? У Цымбурского в перечне вопросов о существовании геополитики – перечне довольно дискредитирующем – есть такое определение: «множество разнородных знаний, методов и идей, сообща служащих целям политики». Да, но это можно и обратить: не политика ли создала геополитику под себя, в функции отчасти прикладной дисциплины, отчасти – суррогатной идеологии? А вернее, то и другое вместе: гаджет, возведенный в ранг науки.

*

Геополитика как боевое искусство. Тонким надо признать и замечание Цымбурского о «стратегическом блоке геополитики», преобразующем картины мира в цели и задачи конкретного игрока. Здесь скрытым образом вводится та самая личность, что прежде была изгнана геополитическим этатизмом.

Вводится в роли политического потенциала – каковым она и является, часто – в решающей степени. Это сразу убивает интерес к геополитическим кубикам из глобуса, нарезанного на гомогенные доли.

Любопытно его представление терроризма как *техники «геополитической акупунктуры»* – точечных акций, достигающих изменения имиджа стран, регионов и мира в целом». Здесь он говорит об имажинативном начале в геополитике и даже о «минималистской геополитике, не формулирующей собственных программных геополитических образов и сюжетов ... сводящейся к реагированию на непосредственно воспринимаемые раздражители». Геополитическая акупунктура террора по Цымбурскому – это, конечно, Шамиль Басаев или Бен Ладен. Эти люди стремились не к «организации Больших Пространств», но явно к их разрушению и отчасти (что касается второго) в этом преуспевали. Они не политики в обычном смысле слова и не просто бандиты, – но кто они? Этот вопрос остается нерешенным и даже неинтересным для геополитики во всех известных ее формах. Зато он обслуживает самую популярную и известную каждому **геополитическую конспирологию**. Та увлекает миллионы умов «совершенно очевидными» догадками о том, «кого обслуживают» мастера террористической акупунктуры.

*

Геополитика как оружие обороны. Притом, что российская геополитическая макулатура выглядит комично, нельзя не заметить, насколько вся она проникнута идеей защиты. Это акцентуированность, сама по себе подозрительная для теории. Даже в теориях войны и военной стратегии оборона занимает не столь премиальное место. Здесь ярко выступает невротический мотив нашей геополитики, делающий чтение ее истинным пиром психоаналитика. Склонность прагматики русских пространственных теорий к выстраиванию защит и оборон убийственно разрушительна для решения собственно важной рациональной задачи – *защиты пространства*. Недаром «выстраивание защит» – известнейший симптом целого ряда психических расстройств.

6

Геополитика для Цымбурского – это место, которое он оборонял в ожидании появления науки о России. Не страноведения – а наукоучения страны, все теории и школы мысли которой не помогли ее понять и не дают ключа к происходящему с нами. Отсюда интерес к проектным аспектам геополитического – что отмечает и сам Цымбурский, говоря, что геополитические тексты выстраивают картину мира из политизированных образов, «закладывая в нее программу действий для России, обычно олицетворенную ее правительством». Должен признаться, что, читая рукопись Цымбурского и выдвигая едкие критические догадки в адрес геополитики, я не раз через несколько страниц встречал их уже как критику со стороны самого Цымбурского. Это касается и очевидной «проектности» мотивов геополитика, и склонности

геополитиков к «вчитыванию политического в неполитические субстанции» (формула самого Цымбурского). Он ясно видит, что конструкции геополитики не обращены к научному сообществу, но к субъектно организованной, политически действующей части общества – так называемому политическому классу.

В глазах такого историста, как я, геополитика, разумеется, выглядит неправомерным вторжением в сферу действия мировой истории и одержимых ею авангардов. Но после того как все без исключения авангарды свернули себе шею, к чему удивляться, что на арену вышли уцелевшие геополитики? В каком-то смысле ситуация перевернулась – теперь былым «творцам мировой истории» приходится объяснять, что они имели в виду – и что именно собирались сделать с нациями и сообществами, превращенными в инструмент будущего?

Геополитик в сравнении с коммунистом XX века просто шалун, вроде гопника из предместий, который редко-редко позволяет себе выйти в центр для драки. Не геополитики развалили империи XX века, как либеральные, так и тоталитарные. Не геополитики несут ответственность за числа жертв с несчетными нулями. Хотя, разумеется, геополитики очень завидуют истористам и рвутся изо всех сил на их место – порулить. Но мотив их несколько не консервативен!

Цымбурского это настораживало. Он предупреждает против геополитического идеализма, убеждающего «народы и государства жертвовать ... самим своим суверенным существованием ради суверенитета Больших Пространств».

Здесь еще раз нужно отметить правоту Цымбурского даже там, где ее не хочется признавать. Визионерство внутри геополитической традиции, безвредный пережиток эпохи арт-деко, помноженный на 3D визуализации XXI века, породило не сон разума, а его умерщвление. Речь уже не об «убеждении суверенитета жертвовать собой», а об инструментализации суверенитета для нужд мелкой текущей политики.

*

За последнее десятилетие, а вернее бы сказать – тридцатилетие, назрела и перезрела **задача понимания России**. Эта задача не покрывается исследованием трудных вопросов русской политики, истории, социальной жизни и онтологии. Скорее надо говорить о загадочной избирательности взгляда последних десятилетий, который замещал не проясненную и даже не поставленную проблему поспешным суждением и императивной оценкой. Классическим случаем здесь являются события, которые, даже при простом их назывании – и это ощутимо для каждого – вызывают внутреннюю эмоциональную и недружественную мобилизацию присутствующих, мотивированных при этом по-разному. Достаточно простого упоминания. Например – «реформы кабинета Гайдара», «1990-е годы», «катастрофа СССР», «ваучерная приватизация», «путинское большинство» и «политика стабильности».

Можно подумать, что это касается исключительно острых тем, раскалывающих общество по сей день, но это не так. Такие темы раскалывают мозг еще до того, как расколют общество. Мышление отказывается принимать к сведению эти предметы и возвращаться к ним как к вопрошаемым. Там целые залежные земли неопознанного, неразличенного и невскрытого. Среди них и совершенно безобидные на слух, как, например, «проблема ларька», «проблема челночников»__ и т.п. Некоторые из проблем табуированы лишь временно, а проходит какой-то период – и позволяется не только о них рассуждать, но и изучать их. Я бы предположил, что этот период «передержки» как раз равен времени актуальности самого изучения – после чего предмет если не исчезает, то мумифицируется, антиквирруется и руинируется, становясь политически стерильным для ума.

Вероятно, уже описание самих заглашек и табу позднесоветского-постсоветского мышления представляет собой также запрещенную себе нашим сознанием зону. Этих механизмов много, они разнообразны и генерируют различные категории исключенного российским мышлением – либо генерирующего сами эти табу, что не исключено.

Разумеется, легко стать в позу (и это неоднократно делалось, что легко проверить), сказав: пришел час, когда нам нельзя более терпеть столь бессмысленное прозябание в реальности, которой мы не знаем! Но тут возникает дежа вю. Голос подозрительный по ямбу напоминает нам, что мы впали в цитирование знаменитых слов Юрия Андропова 1983 года о «незнании страны, в которой мы живем», которые в свою очередь были парафразом.

Итак, слишком многое говорит, что нам не удастся и, весьма вероятно, не удастся продвинуться в мышлении о России сколько-то далее места, где мы находимся – и где находиться далее невозможно ни ментально, ни морально, ни эстетически. Двигаться придется, и движение в его начальной фазе будет происходить, что неизбежно, – в почти бессмысленной или абсурдной форме.

Никакого периода интеллектуальной подготовки к тому, с чем мы встретимся в скором времени, а именно – к реальности, у нас не будет. Посему программа критической активности, критических

разработок или даже исследований, которая бы началась (допустим) прямо завтра, имела бы значение только при обдумывании причин неминуемой катастрофы того грядущего старта, который еще и не начался. Это дало бы шанс на то, что та будущая неудача, которая наступит вскоре вслед за эйфорией начала, попадет в должный интеллектуальный контекст, и дитя на сей раз не будет выплеснуто вместе с грязной водой следующей «великой реформы» или «перестройки».

Но здесь же и большая трудность, заключенная в неопределенности и неочертанности поля неведомого. Блажен, у кого есть уже импортированная концепция или иной карго-дискурс, а если нет? Именно поэтому, быть может, феноменология современных аутозапретов и аутотабуирования русского мышления помогла бы помочь прощупать это тело неясного, неведомого.

Еще до того, как мы признаем себе, что чего-то не знаем, нам придется признаться в том, **как** именно мы не хотим знать и какие именно увертки ума от знания мы уже накопили.

*

Цымбурский остановился на пороге преодоления геополитики по пути к науке о России.

Он отметил возможность того, чтобы в рамках политологии выделилась отрасль, «занимающаяся геополитикой как изучаемым типом политической мысли и политической практики». Он предлагал для этой отрасли название **геополитологии**. Здесь мы возвращаемся к исходной теме – вернее, к исходному вызову наших дней – вакууму понимания России и ее поведения. Но В.Л. Цымбурский здесь оставляет для нас важную, не развернутую им догадку.

Ибо такая наука действительно должна была бы быть *наукой об изучающих Россию субъектах и о применении ими изученного*. Разумеется, она должна была бы изучать в том числе и российскую геополитику, равно как западные опыты с «кремленологией», «советологией» etc. Всё это такая наука рассматривала бы в длинном ряду, от «теорий заговора» до НЛП и «пиара» – то есть прагматических проекций интеллекта на русскую политику. Равно и политических запросов на интеллект. В этом случае **политтехнологии** по-российски также оказались бы предметом изучения, причем в контексте их использования и порожденных этим аберраций. Сюда же попали бы и стратегии «медиаполитики», «управляемых медиа», «суверенной демократии» и «подавляющего большинства».

Иными словами, предметом должен оказаться способ мыслящего обращения России с самой собой – с Россией же. Но этим наукоучением едва ли явится геополитика как таковая.

2014–2015: итоги и перспективы

Будущее нашей страны неразрывно связано с ее соседями – как ближними, так и дальними

Евгений Янович САТАНОВСКИЙ,
президент независимого научного центра «Институт Ближнего Востока»

Главным итогом завершившегося 2014 года для России является значительное обострение ситуации на ее западных и южных рубежах и переход Вашингтона с Брюсселем в режим открытой конфронтации с Москвой.

Отказ Украины от внеблокового статуса продемонстрировал, какую задачу ставили перед собой организаторы майдана, протолкнув к власти в Киеве контролируемые ими группы местной элиты.

Шаги на восток

Гражданская война на юго-востоке Украины – «война по доверенности» США против РФ – сформировала очаг напряженности на границах России.

Поток беженцев и временно перемещенных лиц, на пике угрожавший превысить миллион человек, осложнил ситуацию в приграничных областях страны. Нарастает угроза диверсионно-террористических вылазок украинских радикалов, имеющих опыт участия в боевых действиях против России в обеих чеченских и августовской войне с Грузией.

В то же время воссоединение с Россией Крыма и его интеграция в состав страны, переломив позднесоветскую и постсоветскую тенденцию одностороннего отказа Москвы от своих национальных интересов, ликвидировали угрозу вытеснения российского ВМФ из Черного моря, равно как и России из Причерноморья. Опасность превращения Севастополя и других крымских портов в базы НАТО ликвидирована. Последствия этого для будущего Североатлантического альянса, в том числе за счет переоценки его союзниками и рядом членов (в первую очередь Турцией) своих отношений с Вашингтоном, чрезвычайно значительны.

Попытки компенсировать геополитическое поражение США в Крыму введением санкций, антироссийской пропагандой и превращением Украины в страну, управляемую из Вашингтона, означают открытое возвращение западного сообщества к холодной войне. Это ставит под вопрос само будущее отношений Евросоюза и России, завершив дискуссии о возможности интеграции нашей страны в Европу. С другой стороны, именно эта ситуация дала старт оформлению стратегического альянса РФ с КНР в сфере поставок энергоносителей и создала возможность формирования военно-политического альянса Москвы и Пекина.

То же самое относится к отношениям России и Турции. Несмотря на диаметрально противоположные позиции по сирийской гражданской войне и роль Турции в транзите в Сирию боевиков-джихадистов со всего мира, включая постсоветское пространство, Москва и Анкара избегают конфронтации, в том числе по поводу Крыма. Турция, член НАТО и страна, ассоциированная с ЕС, получила историческую для нее возможность закрепить за собой после остановки «Южного потока» транзит в Европу российских углеводородов на балканском направлении. Попытка Евросоюза торпедировать этот проект в пользу Украины стала для Брюсселя пирровой победой.

Последнее отнюдь не означает, что Турция и Китай при случае не воспользуются новой геополитической ситуацией для того, чтобы получить во взаимоотношениях с Россией односторонние выгоды. Однако они не будут делать это исходя из идеологических догм, исторических фобий и тем более в ущерб собственным экономическим интересам. Что выгодно отличает их от стран ЕС и США и оправдывает для России смену односторонней политики последней четверти века, направленной исключительно на укрепление связей с евроатлантическим сообществом.

Вразнос или в расход?

Политическая и гуманитарная поддержка Москвой неконтролируемых властями Киева регионов юго-востока Украины сорвала запланированный ее руководством блицкриг и заставила США втянуться в длительное противостояние с неясным исходом в попытке поддержать патронируемый ими коррумпированный олигархический режим в стране со значительным населением и

рушащейся экономикой. Эксперты в этой связи вспоминают об американской политике периода, предшествовавшего началу вьетнамской войны.

Как следствие перспективы сохранения Украины на протяжении длительного периода в границах, существующих на момент написания настоящей статьи, спорны. В случае дальнейшего развития событий по наблюдаемому сценарию, включая криминализацию этой страны, создание частных армий и усиление независимости губернаторов при слабом центре, продолжение ее распада на составные части в краткосрочной перспективе весьма вероятно. При этом Россия к внутренним процессам, способствующим распаду Украины, вопреки утверждениям западных политиков и СМИ отношения не имеет и повлиять на них не может.

Альтернатива федерализации или мирному «разводу» украинских регионов – переход к гражданской войне на всей или большей части территории страны. 2015 год в этом плане может стать критическим. Экономика Украины коллапсирует, и поддерживать ее США и Евросоюз не намерены. Энергоснабжение страны за счет разработок на ее территории сланцевого газа оказалось фикцией: к концу 2014 года работы по этому направлению, проводимые крупными американскими корпорациями, были свернуты в том числе из-за невозможности работы на территории государства, где отсутствует правовое поле. Россия поддерживать функционирование энергосистемы Украины за собственный счет, как это происходило на протяжении всего постсоветского периода, более не будет.

При этом консервация противостояния на украинском юго-востоке на существующем уровне возможна только в случае выполнения Киевом Минских договоренностей. Это же касается попыток организации правительством Украины или неконтролируемыми им силовыми группировками губернаторов и полевых командиров вооруженных провокаций, направленных против России. Эскалация конфликта Киева с ЛНР и ДНР чревата его распространением на всю территорию юга и востока страны с непредсказуемыми для нее результатами.

Состояние украинской армии не внушает аналитикам оптимизма: ее переподготовка и оснащение при поддержке НАТО в случае серьезного военного противостояния приведут только к утере предоставленной ей техники и вооружения в пользу противников – как это было в Грузии и происходит в настоящее время в Ираке и Афганистане. Превращение ВСУ в современную эффективную армию возможно лишь в условиях искоренения в руководстве страны коррупции и формирования эффективной системы государственного управления. Ни то ни другое не представляется реалистичным.

Планы введения всеобщей воинской повинности в условиях продолжения властями Киева гражданской войны при отсутствии реальных угроз со стороны атакуемых им регионов ослабляют позиции центральных властей в глазах населения. «Патриотический подъем», в основе которого лежит антироссийская пропаганда украинских СМИ, не означает готовности идти на войну: массовое уклонение от призыва может стать единственным его результатом.



Коллаж Андрея Седых

Опиум атакует

На южном направлении основную угрозу для России составляет дестабилизация после вывода американских войск из Афганистана с перспективой нарастания давления на страны Центральной Азии. Государственные институты Афганистана практически не работают. Страна остается одним из главных производителей и основным поставщиком опиатов в мире. Боестолкновения исламистов с местными территориальными силами самообороны и афганскими силовиками зимой 2014–2015 годов впервые не прерывались – вероятность того, что весной 2015-го начнется широкомасштабное наступление радикалов на Туркменистан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан, чрезвычайно высока.



Вопрос в том, в какой мере власти упомянутых стран смогут отразить исламистскую угрозу с учетом широкого распространения в них салафитского подполья, которое,

если ослабление или опасность обрушения местных режимов станет реальностью, поддержат спонсоры «арабской весны» Саудовская Аравия и Катар, конкурирующие между собой за Центрально-Азиатский регион. Борьба за контроль над маршрутами газопроводов и водные ресурсы (верхнего течения Амударьи) может полностью дестабилизировать регион.

Существенно, что исламисты из движения Ф. Гюлена, которые до последнего времени, когда он вступил в открытое противостояние с действующим президентом Р. Т. Эрдоганом, считались инструментом турецкого влияния, заняли ключевые позиции в рядах «туркменских талибов», контролирующих афгано-туркменское пограничье с юга. Ограничения, наложенные на сеть образовательных учреждений Гюлена в Туркменистане (в августе 2014 года) и ряде других стран Центральной Азии, стали следствием того, что их выпускники, с точки зрения местных силовиков, составляют «пятую колонну», которая может поддержать атаку Исламского движения Узбекистана и других радикалов в случае начала вооруженного конфликта с ними.

Отношения местных лидеров сложные, координация их действий даже перед лицом внешней угрозы сомнительна. Их подозрения в отношении намерений России вернуться к временам СССР велики и подогреваются извне. Традиционный для Туркменистана изоляционизм, дистанцирование от ОДКБ Узбекистана, клановая криминализированность и высокий уровень влияния наркомафии в Таджикистане и Киргизии, а также свобода действий на территории последнего многочисленных радикальных группировок облегчают задачу исламистов и значительно повышают риск успеха «центральноазиатской весны».

На границе с Индией или Пакистаном

В то же время речь идет именно о джихадистах из стран Центральной Азии: пуштуны, поддерживаемые Пакистаном, после ухода основного воинского контингента США будут бороться за установление контроля над Афганистаном. Группировки талибов имеют разные интересы, как продемонстрировал декабрьский теракт в Пешаваре, организованный ТТП. Он был воспринят руководством пакистанских ВС как прямой вызов, притом что группа Хаккани поддерживает прочные отношения с пакистанской межведомственной разведкой ISI, курирующей ситуацию в Афганистане в интересах Исламабада.

Эксперты отмечают, что популяризируемый СМИ тезис о возможности объединения сил «Аль-Каиды», руководство которой базируется в афгано-пакистанском пограничье, и Исламского государства, основные операции которого проводятся на территории Ирака и Сирии, с практической точки зрения не имеют шансов на реализацию. Конкуренция этих джихадистских структур отражает соперничество Саудовской Аравии и Катара. При этом Исламское государство на современном этапе получило перед «Аль-Каидой» значительное преимущество.

В результате летнего наступления объединение суннитских племен Ирака, баасистов и исламистов Исламского государства Ирака и Леванта, получившее название ИГ, взяло под контроль до 40 процентов территории Ирака и 30 процентов Сирии с населением более шести миллионов человек. ИГ контролирует среднее течение Тигра и Евфрата, многомиллиардные золотовалютные резервы и запасы нефти, экспорт которой дает этой группировке до трех миллионов долларов США в день.

Присоединение к ИГ исламистских структур по всему миру, в том числе в Магрибе и Сахеле, приток в Ирак и Сирию джихадистов из стран Запада, постсоветских республик и КНР превратили эту структуру в главную опасность для мирового сообщества. В странах, откуда прибыли «исламисты-интернационалисты», неизбежен подъем террористической активности после их возвращения. Последнее на рубеже 2014–2015 годов уже началось, но основные проблемы, в первую очередь в Европе, откуда происходит наибольшая часть примкнувших к ИГ боевиков, ожидаются после раскола его структуры из-за объективно разных интересов иракских суннитов и иностранных джихадистов.

Киберджихад и европейские исламисты

Дополнительные проблемы в сфере безопасности для западного сообщества возникли из-за интенсификации киберджихада – пропаганды террористической активности через Интернет в виде индивидуальных силовых актов, как в Австралии, Канаде и Франции. События такого рода практически невозможно предупредить. При этом как «Аль-Каида», так и ИГ уделяют «интернет-университетам» джихада растущее внимание и опираются в этой работе на профессионалов. То же самое касается работы над получением ИГ оружия массового поражения: биологического и химического на базе лабораторий мосульского университета.

Среди источников финансирования джихадистской деятельности, помимо контрабанды нефти и захвата активов (светских суннитов, шиитов, христиан, йезидов и пр.), следует отметить масштабную торговлю археологическими артефактами, эксплуатацию местного населения, превращенного в крепостных, продажу рабов и получение выкупа за пленных европейцев и американцев, поставленные на поток. Захват западных заложников ведется не только на территории, контролируемой ИГ, но и в Магрибе, Сахеле и на Аравийском полуострове, в первую очередь в Йемене.

Характерно, что декларируя необходимость борьбы с ИГ, беспрецедентные успехи которого в Ираке стали прямым следствием вывода из этой страны американской армии, Вашингтон не столько воюет с исламистами так, как это необходимо для победы (которая без проведения масштабной сухопутной операции невозможна), сколько демонстрирует присутствие на поле боя в виде точечных авиаударов. Отказ президента Обамы от войны за границами США в тех масштабах, которые вела предшествующая администрация, стал одной из причин негласного сотрудничества Соединенных Штатов с Ираном и отказа от немедленного свержения режима Асада в Сирии. Декларации о необходимости этого не означают согласия с требованиями об интервенции Турции, Саудовской Аравии и Катара.

Для США этот восток уже не ближний

С учетом значительного охлаждения отношений с Израилем, дистанцирования от США Пакистана и длительной паузы в военно-техническом сотрудничестве с Египтом на фоне поддержки Обамой «Братьев-мусульман», опекаемых Катаром, можно говорить, что с военно-политической точки зрения Соединенные Штаты на БСВ значительно ослабли. Это в большой мере вызвано политикой действующей администрации и лично президента Обамы. В условиях, когда переговоры «Шестерки» по ядерной проблеме Ирана зашли в тупик, Вашингтон готов негласно ослабить санкции, наложенные на ИРИ, с тем, чтобы на европейском рынке энергоносителей столкнуть Иран и Россию.

Можно предполагать, что в 2015 году поставки на мировой рынок иранской нефти будут расти. То же самое касается арабских нефтепроизводителей, а также Алжира и Катара в сфере газового экспорта. Сотрудничая с Россией в сфере поставок вооружений и военной техники, Тегеран и Алжир не пойдут на координацию экспорта углеводородов с Москвой или членами ОПЕК: в этом вопросе каждая страна будет руководствоваться собственными интересами.

При этом целый ряд государств БСВ, включая Израиль, не присоединился к западному блоку на Генеральной Ассамблее ООН при голосовании по резолюции, осуждавшей Россию из-за ситуации на Украине, а Турция и Иордания поддержали его формально, сохранив экономические и политические отношения с Россией или расширив их. Притом что ситуация в Сирии может быть охарактеризована как стабильная нестабильность, РФ в регионе скорее упрочила свои позиции по сравнению со странами НАТО при сохранении ими абсолютного доминирования в экономической сфере.

Внутриисламская борьба

Существенным в 2015 году будет являться вопрос преемственности высшей власти в Алжире, Саудовской Аравии и Омане. Обострение противостояния шиитов и суннитов, патронируемых Ираном и Саудовской Аравией, проявилось в Ливане и Йемене, где Иран добился руками хоуситских племен полного контроля над столицей и наиболее важными районами страны. Сохраняется опасность шиитского восстания в Восточной провинции Саудовской Аравии и на Бахрейне. В этих условиях КСА и его союзники, ОАЭ и Бахрейн, вынуждены были пойти на временное примирение с Катаром в ССАГПЗ, обусловив снятие претензий к Дохе прекращением ею поддержки в АРЕ террористической деятельности.

В то же время египетская армия вынуждена проводить на Синае масштабные операции против исламистов, неся значительные потери. Терракты организуются исламистами АРЕ в крупнейших городах страны, включая столицу – Каир. В Ливии ведутся непрерывные бои подразделений, возглавляемых генералом Х. Хафтаром, поддерживаемым Алжиром, ОАЭ и Египтом, с исламистами, финансируемыми Катаром. Сохраняется жесткая конкуренция Саудовской Аравии, Катара и Турции в Африке и Центральной Азии. Катар и Саудовская Аравия с переменным успехом борются за влияние на руководство США и Евросоюза.

В Тунисе парламентские и президентские выборы закрепили возвращение к власти сил, оппозиционных исламистам «Ан-Нахды», монополизировавшей власть после свержения в результате «арабской весны» авторитарного светского режима. При этом Тунис – первая страна в регионе, где исламисты потеряли власть не в результате реализации силового сценария. В то же

время ситуация в Магрибе и Сахеле в текущем году может быстро измениться: радикальные группировки, вооруженные современным оружием с разграбленных складов бывшей ливийской армии, наращивают ресурсы и пополняются свежими кадрами.

Операции, которые на территории Мали проводила Франция и армии стран Сахеля против исламистов, не привели к их разгрому или ослаблению. В перспективе это позволяет им в короткие сроки нанести значительный ущерб интересам Евросоюза, перекрыв поставки в Европу газа и нефти из Северной Африки, а также урана, являющегося основным сырьем для французских АЭС. В значительной мере именно зависимость от исламистов и неспособность справиться с ними военным путем спровоцировали решение Евросоюза об исключении палестинского ХАМАС из списка террористических группировок, которое лоббировал Катар, патронирующий эту структуру в настоящее время.

В 2015 году высока вероятность очередного военного конфликта с ХАМАС Израиля. На фоне стремительного распада отношений Иерусалима с ПНА из-за односторонних шагов палестинского руководства в ООН, нарушающих «соглашения Осло», можно говорить об окончательном завершении эпохи палестино-израильского «мирного процесса». Проект создания палестинского государства оказался неработоспособным.

Цена совести

Жизнь узника концлагеря равнялась 1631 рейхсмарке, справедливость освобожденной Европы в отношении жертв не стоит и этого

Евгений Янович САТАНОВСКИЙ,

президент независимого научного центра «Институт Ближнего Востока»

27 января 2015 года мир отмечал 70-летие освобождения Освенцима Красной армией. Он же Аушвиц-Биркенау. Символ преступлений Третьего рейха и бесчеловечности нацизма как системы. Владимира Путина на церемонии не было – глава польского МИДа не нашел ничего лучшего, чем сказать, что президента Петра Порошенко пригласили туда потому, что Освенцим освобождали украинцы, а не русские.

Гжегож Схетина, правда, забыл уточнить, что украинцы были и в охране этого концлагеря, а Порошенко представлял именно тех соотечественников, которые воевали за Гитлера, а не тех, кто его разгромил. Иначе Киев вряд ли начал бы братоубийственную войну на юго-востоке, а премьер-министр Яценюк, общаясь с канцлером Меркель, не рассказывал бы, как Советский Союз в ходе Второй мировой войны «вторгся» на Украину и в Германию...

Владимир Путин посетил в этот день экспозицию, посвященную уничтожению евреев нацистами, холокосту, в Еврейском музее в Москве. В Освенциме он уже был весной 2005 года, когда главы ведущих государств мира съехались туда, чтобы почтить память погибших узников лагеря смерти. Тогда отношения России, Евросоюза и США еще строились на принципах партнерства.

Никому и в голову не могло прийти, что пересмотр итогов Второй мировой и их фальсификация найдут так далеко. Однако сегодня иллюзий не осталось. На Украине войска Киева, поддерживаемого странами НАТО, уничтожают гражданское население при всемерной поддержке западных СМИ. Санкции же за все то, что там происходит, вводятся в отношении России.

Самое время вспомнить прошлое – не то, которое описывают сегодня в Берлине, Киеве и Брюсселе, а настоящее. Такое, каким оно было на самом деле в «цивилизованной» Европе, которая в огромной мере стоит на этом прошлом, а не на мифах о толерантности и мультикультурализме. Европейские политики не любят его вспоминать. Тем более оно заслуживает того, чтобы будущие поколения помнили, какой Европа была, и по достоинству оценили, что проросло сегодня из тех так и не выкорчеванных корней.

Истребительные работы

Для начала – о концлагерях. Их система прошла несколько этапов. Первым был предвоенный – 1933–1939 годы. Накануне Второй мировой численность узников концлагерей составляла только 25 тысяч. С 1939-го они были подчинены РСХА. С начала войны до марта 1942 года число заключенных концлагерей выросло до 100 тысяч. В 1944-м достигло миллиона человек. Из них лишь пять – десять процентов были германскими подданными.

В конце 1939 года управлению концлагерей в Германии было поручено создать около ста концлагерей всех типов, в том числе для «интернирования» и «обмена». Появились Освенцим и Гузен (в мае 1940-го), Гросс-Розен (в августе).

В 1940 году были созданы рабочие лагеря для евреев и неевреев, а также в соответствии с гиммлеровским планом «переселения» транзитные. В начале 1942-го в Польше – лагеря уничтожения. И даже в 1944 году в районах Австрии, расположенных вблизи границы с Чехословакией и Венгрией, создавались специальные лагеря для венгерских евреев.

С 1941 года в нескольких концентрационных лагерях начали использовать крематории. Особую известность в послевоенный период концлагеря приобрели благодаря садистским «медицинским» опытам над узниками, осуществлявшимся в массовых масштабах врачами СС.

В 1938 году командование СС ввело на регулярной основе эксплуатацию заключенных на строительных предприятиях. В соответствии с этим были определены места расположения штрафного лагеря Флоссенбюрг и Маутхаузена, созданных в середине того же 1938-го. Прибыль от труда заключенных, составлявшая сотни миллионов рейхсмарок, была одним из главных источников дохода СС. Содержание узника, включая расходы на питание и одежду, не превышало 0,70 рейхсмарки в сутки. Прибыль, приносимая за рабочий день продолжительностью 11–12 часов, составляла шесть рейхсмарок. Учитывая среднюю продолжительность жизни узника в концентрационных лагерях (около 9 месяцев) и ограбление его трупа, СС зарабатывало на

каждом заключенном в среднем 1631 рейхсмарку. В эту сумму не включены доходы от промышленного использования трупов и стоимость имущества, конфискованного до заключения в концлагерь.

Поставщики военного снаряжения — «И. Г. Фарбениндустри», «Крупп», «Тиссен», «Флик», «Сименс» и другие корпорации использовали концлагеря как источник дешевой рабочей силы, которую можно было подвергать неограниченной эксплуатации. Заключенные на этих фирмах составляли 40 процентов занятых.

Охрана лагерей осуществлялась главным образом частями СС «Мертвая голова». В 1944 году на один миллион узников приходилось 45 тысяч охранников, из которых 35 тысяч составляли собственно эсэсовцы, а остальные были служащими вспомогательных частей из населения оккупированных стран (украинцев, литовцев и других).

Единственной функцией лагерей, официально именовавшихся «специальными», было тотальное истребление – в первую очередь евреев. Гитлеровцы неофициально называли их лагерями уничтожения. Главными элементами этих лагерей были газовые камеры и крематории. Газовые камеры были применены в лагере Хелмно в 1941 году. В 1942–1943-м умерщвление евреев газом производилось в лагерях Белжец, Майданек, Трешлинка и Собибор. В Освенциме ежедневно уничтожались до 20 тысяч жертв.

Депортация евреев из остальной части Европы в лагерь уничтожения началась в марте–апреле 1942 года и продолжалась до конца 1944-го. После восстаний 1943 года в Трешлинке и Собиборе оба лагеря вместе с лагерем Белжец были ликвидированы, центр уничтожения перенесен в Освенцим и Штутгоф.

Истребление евреев в газовых камерах продолжалось до ноября 1944-го и прекращено по приказу Гимmlера. В начале 1945 года более 500 тысяч узников совершили пешком «марши смерти», уходя под конвоем от наступающей Советской армии. Эта «эвакуация» стоила жизни 250 тысячам узников.

Число узников в крупнейших концлагерях составляло: 132 тысячи в концлагере Дахау (был создан в 1933 году), 132 тысячи в Равенсбрюке (1933), неизвестно в Заксенхаузене-Ораниенбурге (1936), 240 тысяч в Бухенвальде (1937), 81 тысячу во Флоссенбюрге (1938), 164 тысячи в Маутхаузене (1938), 120 тысяч в Штутгофе (1939, около 70 тысяч узников уничтожены), 75 тысяч в Берген-Бельзене (1940), 45 тысяч в Натцвейлер-Штутгофе (1940), 95 тысяч в Нойенгамме (1940), 125 тысяч в Гросс-Розене (Рогожница, 1940, примерно 50 тысяч узников уничтожены), 405 тысяч в Освенциме-Бжезинке (Аушвиц-Биркенау, 1940, примерно 340 тысяч заключенных уничтожены, не считая погибших в лагере смерти), 300 тысяч в Майданеке (1941, примерно 160 тысяч уничтожены, не считая погибших), 60 тысяч в Доре (Нордхаузен, 1943)...

Еще страшнее статистика лагерей массового уничтожения. Приблизительное число погибших в Хелмно (создан в 1941 году) – 360 тысяч, Белжеце (1942) – 600 тысяч, Бжезинке (Освенцим-II, 1942) – 3,5 миллиона, Трешлинке (1942) – 750 тысяч, Собиборе (1942) – 250 тысяч, Майданеке (1942) – 200 тысяч.

Гетто, созданные в Восточной Европе, оккупированной Германией, представляли род концлагерей. Лишь в Транснистрии, переданной в ведение румынских властей, евреи, заключенные в гетто, не намечались изначально к массовому уничтожению. На особом положении было гетто в Терезине, созданное в конце 1941 года для евреев из Богемии и Моравии, а позднее Германии и других стран Запада, предназначенное для демонстрации хорошего обращения немецких властей с евреями.

Кстати говоря, несмотря ни на что, евреи налаживали интеллектуальную жизнь в гетто и даже в лагерях смерти. Там действовали образовательные курсы, кружки, спектакли, выставки, выступления актеров, литераторов, детских ансамблей. Не только в Терезине, где немцы поощряли это – напоказ высокопоставленным иностранным гостям, но и в концлагерях удавалось создать театры, подобные «Кацету» С. Федера в Берген-Бельзене. Там существовали даже оркестры – в крупнейшем из них, в Освенциме было до 120 музыкантов. В Израиле не любят играть Вагнера, потому что его часто исполняли во время казней...

О палачах с чувством долга

Что до справедливости в отношении палачей – первый суд над лицами, совершившими преступления против гражданского населения, был проведен на освобожденной территории СССР, в Краснодаре 14 июля 1943 года. Второй процесс по делу об уничтожении гражданского населения и военнопленных состоялся на Украине, в Харькове в декабре 1943-го. Из материалов этого суда мир впервые узнал о применении газов для истребления гражданского населения. Суды проводились по горячим следам – свидетелей преступлений имелось более чем достаточно. Да и война еще была в разгаре – не до политики.

К концу войны политика вступила в свои права. Впрочем, сначала требовалось до конца нейтрализовать Германию – «дележ добычи» и холодная война были еще впереди. Как следствие 20 декабря 1945 года правительства стран-союзниц ввели на территории оккупированной Германии Закон № 10 Контрольного совета, имевший особое значение для продолжения судов над нацистскими преступниками и определения понятия «преступления против человечества».

Так уж сложилось, что для закрепления контроля над освобожденной от гитлеровской оккупации Западной Европой Великобритании и США потребовалось продемонстрировать то же самое, что СССР на своей собственной территории и в Восточной Европе, – правосудие. В 12 крупных процессах, проведенных в американской зоне над нацистами, несшими главную ответственность за совершенные преступления, были рассмотрены дела 177 нацистских преступников. 12 из них приговорены к смертной казни, 25 – к пожизненному заключению, остальные – к длительным срокам тюремного заключения.

Впрочем, в результате амнистии, объявленной в январе 1951 года верховным комиссаром Соединенных Штатов Америки в Германии, большинство приговоренных к тюремному заключению были освобождены досрочно. Холодная война началась: понадобились кадры – а кто лучше нацистов умел бороться с «красными». Спецслужбы, армия и органы государственного управления Федеративной Республики Германия были напичканы нацистами...

Среди наиболее важных процессов в британской зоне оккупации следует упомянуть суд 17 сентября – 17 ноября 1945 года над эсэсовцами концлагеря Берген-Бельзен. Всего в оккупационных зонах Германии, находившихся под контролем западных держав, были рассмотрены в 1945–1949 годах дела 5025 нацистских преступников. 806 из них были приговорены к смертной казни. Однако только в 486 случаях приговор привели в исполнение. То есть даже в случае палачей экстра-класса, вина которых была полностью доказана, вероятность ухода от ответственности оставалась чрезвычайно высокой.

Комиссия ООН по военным преступлениям подготовила 80 списков, в которых содержалось 36 529 имен. США, Великобритания, Франция, Греция, Голландия, Норвегия, Польша и Югославия провели 969 процессов, через которые прошли 3470 нацистов и их виднейших пособников. Смертные приговоры вынесены 952 подсудимым. 1905 были приговорены к разным срокам тюремного заключения, а 613 оправданы. Справедливостью в отношении жертв здесь и не пахло.

Помимо этого в послевоенный период процессы военных преступников проводились в Польше, Чехословакии, Венгрии, Голландии, Дании, Бельгии, Норвегии и Франции. К суду привлекались десятки тысяч лиц, в основном местные коллаборационисты. Были и смертные приговоры, многие получили разные сроки тюремного заключения, но немалое число оправдано. Выносить такие приговоры было тем легче, что во многих случаях свидетелей не находилось: в карательных акциях в отношении местного населения, тем более евреев и цыган, выживали единицы.

Преступления против евреев рассматривались не как часть нацистской антисемитской идеологии и политики геноцида, а как доказательства обвинения в целом в действиях, направленных против мира, законов о ведении войны и человечества. Единственным из процессов военных преступников, на котором разбирался вопрос об уничтожении евреев как основной, был суд над Эйхманом, состоявшийся в Иерусалиме в 1961–1962 годах.

То есть преступления Третьего рейха в отношении евреев сами по себе с точки зрения судов, проводимых в Европе, ничего особенного собой не представляли. Что можно рассматривать как комплимент нацистской пропаганде, плоды которой пережили породившую ее систему. И в огромной мере – реализованной в современном Евросоюзе применительно к Израилю, а с недавних пор и к России.

Впрочем, на процессах военных преступников, проведенных в СССР после 1961 года, иногда упоминалось о нацистской политике уничтожения евреев. Во всех предшествующих процессах о евреях говорилось лишь как о гражданах Советского Союза, что нашло отражение в мемориальных надписях на памятниках жертвам массовых казней – там, где такие вообще поставлены.

Единственный судебный процесс в Советском Союзе, на котором существенное место занимал вопрос об уничтожении именно евреев и участии в нем латвийских коллаборационистов, состоялся в Риге в октябре 1965 года. Прибалтика и в советский период истории старалась продемонстрировать «старшему брату» в Москве свою особую позицию – даже ценой признания неприятной исторической правды. Чем бы русским ни насолить...

Немецкие суды в послевоенной Германии начали функционировать в конце 1945-го. Согласно отчету Федерального министерства юстиции в Бонне немецкие власти с 1945 по 1 января 1969 года предъявили обвинения 9401 нацистскому преступнику. Из этого числа 12 были приговорены к смертной казни (все до 1949 года), 98 – к пожизненному заключению, 6002 – к различным

срокам тюремного заключения, оправданы или не подвергнуты наказанию. Всего за этот период в ФРГ привлечен к ответственности 79 401 нацистский преступник.

В 1956 году в Западной Германии было основано Центральное бюро министерств юстиции земель для расследования нацистских преступлений. В Австрии в 60-х годах проведено несколько процессов над военными преступниками, но вынесенные ее судами приговоры стали настоящей насмешкой над правосудием. Благо, эта страна – родина Адольфа Гитлера и колыбель нацистского антисемитизма – считалась жертвой Третьего рейха из-за аншлюса.

В заключениях западногерманских и тем более австрийских судов заметна тенденция смягчать наказание или оправдывать преступников на том основании, что они действовали исходя из «ошибочного понимания чувства долга». Геноцид как проявление чувства долга (!), пожалуй, наиболее точная характеристика того, что с немецкой или австрийской точки зрения представлял собой холокост.

Нацистских военных преступников можно разделить на две основные группы: лица, подстрекавшие к преступлениям, вырабатывавшие планы и отдававшие приказы, и исполнители, облеченные различной степенью власти и инициативы. Первая группа насчитывает сотни людей. Вторая – сотни тысяч. К ее составу следует причислить и тех, кто сотрудничал с немцами на оккупированных территориях: румын, украинцев, хорватов, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, русских и многих других. Эти люди не только выполняли приказы, но по собственной инициативе убили сотни тысяч евреев.

Заповедники нацизма

Десятки тысяч коллаборационистов не понесли никакого наказания и прожили век у себя на родине или нашли убежище в Латинской Америке, арабских странах, Турции, Иране, Австралии, Канаде, США и так далее. Характерно, что лишь в начале июля 2008 года Центр Симона Визенталя, занимающийся розыском нацистских преступников, заявил, что ему удалось выйти на след Ариберта Хайма, известного под прозвищем Доктор Смерть: поступили сведения, что тот скрывается на юге Чили – в Патагонии. За информацию, способную помочь его обнаружить, была объявлена награда в 495 тысяч долларов. В 2008-м он возглавил список самых разыскиваемых нацистских преступников. Во время Второй мировой войны Хайм работал врачом в концлагере Маутхаузен. Он виновен в гибели сотен, если не тысяч узников. В 1945 году Хайма арестовали американцы, однако позже выпустили на свободу. В 1962-м он должен был предстать перед немецким судом, но успел скрыться.

Типичная судьба... Точно так же избежал заслуженного наказания Иван Демьянюк – Иван Грозный, которого не захотел признать виновным современный израильский суд, вместо справедливости в отношении жертв пытающийся соответствовать западным теориям юриспруденции, работающим в пользу преступников.

За послевоенные десятилетия вероятность найти в живых кого-то из палачей в состоянии, позволяющем их судить, стала мизерной. Тем более мала вероятность того, что свидетели, которые поддержали бы обвинения после войны, могут быть разысканы и их слова убедят суды, не склонные выносить обвинительные вердикты даже в те времена, когда кровь жертв еще не просохла на руках убийц.

Как говорят в популярной отечественной телевизионной игре: «Внимание, вопрос». Сколько стоит справедливость? Не вообще, теоретическая – тут всем понятно, что она бесценна, а в отношении конкретных людей? Тех же евреев после холокоста? Ответ: ноль. В смысле ничего она не стоит. И не стоила. По сравнению с жизнью их палачей – почтенных членов общества, у каждого из которых найдутся дети и внуки, соседи и коллеги, не говоря уже об адвокатах.

Не случайно в январе 2015 года глава израильского представительства Центра Симона Визенталя Эфраим Зурофф обвинил в замалчивании преступлений нацистов и пересмотре истории руководство прибалтийских республик, Украины и Венгрии. Вопрос о том, заметил ли это заявление кто-то, кроме жителей Израиля и России, можно считать риторическим...

Память в пустыне К столетию турецкого геноцида армян

Евгений Янович САТАНОВСКИЙ,
президент независимого научного центра «Институт Ближнего Востока»

Январские теракты в Париже отвлекли внимание средств массовой информации от бойни в Сирии и Ираке, где подпитываемые деньгами из Саудовской Аравии и Катара радикальные суннитские группировки, ряды которых пополняют десятки тысяч боевиков со всего света, в том числе из Западной Европы, продолжают расширять контролируемую ими территорию. В занятых населенных пунктах поголовно уничтожаются христиане – все без исключения. Выбиваются под корень йезиды, мандейцы и прочие «еретики», в число которых у фанатиков-салафитов попадают шииты и умеренные сунниты. Западные политики старательно «не замечают» того, что геноцид меньшинств идет в тех же самых районах, где столетие назад он уже проходил. Разве что тогда убивали в основном армян, ассирийцев и понтийских греков и занимались этим в первую очередь турки, которые в наше время играют вспомогательную роль.

Любые параллели происходящего в бывших арабских провинциях Османской Порты с геноцидом армян столетней давности в Анкаре воспринимают с демонстративным возмущением. Очевидно, что никаких уроков из истории никто не вынес, тем больше смысла вспомнить трагедию вековой давности.

Особенностью геноцида армян на стыке прошлого и позапрошлого веков были массовость и абсолютная безнаказанность – во-первых. То, что проходил он на глазах «просвещенного» сообщества, которое упорно не замечало уничтожения гражданского населения турками, – во-вторых. Зашкаливающее ханжество, в результате которого сам факт геноцида армян до сих пор признан лишь отдельными странами и международными организациями, – в-третьих. Наконец, это было первое массовое убийство по национальному признаку, совершенное в стране, которая претендовала на принадлежность к современной цивилизации. Что точно характеризует эту цивилизацию и определяет ее цену.

На чьей стороне «мировое сообщество»

Геноцид армян напоминает организованный нацистами спустя несколько десятилетий холокост. Те же различия в числе жертв (и в самом числе живших на данной территории). Тот же уровень зверства и те же осколки милосердия с поправками на местную специфику: тысячекilометровые марши по пустыням до последнего выжившего и спасение некоторого числа детей в турецких семьях (при обязательном переходе этих детей в ислам). Безразличие мирового истеблишмента и ничтожно малое число тех, кто пытался сохранить свидетельства преступлений.

“ Существенную роль в уничтожении армян играла «Особая организация», насчитывавшая до 34 тысяч членов, среди которых было много выпущенных из тюрем преступников ”

С другой стороны, холокост был признан миром. По крайней мере большей его частью. Какой ценой, сколько времени спустя – другой вопрос. Геноцид армян... тут по большому счету ничего утешительного не происходит. Подвиги, которые можно наблюдать, особенно в последние десятилетия, ничтожны и мало кого могут удовлетворить. Тем более родственников жертв, составляющих большинство армян современного мира. Секрет прост: это разница между послевоенной Германией и Турцией.

В Германии державами-победительницами была проведена денацификация. Уничтожение евреев стало одним из маркеров, который отмечал нацистскую идеологию, и на официальном уровне одобрять его или вспоминать иначе, чем с осуждением, было нельзя. В Турции вся без исключения политическая элита состояла и состоит из тех, чья биография включала участие в геноциде армян или их прямых наследников. Превращение Турции Ататюрка в Турцию Эрдогана не изменило ситуацию – исламисты не менее яростно отрицают преступления своих предшественников, чем кемалисты.

Опять-таки Армения до 1991 года являлась частью Советского Союза, а Турция была и остается участником НАТО и ассоциированным членом ЕС. Спрашивается: на чьей стороне должно было находиться «мировое сообщество»? Которое вследствие таких решений автор воспринимает исключительно в качестве мафии без стыда и совести. Поскольку политический прагматизм не подразумевает ни того, ни другого.

Для сведения читателей: обычно геноцидом называют уничтожение армян, начатое в 1915 году (и по утверждениям ряда источников, длившееся до 1923-го) на территориях, контролируемых властями Османской империи. Он проводился в несколько этапов: разоружение армянских солдат, избирательная депортация из пограничных районов, принятие закона о высылке, наконец, массовая депортация и убийства. Ряд историков включают в него массовые убийства армян в 1890-х, резню в городе Смирна и действия турецких войск в Закавказье в 1918 году.

Основными организаторами геноцида считаются лидеры младотурок Талаат, Джемаль и Энвер, а также руководитель «Особой организации» Бехаэддин Шакир. В Декларации от 24 мая 1915 года Великобритания, Франция и Россия впервые в истории признали массовые убийства армян преступлением против человечности.

Резня согласно закону

Количество армян, уничтоженных в ходе распада Османской Порты и возникновения на ее месте современной Турции, вопрос столь же спорный, как исходная численность народа, жившего на этой территории. Власти страны препятствуют любым попыткам объективно рассмотреть это с использованием архивов, значительная часть которых была уничтожена.

Известно, что в середине XIX века в Османской империи немусульмане составляли около 56 процентов населения. Первая турецкая перепись населения 1844 года показала около двух миллионов армян в азиатской Турции. В 1867-м на Всемирной выставке в Париже руководство империи заявило о двух миллионах армян в Малой Азии и 400 тысячах в европейской Турции. Согласно данным армянского патриархата в 1878 году в Османской империи были три миллиона армян: 400 тысяч в европейской Турции, 600 тысяч в западной Малой Азии, 670 тысяч в вилайетах Сивас, Трапезунд, Кайсери и Диарбакир, 1 330 000 на Армянском нагорье.

Массовое истребление армян в 1894–1896 годах, унесшее жизни до 100 тысяч человек, состояло из трех основных эпизодов: резни в Сасуне, убийств по всей империи осенью и зимой 1895-го и резни в Стамбуле и в районе Вана. До 300 тысяч были обращены в ислам. По сведениям немецкого миссионера И. Лепсиуса, разорены около 600 тысяч человек, 2493 города и деревни разграблено, 649 церквей и монастырей осквернено, 328 церквей превращено в мечети.

В 1914 году армянская патриархия Турции оценила количество армян в стране в 1 845 450 человек. Армянское население уменьшилось более чем на миллион из-за резни в 1894–1896-м, бегства армян из Турции и насильственного обращения в ислам.

В конечном итоге к 1923 году были уничтожены от 1,5 до 2 миллионов армян (турецкие исследователи говорят о 200 тысячах, утверждая, что их гибель стала следствием военных действий). По данным известного ученого Р. Руммеля, геноцид 1915–1923 годов отнял жизни 2102 тысяч армян (258 тысяч – за пределами Османской империи: в Иране и русской Армении).

Вражду турок к армянам в последние десятилетия существования Османской империи усиливала проблема мухаджиров: мусульманских беженцев, приток которых на территорию Порты с Кавказа после Кавказской и Русско-турецкой (1877–1878) войн, а также из балканских государств осложнил социальные проблемы страны. Свержение в 1907 году султана Абдул-Хамида II спровоцировало резню армян в Адане, где были убиты более 2000 человек. Погромы, поддержанные армией, прошли по всей Киликии.

После революции 1908 года, которая в советских школьных учебниках истории носила название буржуазной, младотурки начали кампанию насильственного отуречивания населения, запретив нетурецкие организации. 400 тысяч мухаджиров были размещены в Анатолии. Россия в феврале 1914-го добилась от Турции создания двух зон из шести армянских областей и города Трапезунда, которыми должны были управлять представители европейских держав, согласованные с Портой, но этот план так и не был реализован.

2 августа 1914 года Турция подписала с Германией договор, подразумевавший изменение восточных границ Османской империи для создания коридора, ведущего к мусульманским народам России, что означало искоренение армян на этих территориях. В обращении, озвученном турецким правительством после вступления в войну 30 октября 1914-го, утверждалось о «естественном» объединении всех представителей турецкой расы.

В ноябре 1914 года Турция объявила джихад, что резко повысило накал религиозного фанатизма, однако до конца марта 1915-го резня армян носила, как заявляли официальные власти, предупредительный характер, что отличает ее от более поздних



депортаций и убийств. Всего между ноябрем 1914 и апрелем 1915 года убиты 27 тысяч армян и множество ассирийцев. Однако настоящий геноцид был впереди.

Первая фаза депортации армянского населения страны началась с высылки армян Зейтуна и Дертъела в начале апреля 1915-го. 24 апреля того же года была арестована и депортирована армянская элита Стамбула (большинство из 6000 человек, о которых идет речь, убиты), а также армяне Александретты и Аданы. Эта дата отмечается армянами всего мира как день памяти и скорби.

9 мая было принято решение о высылке армян восточной Анатолии. После восстания в Ване, единственной области империи, в которой армяне составляли большинство населения, в ходе подавления которого погибли 75 тысяч человек, началась четвертая фаза депортации, предполагавшая высылку армян из приграничных районов и Киликии.

30 мая 1915 года меджлис утвердил Закон о депортации. 21 июня 1915-го во время заключительного акта депортации ее главный вдохновитель Талаат приказал выслать «всех армян без исключения» из десяти провинций восточного региона Османской империи. Исключения были сделаны для тех, кто был «признан полезным для государства». К слову, часть армян Стамбула и Эдирне не была выслана, чтобы уменьшить число свидетелей-иностранцев.

Против депортации армян выступили некоторые влиятельные турецкие чиновники. Глава Алеппо Мехмед Джеляль-бей, заявив, что армяне защищаются и право жить – естественное для любого человека, запретил репрессии. С ним были солидарны губернаторы Смирны Рахми-бей и Адрианополя Хаджи Адил-бей. В результате Джеляль-бей в июне 1915 года был отстранен от управления Алеппо. Точно так же глава концлагеря в пустыне Дер-Зор – Али Суэд Бей, пытавшийся облегчить участь армян, был смещен с должности, а на его место поставлен отличавшийся особой жестокостью Зеки-бей.

Решение о депортации армян из западных провинций (Анкары, Эскишехира и прочих), Киркука, Мосула, долины Евфрата и других регионов было принято 5 июля 1915 года. 13 июля Талаат-паша заявил, что депортация проводится для «окончательного решения армянского вопроса», – формулировка, позднее дословно скопированная немцами в отношении евреев.

Впрочем, сходство геноцида армян и холокоста не только в формулировках, но и в методах. Так, медицинские эксперименты, которые нацистские медики проводили над евреями и цыганами, имели параллели в практике турецких военных врачей. В качестве одного из оправданий уничтожения армян использовалось биологическое обоснование. Главным пропагандистом этой политики был доктор Мехмет Решид, губернатор Диарбекира.

По распоряжению врача Третьей армии Тевфика Салима для разработки вакцины против сыпного тифа в центральной больнице Эрзинджана проводились эксперименты над армянскими солдатами и кадетами, большинство из которых погибли. Их проводил профессор медицинской школы Хамди Суат, которому как основателю турецкой бактериологии посвящен дом-музей в Стамбуле. Эксперименты одобрял главный санитарный инспектор оттоманских вооруженных сил Сулейман Нуман.

Руководитель санитарно-гигиенических служб и департамента здравоохранения города Трапезунда Али Сейб экспериментировал, вводя детям и женщинам, в том числе беременным, смертельные дозы морфия или отравляющих веществ. Он же использовал мобильные паровые бани, где детей убивали перегретым паром.

Существенную роль в уничтожении армян играла подчинявшаяся напрямую Талаат-паше «Особая организация» – «Тешкилят-и Махсуса», расположенная в Эрзеруме и насчитывавшая до 34 тысяч членов, среди которых было много выпущенных из тюрем преступников «четтес». В самом Эрзеруме ее члены оставили в живых около 100 армян, которые работали на важных военных объектах. Большинство из 65 тысяч армян этого города были убиты, часть депортирована в Мосул и Алеппо (некоторые смогли уцелеть в этих городах).

Мартиролог геноцида стандартен. Отличаются даты, названия, методы убийств и число погибших. Всегда издевательства, пытки, ограбления, изнасилования, в том числе несовершеннолетних. Методы уничтожения – расстрелы, убийства с применением холодного оружия, утопления в море или реках. Не реже встречается смерть от болезней, голода или жажды, холода или жары.

Подробности также стандартны. Хыныс – 19 тысяч убитых. Битлис – 15 тысяч. Там армян убивали «батальоны мясника» во главе с Джевдетом. Харпут – убиты 13 тысяч армянских солдат, а также студенты и преподаватели американского Евфратского колледжа. Эрзинджан, Байбурт, Орду, Анкара, Мерзифон – сотни и тысячи населенных пунктов.

На общем фоне выделяются Урфа, Муш и Сасун – там армяне пытались отбиваться от турок. Армяне, жившие в районе горы Муса-даг, около Антиохии, семь недель отражали атаки османских войск. В конечном итоге около четырех тысяч человек спаслись и были на французском военном судне вывезены в Порт-Саид.

Депортированных смерть ждала в 100 процентах случаев. До конечного пункта назначения в пустыне доходило не более одной пятой тех, кто туда был направлен. Их последующим уничтожением занималось местное население: черкесы, чеченцы, курды, арабы. Они убили 150 тысяч армян в лагерях вокруг пустыни Дер-Зор.

Территория русской Армении, оккупированная турками после распада Российской империи, была ими полностью разграблена. Зимой 1918–1919 годов голод, мороз и сыпной тиф уничтожили там почти 200 тысяч человек – 20 процентов ее населения. Процесс же изгнания и уничтожения турецких армян завершился серией военных кампаний в 1920-м против беженцев, вернувшихся в Киликию, и в ходе резни в Смирне, где армия под командованием Мустафы Кемаля вырезала армянский квартал, под давлением западных держав разрешив эвакуироваться оставшимся в живых.

По официальной статистике, в 1927 году в Турции проживали 77 400 армян. Согласно Лозаннскому договору Турция обязалась предоставить гарантии безопасности, свободного развития и некоторые льготы армянам в числе других национальных меньшинств. Однако положения этого договора не исполнялись. Напротив, 21 июня 1934-го был принят Закон о фамилиях, требовавший от греков, евреев и армян отказаться от традиционных фамилий и принять турецкие. Во время Второй мировой войны в Турции был введен избирательный налог на имущество, разоривший торговцев – греков, армян и евреев.

Взгляд сквозь век



Истребление армян сопровождалось кампанией по уничтожению их культурного наследия. Армянские памятники и церкви взрывались, кладбища распахивались под поля, армянские кварталы городов разрушались или занимались турецким и курдским населением и переименовывались. В 1914 году за армянским Константинопольским патриархатом числилось 2549 приходов, в том числе свыше 200 монастырей и не менее 1600 церквей. В 1974-м ученые идентифицировали в Турции 913 зданий армянских церквей и монастырей. Более половины из этих памятников не сохранилось. Из оставшихся 252 были разрушены и только 197 находятся в относительно нормальном состоянии.

Что касается международной реакции на геноцид армян, она была и остается более чем скромной. В Великобритании после официального расследования вышла книга документов «Отношение к армянам в Османской империи». В Европе и США прошел сбор средств для беженцев по хорошо отработанному принципу: не можешь спасти – откупись для очистки совести. Как следствие в 1919 году на IX съезде партии Дашнакцутюн в Бостоне было решено уничтожить лидеров младотурок, участвовавших в убийствах армян. В рамках операции, названной «Немезида», в марте 1921-го в Берлине был убит министр внутренних дел империи и один из членов османского триумвирата Талаат-паша.

В современной Турции ученые, интеллектуалы и пресса обсуждают армянский вопрос, несмотря на противодействие националистов и правительства. Редактор армянской газеты Грант Динк, писатели Орхан Памук и Элиф Шафак, издатель Рагип Зараколу были обвинены в оскорблении «турецкости». В итоге Динк и Зараколу осуждены, а в 2007 году Грант Динк убит.

За признание на международном уровне геноцида армян борются такие организации диаспоры, как Институт Зорояна и Армянский национальный институт. В 1984 году Постоянный трибунал народов признал действия Османской империи геноцидом. К такому же выводу в 1997-м пришла Международная ассоциация исследователей геноцида. В 2000 году заявление 126 исследователей холокоста подтвердило бесспорность геноцида армян в Первой мировой войне.

Геноцид армян признали и осудили Совет Европы, Европарламент и Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств. Из государств первым в 1965 году был Уругвай. За ним последовали Франция, Бельгия, Нидерланды, Швеция, Россия, Польша, Ливан, Литва, Греция, Словакия, Кипр, Аргентина, Венесуэла, Чили, Канада, Ватикан, Боливия, Швейцария (нижняя палата парламента), 43 штата США и округ Колумбия.

Первый памятник, посвященный массовым убийствам армян, был поставлен в 50-х годах на территории армянского католикосата в ливанском Антелиасе. В 1965-м на территории католикосата в Эчмиадзине был сооружен памятник жертвам геноцида. В 1967 году в Ереване на холме Цицернакаберд (Ласточкина крепость) была завершена постройка мемориального комплекса. В 1990-м часовня была построена в сирийской пустыне Дер-Зор. Уцелел ли в разгар гражданской войны, которую ведут против сирийского правительства фанатики-исламисты, этот единственный из поставленных не просто как свидетельство геноцида, но именно на месте гибели армян памятник, сегодня не знает никто...

Авинаш Диксит

профессор Принстонского университета, член американской академии искусств и наук и национальной академии наук Америки, член-корреспондент Британской академии

Барри Нэлбафф

профессор Йельской школы менеджмента

Глава из книги *«Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни»*,
издательство *«Манн, Иванов и Фербер»*

Миллионы людей каждый год дают новогодние обещания. Поиск в *Google* по ключевым словам «новогодние обещания» дает множество ссылок. По данным сайта правительства США, самое популярное новогоднее обещание — «сбросить вес». За ним следуют: «выплатить долг», «накопить денег», «найти более подходящую работу», «привести себя в хорошую физическую форму», «правильно питаться», «получить хорошее образование», «пить меньше алкоголя» и «бросить курить». В англоязычной версии Википедии новогоднее обещание определяется как «обязательство в отношении того или иного проекта или привычки, которое в большинстве случаев влечет за собой изменение жизни к лучшему». Обратите внимание на слово «обязательство». Большинство людей имеют сугубо интуитивное представление об этой концепции, понимая ее как намерение, обещание или клятву. Позже мы дадим точное определение обязательства в контексте теории игр.

Что же происходит со всеми этими замечательными планами улучшения жизни? Согласно результатам опроса, проведенного CNN, 30 процентов новогодних обещаний не дотягивают даже до февраля и только одно из пяти — выполняется на протяжении полугода или более. Тому есть много причин: люди ставят перед собой слишком большие цели; у них нет эффективных методов оценки достигнутых успехов; не хватает времени и так далее. Однако гораздо более важная причина неудачи состоит в том, что, подобно Оскару Уайльду, большинство людей способны противостоять чему угодно, кроме соблазна. Когда они видят и чувствуют запах всех этих бифштексов, картошки фри и десертов, их диета обречена на провал. Когда вас притягивают к себе новые электронные гаджеты, ваше твердое намерение держать свою кредитную карточку в кошельке ослабевает. Когда кто-то сидит в удобном кресле и смотрит спортивные передачи по ТВ, реальные физические упражнения кажутся ему намного более трудной работой.

Многие консультанты по медицинским вопросам и по образу жизни дают рекомендации, как достичь успеха в выполнении новогодних обещаний. К числу таких рекомендаций относятся базовые принципы: ставить достижимые и измеримые цели; упорно трудиться, постепенно приближаясь к их достижению; установить режим здорового питания и физических тренировок и вносить в этот процесс разнообразие, чтобы избежать скуки; не отчаиваться; не сдаваться после любых неудач. Среди этих рекомендаций есть и стратегии создания правильных стимулов, важный элемент которых — система поддержки. Людям советуют присоединяться к группам, участники которых вместе придерживаются диет или занимаются физическими упражнениями, а также рассказывать о своих обещаниях членам семьи и друзьям. Безусловно, ощущение того, что вы не одиноки в своем стремлении, очень помогает добиться успеха, но то же самое касается и позорной перспективы публичного провала.

Один из нас (Барри Нейлбафф) успешно использовал фактор стыда в программе *Life: The Game* («Жизнь — игра») в рамках ТВ-шоу *Primetime* на канале ABC. Как мы рассказали во вступительной главе, участники шоу с избыточным весом согласились сфотографироваться в бикини с условием, что фотографии тех, кому не удастся сбросить семь килограммов за два месяца, будут показаны по национальному телевидению и размещены на веб-сайте программы. Стремление избежать этого стало для участников шоу мощным стимулом. В итоге все, кроме одного, сбросили минимум по семь килограммов; одному участнику не удалось достичь такого результата, но его отставание было совсем небольшим.

Какое отношение ко всему этому имеет теория игр? Борьба с лишним весом (или стремление накопить больше денег) — это игра сегодняшнего «я» человека (которое мыслит в долгосрочной перспективе и стремится улучшить жизнь или повысить благосостояние) против будущего «я», которое мыслит в краткосрочной перспективе (и которому свойственна склонность переждать и тратить слишком много денег). Обещание сегодняшнего «я» представляет собой обязательство вести себя правильно. Но это обязательство должно быть непреложным: будущее «я» необходимо лишить возможности отказаться от него. Сегодняшнее «я» может добиться этого, предприняв какое-либо сопутствующее действие: например, можно сфотографироваться в слишком открытом наряде и разрешить режиссеру программы показать фотографии по ТВ, если не удастся сбросить требуемое количество килограммов. Это меняет игру посредством изменения стимулов будущего «я». Соблазн переждать или тратить слишком много денег никуда не исчез, но ему противостоит перспектива позорного разоблачения.

Действия, которые меняют игру таким образом, чтобы обеспечить более благоприятный результат для игрока, совершающего эти действия, называются стратегическими ходами. В этой главе мы подробно объясним и проиллюстрируем многие из таких ходов. При этом нам предстоит проанализировать два аспекта: что необходимо сделать и как это сделать. Первую задачу можно решить с помощью науки под названием «теория игр», тогда как вторая характеризуется своей спецификой в каждой конкретной ситуации, а продумать эффективные стратегические ходы во всех возможных ситуациях — это скорее искусство, чем наука. Мы изложим основные принципы этой науки и попытаемся обучить вас элементам искусства на конкретных примерах. Однако дальнейшее совершенствование искусства ведения тех игр, в которые вы играете, зависит от вас самих и от ваших знаний о сложившейся ситуации.

А теперь позвольте нам привести второй пример изменения хода игры. Представьте себе, что вы юноша, живущий в небольшом американском городке в 1950-х годах. Погожий субботний день. Вы с друзьями играете в игру, которая определит лидера. Сегодняшнее состязание начинается с игры в труса. Ваши автомобили мчатся навстречу друг другу, и вы знаете: тот, кто свернет первым, — это и есть проигравший, или трус. Но вы хотите победить.

Это опасная игра. Если оба ее участника будут добиваться победы, в лучшем случае они окажутся в больнице. Мы анализировали игру в труса в главе 4 в контексте равновесия Нэша (на примере охотников каменного века Фреда и Барни) и пришли к выводу, что в этой игре два равновесия Нэша: одно — когда вы едете прямо, а ваш соперник сворачивает в сторону, а другое — когда вы сворачиваете в сторону, а ваш соперник едет прямо. Безусловно, вы предпочитаете первый вариант второму. Теперь поднимем анализ этой игры на более высокий уровень. Можете ли вы сделать что-то, чтобы добиться более предпочтительного для вас исхода игры?

Один из способов — создать себе репутацию человека, который никогда не сворачивает в сторону. Для того чтобы сделать это, необходимо не раз победить в таких играх в прошлом, то есть вопрос можно поставить так: что вы могли бы сделать в тех играх?

А вот еще один замысловатый, но эффективный способ. Представьте себе, что вы сняли руль с вала и выбросили его в окно так, чтобы это видел ваш соперник. Теперь он знает, что вы просто не можете свернуть в сторону. Вся ответственность за предотвращение столкновения ложится на него. Вы изменили ход игры. В новой игре у вас только одна стратегия — ехать прямо. В таком случае единственный оптимальный (на самом деле лучший из худших) ответный ход вашего соперника состоит в том, чтобы свернуть. Вы беспомощны как водитель, но именно эта беспомощность делает вас победителем игры в труса.

Этот способ изменения хода игры кажется неожиданным только на первый взгляд. Выбросив руль, вы ограничили свою свободу действий. Разве может принести выгоду сокращение числа возможных вариантов выбора? В этой игре возможность свернуть в сторону — не более чем возможность стать трусом, а значит, в данном случае свобода выбирать — это свобода проиграть. Из нашего анализа стратегических ходов можно извлечь и другие неожиданные уроки.

Кроме того, этот пример содержит серьезное предостережение по поводу стратегических ходов. Их успех не гарантирован, а порой они могут быть явно опасными. В реальной жизни между действием и наблюдением существует определенная временная задержка. В случае игры в труса представьте себе, что будет, если такая же мысль придет в голову и вашему сопернику, и вы оба увидите рули друг друга летящими в воздухе? Слишком поздно. Вы беспомощно мчитесь к неизбежному столкновению.

Так что можете применять эти методы на свой страх и риск, но не предъявляйте к нам претензий, если вас постигнет неудача.

Немного истории

Отдельные люди и целые народы еще в далеком прошлом брали на себя обязательства, высказывали угрозы и давали обещания. Они интуитивно понимали важность достоверности таких действий, использовали стратегии и изобретали контрстратегии против действий других игроков. Когда гомеровский Одиссей привязал себя к мачте, он взял на себя твердое обязательство не поддаться пению сирен. Родители понимают, что хладнокровная угроза наказать ребенка за плохое поведение звучит не очень убедительно, а вот угроза «Ты хочешь, чтобы мама рассердилась?» куда более правдоподобна. На протяжении всей истории короли отлично понимали, что добровольный обмен заложниками (когда отдавали любимого ребенка или кого-то из родственников в семью противника) позволяет сделать их взаимные обещания о мирном сосуществовании более достоверными.

Теория игр помогает осмыслить и унифицировать концептуальную схему таких стратегий. Однако в первое десятилетие своего существования теория игр была сфокусирована на описании различных типов равновесий в той или иной конкретной игре: метода обратных рассуждений в играх с последовательными ходами, минимакса в играх с нулевой суммой с участием двух игроков и равновесия Нэша в более общей категории игр с параллельными ходами. Все эти стратегии иллюстрировались в контексте таких важных игр, как дилемма заключенных, игра в доверие, семейный спор и игра в труса. Томас Шеллинг первым развил идею о том, что один или оба игрока могут предпринять действия, направленные на изменение хода игры, — именно эта идея стала центральной темой всей теории игр. В статьях Томаса Шеллинга, опубликованных в 1950–1960-х годах и собранных

впоследствии в книгах *The Strategy of Conflict*(1960) и *Arms and Influence* (1965), содержится точное описание таких концепций, как обязательство, угроза и обещание. Шеллинг четко определил, что именно необходимо для того, чтобы стратегия была достоверной. Кроме того, он проанализировал такую тонкую и рискованную стратегию, как балансирование на грани, которую раньше толковали совершенно неправильно.

Более точное формальное определение концепции достоверности стратегии, а именно концепции совершенного равновесия субигры, которая представляет собой обобщение метода обратных рассуждений, о котором шла речь в главе 2, сформулировал несколько лет спустя Райнхард Зелтен, который в 1994 году стал одним из первых специалистов по теории игр (наряду с Джоном Нэшем и Джоном Харсаньи), получивших Нобелевскую премию.

Обязательства

Разумеется, не обязательно ждать Нового года для того, чтобы пообещать себе что-то хорошее. Вы каждый вечер можете принимать решение, что проснетесь рано, чтобы начать день с зарядки или утренней пробежки. Но при этом вы прекрасно знаете, что, когда наступит утро, захотите полежать в постели еще полчаса (а может, и больше). Это игра между вашим решительно настроенным вечерним «я» и будущим слабовольным утренним «я». И в этой игре утреннее «я» имеет преимущество второго хода. Однако вечернее «я» может изменить ход игры, включив будильник, для того чтобы воспользоваться преимуществом первого хода. Это своего рода обязательство подняться с постели, когда зазвонит будильник, но сработает ли такой метод? (Заметим, что еще более ранняя версия вашего «я» могла бы найти и купить будильник, у которого нет кнопки отключения, но вряд ли такое возможно.) И все же вечернее «я» сделает это обязательство достоверным, если поставит будильник на шкаф у противоположной стены комнаты, а не на ночной тумбочке: в таком случае утреннему «я» придется встать с постели, чтобы выключить звонок будильника. Если и этого недостаточно и утреннее «я», спотыкаясь, возвращается в постель, пусть одновременно со звонком будильника включается и начинает варить кофе ваша кофеварка, чтобы заманчивый запах вытащил ваше утреннее «я» из постели. [На рынке есть удивительные устройства, которые можно использовать в подобных случаях. Это Clocky — будильник с колесиками. Если вы сбрасываете звонок, будильник спрыгивает на пол, снова начинает звенеть, убегает от вас. К тому времени, когда вы поймаете и отключите его, вы уже полностью проснетесь.]

Этот пример прекрасно иллюстрирует два аспекта обязательств и их достоверности: что и как. «Что» — это научный аспект, или аспект теории игр: использовать преимущество первого хода. «Как» — практический аспект, или искусство: придумать способы, которые помогут вам предпринять достоверные стратегические ходы в той или иной ситуации.

Техническую или научную сторону обязательства вставать по звонку будильника можно проиллюстрировать с помощью древовидных диаграмм, о которых шла речь в главе 2. В исходном варианте игры, в котором вечернее «я» не предпринимает никаких действий, дерево игры выглядит очень просто:



Утреннее «я» остается в постели и получает свой максимальный выигрыш (которому мы присвоили 10 баллов), оставив вечернему «я» минимальный выигрыш (который мы установили в размере 0 баллов). Конкретное число баллов здесь не имеет особого значения — важно только то, что для каждого варианта «я» приоритетному варианту присваивается больше баллов, чем менее приоритетному. Вечернее «я» может изменить ход игры следующим образом:



Теперь размер выигрыша имеет значение и требует дополнительных объяснений. Верхняя основная ветка дерева, отображающая ситуацию, когда вечернее «я» не включает будильник, выглядит так же, как и предыдущее дерево. В нижней основной ветке мы предположили, что вечернее «я» понесет небольшие затраты, если включит будильник (мы оценили эти затраты в 2 балла). Следовательно, если утреннее «я» отреагирует на звонок будильника и поднимется с постели, вечернее «я» получит 8 баллов вместо 10 в исходном варианте игры. Но если утреннее «я» проигнорирует звонок будильника, вечернее «я» получит -2 балла, поскольку затраты на включение будильника оказались напрасными. Утреннее «я» понесет затраты в связи с тем раздражением, которое оно испытает, услышав звонок будильника; эти затраты составят всего 1 балл, если утреннее «я» быстро поднимется и выключит будильник, и целых 15 баллов, если оно останется в кровати, а будильник будет продолжать звенеть, превратив удовольствие от пребывания в постели (10 баллов) в убыток -5 баллов (= 10 - 15). Если будильник включен, утреннее «я» выберет -1 балл вместо -5 баллов и поднимется с постели. Вечернее «я» предусмотрит эту возможность и решит, что включение будильника даст ему в итоге 8 баллов, что лучше 0, которые оно получило бы в исходной игре. [Если бы затраты на выполнение того или иного действия были слишком высокими (например, если бы вечернее «я» включило поджигающее устройство с таймером, которое разожгло бы в постели пожар, чтобы выгнать из нее утреннее «я»), вечернему «я» было бы невыгодно брать на себя такое обязательство.] Следовательно, равновесная стратегия, полученная методом обратных рассуждений, выглядела бы так: утреннее «я» поднимается с постели, если будильник включен, а вечернее «я» включает будильник. Более неожиданный аспект обязательства можно увидеть, представив эту игру в виде таблицы, а не в виде дерева игры.

		Утреннее «я»	
		Остаться в постели	Подняться с постели
Вечернее «я»	Будильник выключен	0, 10	10, 0
	Будильник включен	-2, -5	8, -1

В таблице показано, что по каждой конкретной стратегии утреннего «я» выигрыш вечернего «я» от включения будильника меньше, чем в случае, если будильник не будет включен: -2 меньше 0, а 8 меньше 10. Следовательно, для вечернего «я» стратегия «будильник включен» доминируемая по отношению к стратегии «будильник выключен». Тем не менее вечернее «я» предпочитает взять на себя обязательство и включить будильник!

Разве возможна хоть какая-то польза от выбора доминируемой стратегии и отказа от доминирующей? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более глубоко проанализировать концепцию

доминирования. Стратегия «будильник выключен» доминирующая по отношению к стратегии «будильник включен» с точки зрения вечернего «я», поскольку по каждой конкретной стратегии утреннего «я» стратегия «будильник выключен» обеспечивает вечернему «я» более крупный выигрыш, чем стратегия «будильник включен». Если утреннее «я» выберет стратегию «остаться в постели», вечернее «я» получит 0 баллов при выключенном будильнике и -2 балла при включенном будильнике; если утреннее «я» выберет стратегию «подняться с постели», вечернее «я» получит 10 баллов при выключенном будильнике и 8 баллов при включенном будильнике. Если ходы в игре делаются одновременно или если вечернее «я» делает свой ход вторым, оно не сможет повлиять на выбор утреннего «я» и ему придется принять этот выбор как должное. Но ведь цель стратегического хода состоит именно в том, чтобы изменить выбор другого игрока, а не воспринимать его как должное. Если вечернее «я» выберет стратегию «будильник включен», утреннее «я» решит подняться с постели и вечернее «я» получит выигрыш 8 баллов; если вечернее «я» выберет стратегию «будильник выключен», утреннее «я» решит остаться в постели и вечернее «я» получит выигрыш 0 баллов — а 8 баллов больше, чем 0. В таком случае выигрыши 10 и -2 балла даже не стоит анализировать и сравнивать с выигрышами 8 и 0 баллов соответственно. Следовательно, в игре с последовательными ходами концепция доминирования утрачивает свою значимость для игрока, делающего первый ход. Из примеров, приведенных в этой главе, вы поймете, о чем идет речь, без построения таких деревьев или таблиц, поэтому в большинстве случаев будем описывать соответствующие рассуждения только с помощью слов. Но при желании вы можете углубить понимание самой игры и метода дерева игры, построив деревья игры для соответствующих примеров.

Угрозы и обещания

Обязательство — это безусловный стратегический ход (как говорится в рекламе *Nike*, «просто сделай это»), который другие игроки вынуждены принять как должное. Вечернее «я» просто включает будильник, ставит его на комод и выставляет таймер на кофеварке. Вечернее «я» больше не может ничего предпринять; можно даже сказать, что к утру оно прекращает свое существование. Утреннее «я» — это ведомый игрок, поскольку оно делает свой ход вторым. Подняться с постели — его оптимальный (или лучший из худших) ответный ход на взятое вечерним «я» обязательство.

С другой стороны, угрозы и обещания — более сложные условные ходы, которые требуют, чтобы вы заранее установили правило ответной реакции, определяющее ваши действия в ответ на ход другого игрока в реальной игре. Угроза — это правило ответной реакции, которое подразумевает наказание других игроков за то, что их действия не отвечают вашим ожиданиям.

Правило ответной реакции предписывает, как вы реагируете на ходы других игроков. Даже если в реальной игре вы выступаете в качестве игрока, делающего второй ход, правило ответной реакции должно быть введено до того, как другие игроки сделают свои ходы. Если мама говорит ребенку: «Никакого десерта, пока не съешь шпинат», — тем самым она устанавливает такое правило ответной реакции. Разумеется, это правило необходимо ввести и четко объяснить ребенку еще до того, как он отдаст свой шпинат собаке.

Из этого следует, что такие ходы потребуют от вас более сложных методов изменения хода игры. В деле введения правила ответной реакции и доведения этого правила до сведения других игроков необходимо присвоить себе статус игрока, делающего первый ход. Вы должны обеспечить достоверность этого правила, иными словами — заставить других игроков поверить в то, что, если и когда наступит время предпринять заявленные ответные действия, вы непременно сделаете это. Возможно, для этого вам понадобится несколько изменить ход игры, чтобы вы смогли убедиться в правильности такого выбора в соответствующей ситуации. Но на следующем этапе игры вы снова должны стать игроком, делающим второй ход, с тем чтобы у вас появилась возможность отреагировать на выбор другого игрока. Для этого вам может понадобиться изменить порядок ходов в игре, а это создает дополнительные трудности с реализацией стратегического хода.

Для того чтобы проиллюстрировать эти идеи, воспользуемся примером с ценовой войной между компаниями посылочной торговли *B. B. Lean* и *Rainbow's End*, о которых шла речь в главах 3 и 4 в контексте игр с параллельными ходами. Эти компании конкурируют друг с другом на рынке сбыта конкретного продукта — рубашек из высококачественной ткани шамбре. Давайте вспомним основные моменты этой ситуации. Обе компании заинтересованы в том, чтобы договориться и назначить на этот продукт монопольную цену — 80 долларов за одну рубашку. В таком случае каждая получит прибыль в размере 72 тысячи долларов. Однако для каждой компании существует соблазн назначить меньшую цену, чем у конкурента, и если они обе сделают это, то согласно равновесию Нэша, каждая назначит на свой продукт цену всего 40 долларов и зарабатывает только 40 тысяч долларов прибыли. Это их дилемма заключенных, или игра, в которой проигрывают все: если каждая компания поддастся соблазну заработать больше прибыли для себя, в убытке окажутся обе.

Теперь посмотрим, могут ли стратегические ходы решить эту дилемму. Обязательства одной из компаний не снижать цену недостаточно: другая просто использует это с выгодой для себя в ущерб первой компании. А как насчет условных ходов? Компания *Rainbow's End* могла бы прибегнуть к угрозе («Если вы назначите низкую цену, мы тоже сделаем это») или к обещанию («Если вы сохраните цену на монопольном уровне, мы тоже сделаем это»). Но если в реальной игре с выбором цен для

публикации в каталоге ходы делаются одновременно в том смысле, что ни одна компания не увидит каталог конкурента до того, как отдаст свой каталог в печать, как компания *Rainbow's End* вообще сможет отреагировать на ход *B. B. Lean*? Ей придется изменить ход игры, с тем чтобы получить возможность выбирать цену уже после того, как станет известна цена другой компании.

В таком случае чаще всего используется оговорка о продаже продукции по цене не выше, чем у конкурентов. Компания *Rainbow's End* печатает в своем каталоге цену 80 долларов, но с таким примечанием: «Мы продадим этот товар по любой более низкой цене, назначенной любым конкурентом». При таком подходе каталоги печатаются и рассылаются одновременно, но если в *B. B. Lean* пошли на обман и напечатали в своем каталоге цену меньше 80 долларов, вплоть до цены равновесия Нэша — 40 долларов, тогда *Rainbow's End* автоматически снизит свою цену до такого же уровня. Покупателю, который отдает предпочтение или лоялен по отношению к *Rainbow's End*, нет необходимости переходить к *B. B. Lean*: он может просто заказать нужный ему продукт у *Rainbow's End*, как и всегда, и заплатить за него ту цену, которая указана в каталоге *B. B. Lean*.

Мы еще вернемся к этому примеру для того, чтобы проиллюстрировать другие аспекты стратегических ходов. А пока просто запомните, что у данной ситуации есть два разных аспекта: научный аспект, или «что» (угроза адекватно отреагировать на снижение цены), и аспект искусства, или «как» (оговорка о продаже продукции по цене не выше, чем у конкурента, которая делает угрозу осуществимой и достоверной).

Сдерживание и принуждение

Угрозы и обещания имеют ту же задачу, что обязательства: заставить других игроков сделать то, чего они не сделали бы в противном случае. В случае угроз и обещаний целесообразно разбить их общую задачу на две категории. Если вы хотите помешать другим игрокам сделать то, что они сделали бы в противном случае, речь идет о сдерживании. Противоположный вариант — заставить других игроков сделать то, чего они в противном случае не сделали бы, — можно назвать принуждением.

Если грабитель банка держит в заложниках сотрудников, заявляя при этом, что убьет их, если его требования не будут выполнены, он высказывает принуждающую угрозу. Когда во время холодной войны Соединенные Штаты Америки угрожали применить ядерное оружие в случае, если Советский Союз нападет на любую из стран НАТО, это была сдерживающая угроза. Этим двум типам угроз свойственна одна общая черта: обе стороны понесут дополнительные расходы, если угрозу придется привести в действие. Грабитель банка получит более строгое наказание, если его поймают и к ограблению банка добавится еще и убийство; США понесут ужасные потери в ядерной войне, тогда как можно было бы постараться наладить контакты с Европой, оказавшейся под властью Советского Союза. Обещания тоже бывают принуждающими или сдерживающими. Принуждающее обещание направлено на то, чтобы добиться от кого-то благоприятных для вас действий. Например, обвинитель, которому нужен свидетель, для того чтобы укрепить свои позиции на суде, обещает одному из обвиняемых более мягкий приговор, если тот согласится свидетельствовать против других обвиняемых по тому же делу. Принуждающее обещание ставит целью помешать кому-то совершить действия, противоречащие вашим интересам, — как в случае, когда преступники обещают своему сообщнику защитить его, если он будет молчать. Как и два типа угроз, два типа обещаний имеют общую черту. После того как другой игрок согласился пойти навстречу пожеланиям того, кто дал ему обещание, давшему обещание игроку нет нужды отдавать обещанную награду, поэтому у него появляется соблазн нарушить обещание. Следовательно, после того как главари банды будут оправданы за отсутствием доказательств, они все равно могут убить своего сообщника во избежание будущих проблем или шантажа.

Краткий обзор новых концепций

В предыдущей части главы мы познакомили вас со множеством новых концепций. Для того чтобы помочь вам запомнить их, а также при необходимости быстро найти их краткий обзор предлагаем следующую диаграмму :



В таблице представлено краткое описание того, как угрозы и обещания позволят добиться каждой из двух целей: сдерживания и принуждения. Это описание сформулировано в виде высказанных накануне игры заявлений того игрока, который делает стратегические ходы.

	Сдерживание	Принуждение
Угроза	<p>...сделай то, что я не хочу, чтобы ты делал</p> <p>...и я в ответ на это сделаю то, что принесет вред тебе (а также мне самому)</p>	<p>...не делай того, что я не хочу, чтобы ты делал</p>
Обещание	<p>...не делай того, что я не хочу, чтобы ты делал</p> <p>...и я в ответ на это сделаю то, что принесет тебе пользу (а также обойдется дорого мне самому)</p>	<p>...сделай то, что я хочу, чтобы ты делал</p>

Предупреждения и заверения

У всех угроз и обещаний есть общая черта: правило ответной реакции требует от вас совершения действий, которых вы не совершили бы, если бы этого правила не было.

Если вместо этого правило просто гласило бы, что вы сделаете то, что лучше всего на данный момент, это было бы равносильно отсутствию правила: ожидания других игроков в отношении ваших будущих действий не изменились бы, а значит, не изменились бы и их действия. Тем не менее заявление о том, что произойдет даже без каких-либо правил, носит информативный характер; такие заявления и называются предупреждениями и заверениями. Если вы заинтересованы в том, чтобы выполнить свою угрозу, мы называем это предупреждением. Например, если президент США предупреждает, что он наложит вето на закон, который он не одобряет, это просто обозначает его намерения. Угроза прослеживалась бы в случае, если бы он был готов подписать закон, но из стратегических соображений взял на себя обязательство наложить на него вето, для того чтобы заставить Конгресс предложить более подходящий вариант.

Для того чтобы проиллюстрировать это в контексте бизнеса, нужно понять, что представляет собой намерение *B. B. Lean* пойти на такое же снижение цен, которое предпримут в *Rainbow's End*, — угрозу или предупреждение. В главе 4 мы рассмотрели оптимальный ответный ход *B. B. Lean* на различные цены, которые может назначить на свой продукт *Rainbow's End*. Мы пришли к выводу, что оптимальная для *B. B. Lean* цена находится в диапазоне от 0 до той цены, которую назначит *Rainbow's End*. Если *B. B. Lean* поставит свою цену неизменной, тогда как *Rainbow's End* снизит цену, тогда *B. B. Lean* потеряет слишком много своих покупателей, которые начнут покупать товары у *Rainbow's End*. Но если *B. B. Lean* начнет снижать свою цену ровно на столько, на сколько это делает *Rainbow's End*, это приведет к чрезмерному сокращению прибыли компании. В нашем примере компания *B. B. Lean* нашла

оптимальное равновесие между этими двумя вариантами: снижать цену на свой продукт по 40 центов на каждый доллар снижения цены в *Rainbow's End*.

Однако если в *B. B. Lean* хотят пригрозить *Rainbow's End*, что помешают этой компании инициировать любое снижение цены, для этого может понадобиться более весомый ответный ход, чем 40 центов на доллар, — оптимальная реакция в ответ на реальное снижение цены в *Rainbow's End*. Возможно, *B. B. Lean* придется пригрозить *Rainbow's End* сверхагрессивным ответным снижением цены даже больше, чем на каждый доллар.

B. B. Lean может сделать это, напечатав в своем каталоге оговорку о продаже продукции по цене ниже, чем у конкурента. В нашей терминологии такие методы представляют собой настоящую угрозу. *B. B. Lean* эта угроза обойдется очень дорого, если в *Rainbow's End* решат проверить, действительно ли их конкурент готов предпринять такие действия. Компания *B. B. Lean* может сделать свою угрозу достоверной, напечатав в каталоге информацию о своей стратегии, чтобы покупатели могли положиться на нее как на закон, от выполнения которого *B. B. Lean* уже не сможет уклониться. Если бы в *B. B. Lean* заявили в своем каталоге: «На каждый доллар снижения *Rainbow's End* своей цены ниже 80 долларов мы будем снижать свою цену на 40 центов меньше указанной в нашем каталоге цены 80 долларов», — это было бы просто предупреждением в адрес *Rainbow's End*. Если бы в *Rainbow's End* захотели проверить, действительно ли их конкурент сделает это, *B. B. Lean* все-таки пришлось бы выполнить то, о чем заявлено в каталоге.

Если вы заинтересованы в том, чтобы сдержать свое обещание, мы называем это заверением. Устанавливая цену на рубашку, в *B. B. Lean* могут втайне стремиться к тому, чтобы поставить *Rainbow's End* в известность: если компания будет придерживаться выгодной для обеих сторон цены 80 долларов, то же самое сделает и *B. B. Lean*. Следовательно, это поистине стратегический ход, а именно обещание. Если бы эта игра носила повторяющийся характер, продолжительное сотрудничество между компаниями привело бы к созданию равновесия, как мы видели в главе 3. В таком случае заявление *B. B. Lean* было бы заверением, имеющим своей целью только проинформировать *Rainbow's End* о том, что в *B. B. Lean* понимают характер повторяющейся игры, а также как эта игра позволит им решить дилемму заключенных.

Хотелось бы подчеркнуть еще раз: угрозы и обещания — это действительно стратегические ходы, тогда как предупреждения и заверения носят скорее информационный характер. Предупреждения и заверения не меняют ваше правило ответной реакции, для того чтобы воздействовать на других игроков. Вы просто информируете их о том, как вам придется поступить в ответ на их действия. Напротив, единственная цель угроз и обещаний — изменить ответные действия, которые вы вынуждены будете предпринять в нужный момент, отклонившись от оптимальной стратегии, причем цель в данном случае — не информировать, а манипулировать.

Поскольку угрозы и обещания подразумевают, что вам придется действовать вопреки своим интересам, их достоверность становится основной проблемой. После того как другие игроки сделают свои ходы, вы будете заинтересованы в том, чтобы нарушить обещание или отказаться от угрозы. Для того чтобы гарантировать достоверность угроз и обещаний, необходимо внести в игру еще какие-то изменения. Без такой достоверности угрозы и обещания останутся пустыми словами, которые никак не повлияют на других игроков. Если дети знают, что их родители любят дарить им игрушки, угроза отнять у них игрушки воздействует на них только в случае, если родители уже предприняли какие-то действия, чтобы сделать угрозу достоверной.

Следовательно, стратегические ходы состоят из двух элементов: запланированный курс действий и сопутствующие действия, которые делают этот курс достоверным. Мы постараемся дать вам более полное представление об этих двух аспектах стратегических ходов. В оставшейся части главы мы сфокусируем внимание на первом аспекте, или на том, что необходимо сделать для того, чтобы применить угрозы и обещания. Считайте это меню возможных ходов. В следующей главе рассмотрим рецепты достоверности — иными словами, как сделать угрозы и обещания правдоподобными, а значит, эффективными.

Стратегические ходы других игроков

Вполне естественно размышлять о том, какие преимущества вам обеспечат стратегические ходы, однако следует подумать и о том, как скажутся на вас такие ходы, предпринятые другими игроками. В некоторых случаях вы можете даже извлечь для себя пользу, отказавшись от возможности сделать такой ход и намеренно позволив сделать это кому-то другому. Вот три логические возможности такого рода:

— Вы можете позволить другому игроку сделать безусловный ход до того, как предпримете ответный ход.

— Вы можете подождать, пока вам предъявят угрозу, прежде чем предпринимать какие бы то ни было действия.

— Вы можете подождать, пока вам дадут обещание, прежде чем предпринимать какие бы то ни было действия.

Мы уже рассматривали примеры, когда игрок, который мог бы сделать первый ход, добивается большего результата, отказавшись от этой возможности и позволив другой стороне сделать

безусловный ход. Это касается любых случаев, когда лучше быть вторым, а не первым, как, например, в истории о парусных гонках на Кубок «Америки» (глава 1) или в примере с азартными играми во время майского бала в Кембриджском университете (глава 14). В общем, если в игре с последовательными ходами есть преимущество второго хода, вам выгоднее устроить все так, чтобы другой игрок был вынужден сделать первый ход, тем самым взяв на себя безусловное обязательство. Хотя уступить инициативу действительно может быть выгодно, это не общее правило. В некоторых случаях ваша задача заключается в том, чтобы помешать сопернику взять на себя безусловное обязательство. Именно такая мотивация лежит в основе совета китайского военного стратега Сунь Цзы оставлять врагу путь к отступлению — это необходимо для того, чтобы помешать ему взять на себя обязательство сражаться до конца.

Позволить кому-то угрожать вам не будет выгодно никогда. Вы всегда можете сделать то, что от вас требуется, без каких бы то ни было угроз. Тот факт, что другие игроки могут поставить вас в затруднительное положение, если вы не пойдете на сотрудничество, никак не может помочь вам, поскольку это ограничивает ваши возможности. Но это утверждение относится только к угрозам. Если другая сторона вам что-то пообещает, это может пойти на пользу обоим. Простой пример — дилемма заключенных, в которой обоим игрокам выгодно, чтобы один из них дал достоверное обещание молчать. Обратите внимание: это должен быть условный ход, обещание, а не безусловное обязательство. Если бы другому игроку предстояло взять на себя обязательство молчать, вы просто воспользовались бы этим с выгодой для себя, поэтому он, зная об этом, не стал бы делать такой ход.

Сходства и различия между угрозами и обещаниями

Различия между угрозами и обещаниями порой весьма расплывчаты. Однажды нашего друга ограбили в Нью-Йорке, дав ему такое обещание: «Если “одолжишь” мне 20 долларов, обещаю, что не причиню тебе вреда». Однако более значимой была скрытая угроза грабителя, состоявшая в том, что, если наш друг не даст ему деньги, он пострадает.

Эта история показывает, что различие между угрозой и обещанием зависит только от того, что для вас означает статус-кво. Обычный уличный грабитель угрожает вам навредить, если вы не дадите ему денег. Если вы действительно не отдаете деньги, он начинает причинять вам боль, меняя статус-кво, и обещает прекратить, как только вы отдадите деньги. Принуждающая угроза — то же самое, что и сдерживающее обещание, но с изменением существующего положения вещей. Точно так же сдерживающую угрозу и принуждающее обещание отличает только их статус-кво.

Так что целесообразно использовать: угрозы или обещания? Ответ на этот вопрос зависит от двух факторов. Первый — это цена. Угроза может обойтись вам не так дорого; в действительности в случае успеха она может ничего вам не стоить. Если угроза меняет поведение другого игрока так, как вам нужно, нет необходимости осуществлять угрозу, что могло бы обойтись вам довольно дорого. Успешное обещание должно быть выполнено: если другой игрок делает то, что вам от него нужно, вам придется сделать то, что вы ему обещали, хотя это и потребует от вас определенных затрат. Если бы компания могла пригрозить своим сотрудникам серьезными последствиями в случае, если они не обеспечат самую высокую результативность работы, это дало бы ей возможность сэкономить много денег, которые обычно уходят на выполнение обещаний о выплате поощрительных премий. Сталин, например, использовал кнут вместо пряника (угрозу ссылки в сибирский ГУЛаг вместо обещаний о повышении заработной платы или улучшения условий жизни), для того чтобы добиться высокой производительности труда от советских рабочих. Однако его система не принесла желаемых результатов из-за того, что методы оценки эффективности работы были некорректными, деспотичными и коррупционными. Мы вернемся к этой теме в следующем разделе.

Второй фактор, который необходимо учитывать в процессе выбора между угрозой и обещанием, — какая именно цель при этом преследуется: сдерживание или принуждение. У этих двух аспектов разные временные рамки. Сдерживание не всегда ограничено предельным сроком; оно подразумевает, что один игрок просто говорит другому не делать так-то и так-то, и убедительно доводит до его сведения, какие негативные последствия его ждут в случае, если он предпримет запрещенные действия. Так, Соединенные Штаты заявили Советскому Союзу: «Не оккупируйте Западную Европу», а Бог сказал Адаму и Еве: «Не ешьте яблоко». [Если высказавший угрозу передумает, он всегда может снять ее. Так, если бы Соединенным Штатам в конце концов надоели выходки де Голля, там могли бы просто намекнуть Советскому Союзу, что теперь можно оккупировать Францию.] Следовательно, сдерживание легче и проще обеспечить с помощью угрозы. Вы ставите мину с растяжкой, а другая сторона пусть решает, приводить ли в действие ее спусковой механизм.

Напротив, в случае принуждения должен быть установлен крайний срок. Когда мама говорит ребенку: «Сделай уборку в своей комнате», — при этом необходимо прибавить: «...сегодня до пяти часов вечера». В противном случае ребенок начнет откладывать эту работу на потом: «У меня сегодня тренировка по футболу; я сделаю это завтра», а когда наступит завтра, появятся другие более срочные дела. Если даже мама пригрозила какими-либо внушительными последствиями, она не станет наказывать ребенка за небольшое промедление. В итоге ребенок может постепенно, «с ой за слоём» свести эту угрозу на нет — Томас Шеллинг называл это тактикой салями.

Следовательно, сдерживание в большинстве случаев легче обеспечить с помощью создания стимула, который заставит другого игрока не оттягивать выполнение требуемых действий. Это означает, что чем раньше он сделает то, что вам нужно, тем большее вознаграждение или меньшее наказание получит. Это и есть обещание. Мама говорит: «Ты получишь особое угощение на десерт, когда уберешь в своей комнате», а уличный грабитель говорит: «Я уберу нож от твоего горла, как только ты отдашь мне свои деньги».

Четкость и определенность

Предъявляя угрозу или давая обещание, необходимо четко объяснить другому игроку, какие действия повлекут за собой то или иное наказание (или вознаграждение). В противном случае у другого игрока может сформироваться ошибочное представление о том, что запрещено, а что приветствуется, и он может неправильно рассчитать последствия своих действий. Тот кнут, которым Сталин пытался «стимулировать» советских рабочих, оказался неэффективным именно из-за этого серьезного упущения. Система мониторинга была деспотичной и коррупционной, поэтому рабочий подвергался почти одинаковому риску попасть в Сибирь и в случае, если работал не покладая рук, и если ничего не делал. Так зачем же тогда работать?

Однако подобная четкость не должна сводиться к простому выбору «или — или». В действительности такая жесткая альтернатива может оказаться плохой стратегией. Соединенные Штаты Америки стремились удержать Советский Союз от оккупации Западной Европы. Однако угрожать тотальной ядерной войной в случае малейшего нарушения договоренностей (например, когда несколько солдат сбились с пути и перешли границу) было бы слишком рискованно. Когда компания обещает своим сотрудникам вознаграждение за повышение производительности, постепенно увеличивать размер бонусов по мере увеличения объема производства или повышения прибыли было бы более эффективным, чем не давать сотрудникам никакого вознаграждения, если эффективность их работы не превысит установленный уровень, и выплачивать очень большие бонусы при превышении этого уровня.

Для того чтобы угрозы или обещания обеспечивали нужный результат, необходимо, чтобы другой игрок поверил в них. Четкость без определенности не справится с этой задачей. Определенность угроз и обещаний не означает полного отсутствия риска. Когда компания предлагает своим топ-менеджерам бонусы в виде акций, ценность обещанного вознаграждения носит неопределенный характер и зависит от многих факторов, которые влияют на состояние рынка и неподвластны контролю со стороны менеджера. Однако менеджеру все равно необходимо сообщить, сколько акций он получит в зависимости от эффективности его работы, которая оценивается на основании определенного показателя.

Определенность не подразумевает также, что все произойдет сразу же. Угрозы и обещания, которые осуществляются поэтапно, особенно эффективны в борьбе с тактикой салями. Когда мы принимаем экзамены у студентов, некоторые из них неизменно пытаются продолжать писать даже тогда, когда время истекло, рассчитывая получить еще несколько баллов. Дайте им дополнительную минуту — они будут писать еще; дайте им еще минуту — и эта минута превратится в пять минут, и так далее. Столь жесткое наказание, как отказ принять экзаменационную работу через две или три минуты после истечения времени, было бы достоверной угрозой, но эта достоверность была бы на порядок выше, если ввести дифференцированную систему штрафов в размере нескольких баллов за каждую минуту промедления.

Крупные угрозы

Если угроза возымела нужный эффект, ее даже не придется осуществлять на практике. Угроза может быть сопряжена с большими затратами с вашей стороны, но поскольку вам не придется ничего делать, цена не имеет значения. Так почему бы не использовать очень серьезную угрозу, которая действительно напугает другого игрока так, что тот пойдет навстречу вашим пожеланиям? Вместо того чтобы вежливо попросить соседа по столику в ресторане передать вам соль, почему бы не пригрозить ему: «Если не передашь мне соль, я стукну тебя по голове?» Вместо того чтобы терпеливо вести переговоры со странами — партнерами по торговле, почему бы США не пригрозить этим странам, что, если они не будут покупать больше нашей говядины, пшеницы или апельсинов, мы нанесем по ним ядерный удар?

Очевидно, что это очень плохая идея: в данном случае угрозы слишком серьезные, чтобы к ним действительно можно было прибегнуть или в них поверить. Отчасти потому, что такие угрозы вызвали бы у людей страх и отвращение, поскольку они нарушают принятые в обществе нормы поведения. Кроме того, предположение о том, что вам не придется осуществлять свои угрозы на практике, не на 100 процентов достоверно. Представьте себе, что будет, если кто-то пойдет не так. Ваш сосед по столику в ресторане может оказаться несговорчивым типом, который выходит из себя при любых признаках агрессии, или «крутым парнем», который с удовольствием использует любую возможность для драки. Если такой человек откажется подчиниться, вам придется осуществить свою угрозу, в противном случае вы попадете в унижительное положение и потеряете репутацию. Те же соображения применимы и к Соединенным Штатам, если они попытаются пригрозить другой стране жесткими военными действиями в случае экономического спора. Даже малейший риск ошибок, которые могут

повлечь за собой такие огромные потери, — вполне убедительный аргумент в пользу сдерживания угроз на минимальном уровне, достаточном для того, чтобы обеспечить их эффективность. Во многих случаях вы просто не знаете, каким должен быть размер угрозы, для того чтобы она могла сдержать или принудить вашего соперника к тому, чего вы от него добиваетесь. Вот поэтому необходимо использовать как можно более мелкие угрозы, для того чтобы свести к минимуму свои затраты, если что-то пойдет не так и вам придется свою угрозу осуществить. Такой подход позволит начать с малого и постепенно увеличивать размер угрозы. Это и есть тонкая стратегия балансирования на грани.

Балансирование на грани

В книге и в фильме «Секреты Лос-Анджелеса» «хороший коп» Эд Эксли допрашивает подозреваемого Лероя Фонтейна, когда в кабинет врывается вспыльчивый коп Бад Уайт:

В этот миг с грохотом распаивается дверь. В комнату влетает Бад Уайт, хватается за Фонтейна, швыряет о стену. Эд застывает на месте.

Уайт выхватывает свой 38-й, крутит барабан, высыпает на пол патроны. Фонтейн дрожит крупной дрожью; Эд не может шевельнуться. Оставив одну пулю, Уайт захлопывает барабан и сует дуло револьвера Фонтейну меж зубов.

— Один из шести. Где женщина?

Фонтейн трясется и молчит. Бад дважды щелкает курком — выстрела нет. Фонтейн начинает сползать на пол. Бад убирает револьвер, хватается за волосы.

— Где женщина?

Эд все не может двинуться с места. Бад снова хватается за револьвер, щелкает еще раз — снова пусто. Фонтейн, с безумными глазами:

— С-с-ильвестр Ф-фитч, один-ноль-девять, Авалон, серый дом на углу, только, пожалуйста, не убивайте меня, не надо, не...

Уайт вылетает за дверь.

Очевидно, что Уайт угрожает Фонтейну с целью принудить его раскрыть информацию. Но в чем именно состоит эта угроза? Это не просто слова: «Если ты мне все не расскажешь, я тебя убью». Это нечто другое: «Если ты не все не расскажешь, я спущу курок. Если пуля попадет в зарядную камеру, ты умрешь». Это создает риск того, что Фонтейн будет убит. Каждый раз, когда Уайт повторяет свою угрозу, этот риск увеличивается.

В конце концов, когда остался один шанс из трех, Фонтейн счел риск слишком высоким и раскрыл информацию. Но в этой ситуации были и другие возможности: Уайт мог бы испугаться, что информация умрет вместе с Фонтейном, посчитать этот риск слишком высоким, отступить и попытаться предпринять что-нибудь другое. Могло произойти и то, чего боялись оба: пуля попала бы в зарядную камеру, что привело бы к гибели Фонтейна.

Аналогичная ситуация складывается в фильме *The Gods Must Be Crazy* («Наверное, боги сошли с ума»). Совершенно неудачное покушение на жизнь президента одной из африканских стран. Охрана президента поймала одного из покушавшихся и допрашивает его, пытаясь получить информацию о других членах группы. Задержанный стоит в вертолете с завязанными глазами, спиной к открытой двери, в то время как винты вертолета шумно рассекают воздух. Стоящий напротив офицер спрашивает: «Кто твой командир? Где ваше убежище?» Никакого ответа. Офицер вытаскивает задержанного за дверь вертолета. В следующем кадре мы видим, что на самом деле вертолет парит всего в нескольких сантиметрах от поверхности, а тот человек упал на спину. В двери появляется смеющийся офицер, который говорит ему: «В следующий раз будет немного выше». Испуганный человек выдает информацию.

В чем заключается цель угроз об увеличении риска? В предыдущем разделе мы говорили о том, что целесообразно поддерживать угрозы на минимально допустимом уровне, обеспечивающем требуемый эффект. Но вы не всегда знаете заранее, каким именно должен быть минимальный эффективный размер угрозы. Именно поэтому имеет смысл начать с малого и постепенно увеличивать размер угрозы до тех пор, пока не станет понятно, когда она даст нужный результат. По мере того как увеличивается размер угрозы, растет и величина затрат, которых потребует ее осуществление. В приведенных примерах увеличить размер угрозы можно, повышая степень риска негативных последствий. В таком случае человек, который предъявляет угрозу, и человек, в адрес которого она направлена, ведут друг с другом игру на определение готовности друг друга пойти на такие затраты или на такой риск. Вероятность один из четырех, что Фонтейн будет убит, — это слишком много для Фонтейна или для Уайта? Если нет, необходимо попробовать один из трех. Они продолжают это прямое противостояние до тех пор, пока один из них не дрогнет или пока не произойдет то, чего оба боятся.

Томас Шеллинг назвал эту стратегию балансированием на грани. Смысл этого термина часто интерпретируют так: подвести соперника к краю пропасти, чтобы заставить его дрогнуть первым. Стоя на краю, вы угрожаете сопернику, что сбросите его в пропасть, если он не согласится пойти навстречу вашим пожеланиям. Разумеется, он увлечет вас за собой. По мнению Шеллинга, именно поэтому явная угроза хладнокровно столкнуть соперника с края пропасти совершенно неубедительна. Если край пропасти четко обозначен, и есть надежная точка опоры без сыпучих камней под ногами; если нет

резких порывов ветра, которые могут налететь совершенно неожиданно; если каждый, кто подошел к краю пропасти, полностью владеет собой и не испытывает головокружения, ни один из соперников не может подвергнуть риску другого, приблизившись к краю пропасти. Хотя любой из них может намеренно спрыгнуть, он не может достаточно достоверно создать впечатление, что вот-вот сделает это. Любая попытка запугать или поколебать решимость соперника зависит от угрозы поскользнуться или споткнуться. Достоверно угрожать случайным падением с края пропасти можно, только стоя у этого края.

Сдерживание необходимо рассматривать только во взаимосвязи с такой неопределенностью. Ответный ход, который содержит определенный риск войны (в связи с нагромождением действий и ответных действий, расчетов и ошибок в расчетах, сигналов тревоги и ложной тревоги), может быть оправданным и даже целесообразным в случае, если окончательное решение о развязывании всеобщей войны неоправданно или нецелесообразно.

Кубинский ракетный кризис 1962 года стал, пожалуй, самым известным примером балансирования на грани. Советский Союз под руководством своего эксцентричного лидера Никиты Хрущева начал размещать ядерные ракеты на Кубе, в 150 километрах от американского материка. 14 октября американские самолеты-разведчики сфотографировали ряд строящихся позиций для ракет. Через неделю напряженных дискуссий с членами своей администрации президент Джон Кеннеди объявил о введении морской блокады Кубы. Если бы Советский Союз принял вызов, этот кризис мог бы перерасти в ядерную войну между сверхдержавами. Сам Кеннеди оценивал вероятность такого развития событий как «от одного шанса из трех до одного из семи». Однако когда после нескольких тревожных дней публичного позерства и тайных переговоров Хрущев заглянул за край ядерной пропасти, ему не понравилось то, что он там увидел, и он отступил. Хрущев пошел на компромисс, позволивший ему спасти свою репутацию: в обмен на вывод ракет США из Турции он приказал демонтировать советские ракеты и вывезти их с территории Кубы.

Но где именно был край пропасти в кубинском ракетном кризисе? Например, если бы Советский Союз попытался нарушить блокаду, США вряд ли запустили бы свои стратегические ракеты сразу же. Но это еще больше накалило бы ситуацию и риск Армагеддона существенно повысился бы.

У военных есть термин «туман войны», который обозначает ситуацию, когда обе стороны действуют в условиях разорванных линий связи, отдельных проявлений страха или героизма и всеобщей неопределенности. Происходит слишком много разных непредвиденных событий, чтобы можно было удержать ситуацию под контролем. Именно с этой целью и создается определенный риск. Даже президенту трудно было контролировать действие морской блокады Кубы после ее введения. Кеннеди попытался сократить зону блокады с 800 морских миль (1481 км) до 500 (926 км) от берегов Кубы, для того чтобы дать Хрущеву больше времени. Тем не менее досмотр первого же корабля (им оказался ливанский грузовой корабль *Marcia*, зафрахтованный Советским Союзом) показал, что граница зоны блокады так и не была сдвинута.

Ключ к пониманию балансирования на грани состоит в осознании того, что эта грань представляет собой не крутой обрыв, а скользкий склон, который постепенно становится все более крутым. Кеннеди немного подтолкнул мир вниз по этому слону; Хрущев не рискнул идти дальше, после чего оба решили вернуться назад, на безопасную позицию. [Безусловно, было бы ошибкой считать, что кубинский ракетный кризис — это игра с участием только двух игроков, Кеннеди и Хрущева. С обеих сторон шла и другая игра — игра во внутреннюю политику, в рамках которой представители гражданских и военных властей спорили между собой и друг с другом. В своей книге «Сущность решения» Грэм Аллисон приводит убедительные доводы в пользу того, что кубинский кризис следует рассматривать именно как сложную игру с участием многих сторон.]

Суть балансирования на грани заключается в умышленном создании риска. Этот риск должен быть настолько неприемлемым для вашего соперника, чтобы он был готов снизить его, выполнив ваши пожелания. Игра в труса, о которой шла речь в предыдущих главах, относится именно к этой категории игр. Раньше мы говорили о том, что у каждого водителя только одна альтернатива: либо ехать прямо, либо свернуть в сторону. Однако вопрос не в том, сворачивать ли вообще, а в том, когда именно это сделать. Чем дальше мы продолжаем двигаться прямо, тем выше риск столкновения. Иными словами, балансирование на грани — это «игра в труса в реальном времени», игра в повышение риска, как на допросах в художественных фильмах.

Как только мы осознаем это, то начнем замечать балансирование на грани повсюду. В большинстве случаев противостояния, например, между компанией и профсоюзом, между мужем и женой, между родителем и ребенком или между президентом и Конгрессом, один или оба игрока не могут быть уверены в том, что им известны цели и возможности другой стороны. Следовательно, большинство угроз сопряжены с риском ошибки и почти каждая угроза содержит элемент балансирования на грани. Понимание возможностей и рисков этого стратегического хода может сыграть решающую роль в вашей жизни. Используйте этот ход очень осмотрительно и помните, что даже при самом осторожном подходе он может завершиться неудачей, поскольку то, чего боитесь и вы, и другой игрок, может произойти в любой момент, пока вы повышаете ставки. Если, по вашим собственным оценкам, в таком противостоянии вы дрогнете первым (иными словами, вероятность неблагоприятного развития событий

станет слишком высокой для вас, прежде чем у другого игрока будет исчерпан лимит допустимого риска), тогда вам лучше вообще не вставать на путь балансирования на грани.

Мы вернемся к анализу некоторых аспектов искусства балансирования на грани в следующей главе. А текущую главу хотим завершить следующим предостережением. В любом случае балансирования на грани существует опасность переступить эту грань. Хотя мы и рассматриваем кубинский ракетный кризис как пример успешного применения стратегии балансирования на грани, мы совсем иначе оценивали бы эту ситуацию, если бы риск войны между сверхдержавами стал реальностью. Выжившие в этой войне проклинали бы Кеннеди за опрометчивое и неоправданное разжигание кризиса. В любом случае балансирования на грани риск перейти эту грань может стать реальностью. Кровавая расправа над студентами на площади Тяньаньмэнь в Пекине — один из самых трагических примеров. Студенты пошли на прямое противостояние со сторонниками жесткой политики в правительстве своей страны. Одна из этих сторон должна была проиграть: либо сторонникам жесткого курса пришлось бы отдать власть сторонникам реформ, либо студентам — пойти на компромисс. Во время этого противостояния существовал постоянный риск того, что сторонники жесткого курса отреагируют неадекватно и применят силу, чтобы подавить демократическое движение. Когда две стороны играют в игру с балансированием на грани и ни одна не желает отступить, есть большая вероятность того, что ситуация выйдет из-под контроля, что повлечет за собой трагические последствия.

После событий на площади Тяньаньмэнь лидеры разных стран начали в большей степени осознавать опасность балансирования на грани для обеих сторон. Столкнувшись с такими же протестами демократических сил в Восточной Германии и Чехословакии, коммунистические лидеры решили уступить требованиям народа. Правительство Румынии попыталось выступить против движения за проведение реформ, прибегнув к жестоким репрессиям для сохранения власти. Это насилие едва не переросло в гражданскую войну, и в конце концов президент Николае Чаушеску был казнен за преступления против своего народа.

Европа: поражение из рук победы? Демоны прошлого и поиск новой идеи

Сергей Караганов, политолог, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала "Россия в глобальной политике". Декан Факультета мировой политики и экономики НИУ ВШЭ.

Резюме: Двадцать пять лет потрачены почти попусту. Мир стал опаснее, Европа стоит перед угрозой нового раскола и ослабления, а то и большой войны. Без новой объединяющей идеи, украинский кризис и его демоны будут распространяться.

Выиграв в холодной войне (возможно, в первую очередь благодаря мужеству и готовности рисковать россиянами, скинувших коммунистическую диктатуру), Европа, похоже, проигрывает мир после нее. И вступает в следующую фазу международных отношений разъединенной и ослабленной, стоящей на грани конфронтации, а то и большой войны. А прекрасные лозунги об «общем европейском доме» (Горбачёв), о «Европе единой и свободной» (Буш-старший), о наступлении «новой эры демократии мира и единства» (Парижская хартия для новой Европы 1990 г.), казавшиеся достижимыми четверть века назад, вызывают невеселую усмешку.

И это на фоне радикализации ислама и беспрецедентной дестабилизации Ближнего и Среднего Востока, нерешенности традиционных глобальных вызовов, по-прежнему крайне уязвимой международной финансовой системы, подъема новых очагов соперничества между Китаем и США, тенденции к деглобализации, фактического развала прежней системы международного общежития и права... Мощный тренд к ренационализации мировой политики неизбежно охватит и островок стабильности – ЕС, тем более в условиях системного замедления роста и в России, и в Евросоюзе.

Список вызовов можно продолжать. А Западная Европа и Россия, самая мощная держава континента, – в раздразе и почти на грани цивилизационного «развода». Конечно, Западная Европа может попробовать вновь забраться под крыло Соединенных Штатов, а Россия – де-факто заключить стратегический союз с Китаем. И то и другое будет концом надежд на единую Европу, которую хотели построить, завершая холодную войну.

Есть ли еще шанс не проиграть мир? Думаю, да. Но сначала надо разобраться, как мы дошли до жизни такой.

Основных причин четыре. Во-первых, неспособность осознать, что направление социально-экономического и морально-психологического движения России, с одной стороны, и большинства других стран континента – с другой были и есть перпендикулярны, разновекторны. Во многом мы жили в разных эпохах. Во-вторых, неспособность и нежелание выработать общую цель долгосрочного соразвития. Вместо нее, в-третьих, получилась борьба за советское наследство, попытка геополитически дожать Россию, которая кончилась сначала войной в Южной Осетии, а теперь междоусобицей на Украине. Холодная война де-факто оказалась неоконченной и дала рецидив. И, наконец, в-четвертых, отсутствие на протяжении почти четверти века серьезного, систематического диалога. Вместо него звучали либо поучения, либо весьма поверхностные заверения об общем будущем. Речь Владимира Путина в Мюнхене в 2007 г., задуманная как приглашение к серьезному диалогу, была воспринята в штыки. А прислушайся европейцы к тому, что говорил российский президент, многих проблем удалось бы избежать, в том числе нынешней украинской трагедии.

Для России отношения с Европой не только и даже не столько вопрос геополитической ориентации или экономических связей. Это – проблема идентичности. Откажется ли страна, раздраженная политическими разногласиями и отходом значительной части европейских элит, от того, что в России понималось под европейскими ценностями, от тысячелетней культурной ориентации, уходящей корнями в Византию? Вероятность велика. Впервые в истории появилась геополитическая и экономическая альтернатива – поднимающаяся Азия. А нынешние разногласия с Западом становятся мощным аргументом в пользу не только экономической, но и политической переориентации на Восток. Сложна ситуация и для Европы. Без союза с Россией она обречена на утрату своего пятисотлетнего политического, экономического, а затем и культурного лидерства. Что это будет означать для самоощущения многих, если не большинства европейцев, для возможностей сохранения европейской идентичности?

Россия и другая Европа

Вопреки иллюзорным надеждам начала 1990-х гг., Россия и Европа внутри ЕС развивались на разных скоростях и в разных направлениях. Эти процессы носили во многом объективный характер, но почти не осмысливались и не обсуждались, что является ошибкой всех европейских элит. Они не хотели и не

смогли увидеть правду. И поэтому нынешний кризис грянул для них как гром среди ясного неба. И одни судорожно пытаются сатанизировать Путина, другие – обвинить «предательницу Меркель». Надежды на то, что Россия пойдет по «европейскому» пути, не сбылись. Но и Европа становится не той, к которой стремились вернуться россияне, совершившие свою революцию. Русская нетерпеливость, почти полное отсутствие реального, а не книжного опыта построения капитализма и демократии, да и неблагоприятное стечение обстоятельств сыграли злую шутку на заре новейшей русской истории.

Чтобы сломать хребет коммунизму и побыстрее покончить с его опостылевшей серятиной, была предпринята попытка ударной приватизации, которую подавляющее большинство россиян восприняли как акт расхищения. Возник один из самых неприглядных вариантов олигархического квазикапитализма. Крупная частная собственность до сих пор воспринимается в России как нравственно нелегитимная.

Еще хуже то, что из-за необразованности и стремления сделать все побыстрее российские реформаторы не поняли (или предпочли проигнорировать) главное: собственность без права – фикция. Те, кто пришел им на смену, объявили «диктатуру закона», но права не ввели. Сначала оно мешало приватизации, затем перераспределению. В результате собственность, несостоятельная морально, оказалась еще и не защищена законом. Это глубинная причина замедления развития, бегства капитала. В Россию рискованно вкладывать средства и даже держать здесь активы. Отсюда – непатриотизм элит, с которым только сейчас начинают бороться, отказываясь признать его глубинные причины. Здесь и корень системной коррупции – собственность можно сохранить, только «поженив» ее с властью.

Таков итог нашего переходного периода. Но часть Запада рукоплескала ему, умиляясь внешними признаками «европеизации» России или надеясь поучаствовать в разделе собственности и власти. Между тем Россия шла совсем не европейским путем, который в первую очередь подразумевает строительство общества и экономики на основе права.

Стратегическая ошибка допущена и при проведении политических реформ. Либеральные коммунисты и антикоммунисты считали, что народу не хватает демократии. Ее создали сверху, выбрав парламенты, губернаторов, мэров. Но не озаботились главным – выращиванием ответственного гражданина, основы человеческого капитала любой нации. Питательная среда для его появления – низовое, муниципальное, земское самоуправление, которое взялись строить только недавно, да и то нерешительно.

В результате появилась «преждевременная» верхушечная демократия, которая только тормозила развитие. К 1999 г. страна фактически превратилась в *failed state*, и случись в Москве маленький майдан, она посыпалась бы окончательно. Не устану повторять: из всех объяснений чуда спасения России единственно правдоподобным мне кажется, что Всевышний простил России грех коммунизма.

Внешние обстоятельства также были не слишком благоприятны. Бывшие противники не добивали. Но и не помогали (кроме гуманитарных посылок 1990–1992 гг. и 11 млрд марок, выданных ФРГ на вывод войск из Германии). А когда «помогали», давали вполне коммерческие кредиты, обуславливая их реформами, которые большинство населения встречало в штыки. Российская элита приняла предлагавшиеся правила «вашингтонского консенсуса» и провалилась. Как теперь известно – успех развивающихся государств, как правило, основан в том числе на отказе играть по этим правилам.

К России, главными национальными идеями которой всю ее историю были оборона и защита суверенитета, относились свысока, порой даже пытались диктовать состав кабинета министров (это делали не европейцы) и открыто поддерживая казавшиеся выгодными фигуры. Западный курс в отношении Москвы объективно был мягким подобием версальской политики, хотя такую цель никогда четко не формулировали, а большинство в Европе, вероятно, и не осознавало, что это именно так. Без прямых издевательств, аннексий и контрибуций, но проводилась линия «победителей», которые систематически теснили «побежденного», посягая на сферы его экономических, политических и военных интересов. Между тем русские себя побежденными не считали, а курс, символом которого стало расширение НАТО, порождал веймарский синдром. Первая его волна была погашена только тяжелой победой во второй чеченской войне, сделавшей Путина национальным лидером.

Европа в составе Европейского союза

Повторю, в чем суть концептуального расхождения. Россия восстанавливала суверенитет и государственность, Евросоюз пытался преодолеть суверенитет, государственный национализм, построить наднациональную общность. Эта разновекторность проявилась в почти единомудном осуждении европейскими странами чеченской войны.

Ценностные системы развивались едва ли не противоположным образом. Большинство россиян стремились восстановить уничтожавшуюся при коммунизме традиционную мораль, тянулись к ранее запретному христианству. В обществе сформировался запрос на государственный патриотизм, не основанный на коммунистическом мессианстве, на новую национальную идентичность, на консерватизм как антитезу революционным идеям, которые принесли столько бед и потрясений нации в XX веке. При этом считалось, что так Россия возвращается не только к себе, но и к Европе, от которой ушла в 1917 году.

Между тем европейская элита, пресытаясь этими ценностями, все больше считала их устаревшими или даже реакционными. Старый Свет поставил цель преодолеть национализм и даже национальный патриотизм, отвергал многие традиционные моральные устои и все больше отходил от христианства. Неизвестно, насколько долгосрочен этот тренд последних тридцати лет, возможно, в конце концов он будет частично отвергнут. Но пока российские и западноевропейские общества находятся в противофазе. А стремление Кремля сделать своим знаменем традиционные ценности вызывает у передовых и правящих европейских элит откровенное неприятие и опасения. Ведь они знают, что этим ценностям привержено большинство и их населения.

Обжегшись на верхушечной демократии, которая чуть не привела страну к гибели, а у большинства населения вызывает стойкую ассоциацию с развалом, нищетой и унижениями 1990-х гг., российская элита совершила малоприятный, но неизбежный поворот к демократии «управляемой» – полуавторитарному, лидерскому режиму.

Практически в то же время европейские элиты сделали ставку на продвижение европейской модели и опыта демократии как основы своей «мягкой силы». Где-то с начала 2000-х гг. в брюссельской политике стал нарастать демократический мессианиззм, ранее свойственный лишь заокеанским родственникам Европы.

Российские и европейские элиты снова оказались в состоянии дисгармонии. Тому есть и еще одно объяснение. Большинство обществ и правящих кругов западных стран давно забыли свои революции. Российская же верхушка панически боится повторения фатальных потрясений – демократического февраля 1917 г., за которым последовал ужас, и даже демократической революции 1991 г., которая пока ужасом не закончилась, но чуть не привела к развалу государственности. (Разумеется, в российской элите есть и меньшинство, бывшее в 1990-е гг. большинством, которое консервативных установок не разделяет и даже хочет новой революции. Но общество, пока во всяком случае, таких желаний явно не обнаруживает.)

Европейские политики твердили, что объединение Старого Света возможно только на основе общих ценностей. Сначала это говорилось, чтобы отвязаться от рвавшихся в Европу русских, но постепенно ораторы сами поверили в собственную мантру. С учетом описанной выше идейной противофазы это означало, что объединение с участием России просто невозможно. Между тем такой подход в корне противоречил европейской политической традиции, когда страны, их лидеры и общества сплошь и рядом объединялись «по интересам». Иначе во Второй мировой войне победила бы фашистская Германия. А сейчас, если следовать этой логике, ВЕРХ должны взять антиевропейские силы, например исламский радикализм или неевропейские конкуренты.

Свою роль в провале идеи «большой Европы» сыграли и несовпадающие системы приоритетов. Сначала Евросоюзу было просто не до России, на волне эйфории после холодной войны он увлекся безудержным расширением, созданием евро. К 2000-м гг. выяснилось, что чрезмерное расширение без политического союза расшатывает объединение. Расширение без границ ухудшило управляемость. К середине первого десятилетия XXI века стало очевидно, что ЕС вступил в длительный системный кризис. А между тем началась серия обидных, а то и унижительных поражений Запада – и Евросоюза, и особенно флага в лице США.

Кризис, с одной стороны, отвлекает Европу от любых сложных внешних проектов, в т.ч. российского, с другой – подспудно толкает к поиску внешнего импульса для объединения, а то и внешнего врага. Когда-то им был СССР, противник осторожный, поэтому на деле не очень опасный, а значит удобный. К тому же к Европейскому союзу присоединились страны с почти генетическим стремлением отомстить за поражения и унижения прошлых веков. И с 2011–2012 гг. из России стали ваять врага.

В России шел встречный процесс, который уверенно вел в никуда. Элиты не хотели или не могли признать прежние ошибки и начать новый тур реформ. Отсюда – оправдание тупикового положения либо желание выйти из него через традиционный поиск внешнего врага и нагнетание конфронтации, чтобы как минимум заткнуть недовольных и объединить общество, как максимум – заставить себя проводить мобилизационную модернизацию. Иное у русских получилось только один раз – во второй половине XIX века.

В результате набирает обороты новое противостояние, и Европа, вместо того чтобы стать третьей несущей опорой будущего миропорядка (наряду с Соединенными Штатами и Китаем), может оказаться даже проблемой для него.

И странам ЕС с его дисбалансами, и России с ее отчасти ошибочной, отчасти незавершенной трансформацией придется идти на глубокие реформы, чтобы выжить и сохранить значение в новом мире. Если работать совместно, в режиме взаимного дополнения, необходимые перемены могут оказаться более легкими и эффективными. В случае отчуждения – выше шанс так и не начать их или не добиться успеха. Это – еще один аргумент в пользу нового издания «большого европейского проекта». Пока он не сработал. При этом под угрозой и проект ЕС, и российский проект.

Отношения Москвы и Брюсселя

Энтузиазм первых лет после русской революции (российский премьер даже говорил о желательности вступления в Евросоюз, в 1994 г. было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве) сменился постепенно усугубляющейся отчужденностью, а потом и подспудным взаимным

раздражением. В Евросоюзе с 1990-х гг. доминировало представление о том, что Россия должна оставаться младшим учеником. Россия же стремилась восстановить суверенитет и установить равноправные отношения. В этом был смысл смелых предложений, выдвинутых в 1999–2000 гг. премьер-министром, затем президентом Владимиром Путиным.

Они, как и многие подобные, были проигнорированы. Россияне предлагали ту или иную форму союза, а брюссельские бюрократы видели Россию только как одну из стран европейской периферии. В результате так и не подписан новый договор, который должен был прийти на смену СПС. Саммиты два раза в год, призванные служить знаком особого статуса России, теряли содержание. Повестку заполняли третьестепенные вопросы типа оплаты транссибирских перелетов, запретов поставок из Польши реэкспортированного мяса или ограничений на продажу Финляндии леса-кругляка. Свидетельством провала стала неспособность наладить массовые обмены в области образования, интеграцию научных комплексов. Результат известен: квалифицированные кадры покидают и Евросоюз, и Россию.

Реалистическое понимание и поиск общих интересов замещался ритуалами бессодержательных встреч или лозунгами. (Один из худших ритуалов – пустопорожний, в духе ГДР – СССР, Петербургский диалог, от которого Берлин отказался в итоге не из-за его бессмысленности, а чтобы уколоть Россию.) Последний лозунг – «партнерство во имя модернизации». Российская верхушка болтала о нем, пальцем не шевеля, а европейские партнеры прикрывали им либо старое желание направить Россию по пути ученичества, либо отсутствие внятной линии, либо стремление поддержать «приятного» лидера (Дмитрия Медведева). Результат – пустота и еще один источник взаимного раздражения.

Последнюю попытку сблизиться на равноправной основе Россия предприняла, предложив ЕС не только наладить диалог с Таможенным/Евразийским экономическим союзом, но и построить его на нормативной базе Европейского союза, чтобы в том числе облегчить дальнейшую интеграцию. Брюссель отказался, пытаясь продолжить одностороннее расширение своей зоны влияния. И согласился только после украинской трагедии.

Среди всех причин неудачи российско-европейских отношений важнейшими были нежелание и неспособность поставить перед ними стратегическую цель. Без нее они увяли в бюрократической борьбе и мелочной, хотя порой и очень острой конкуренции. Евросоюз стремился распространить свой мягкий контроль на территории, которые Россия считала зоной своих интересов. Постепенно разыгралась игра с нулевой суммой, которая привела к украинскому кризису, хотя и не была его главной причиной.

Но основная конфликтообразующая проблема взаимоотношений Россия–Евросоюз лежала вне их. Экспансия ЕС сопровождалась наступлением НАТО. А вот эта организация однозначно виделась потенциально враждебной, если не угрожающей, особенно после потрясших даже российских западников трехмесячных бомбардировок Югославии в 1999 году.

Расширение НАТО воспринималось как вероломство, прямое нарушение гласных и негласных договоренностей, достигнутых, когда СССР пошел на прекращение конфронтации, вывел войска из стран Варшавского договора, согласился на объединение Германии и даже содействовал этому. Две волны расширения НАТО Россия проглотила (может быть, это было ошибкой). Но распространение на Украину, которое создавало бы абсолютно неприемлемую ситуацию 2000-километровой незащищенной границы с блоком, показавшим способность к агрессии, было неприемлемо, воспринималось почти как причина для большой войны. А Киев пытались втянуть в НАТО в 2007–2008 годах. Стремление видеть Украину в альянсе зафиксировано в его Бухарестской декларации 2008 г., а в последние годы все чаще подтверждалось.

На этом фоне поддержка Западом майдана, свержение Януковича послужили спусковым крючком для упреждающего удара России. Похоже, что для Москвы присоединение Крыма, поддержка повстанцев в Донбассе – действия, нацеленные на предотвращение гораздо более масштабной катастрофы. Удар наносился по логике расширения НАТО, но пришелся и по пустым, конкурентным, но вполне мирным отношениям с Европейским союзом.

Берлин – Москва

Крупным провалом европейской политики является растущая отстраненность, если не скрытая враждебность между Москвой и Берлином. Под вопросом одна из главных несущих опор мирного порядка в Европе – особые дружеские отношения двух стран и народов, построенные Брандтом–Шмидтом–Колем–Шрёдером и их советскими и российскими партнерами. Вторая несущая – Евросоюз, слабеющая ось которого – Берлин – Париж – пока держится, но дает все более заметные трещины. И неизвестно, как и насколько они углубятся, если подрубить российско-германскую опору.

Германия, не отказываясь полностью от национального эгоизма, иногда участвуя в сомнительных акциях – бомбардировки Югославии, Афганистан – построила новую идентичность на защите и продвижении своих интересов преимущественно «мягкой», экономической силой. И преуспела в этой политике, став ведущей силой в ЕС. Помогает и созданная на руинах Третьего рейха, пожалуй, наиболее эффективная в мире политическая система, обеспечивающая развитие и лояльность большинства граждан своему государству.

Россия, вынужденная восстанавливать государственность и идентичность, шла по пути, чуть ли не противоположному современному германскому – старому германскому, в духе Бисмарка. Серьезных попыток разобраться в этом различии исторических опытов и траекторий развития не предпринималось.

Столкновение с Германией вокруг Украины воспринято в российской элите и обществе либо (в наипростейшем варианте) как то, что Агентство национальной безопасности США «подцепило канцлера на крючок», либо – в более утонченном – что Берлин строит Старый Свет под себя и спасает таким образом «германскую Европу», либо, что все более очевидно в желтых СМИ и особенно в блогосфере, что немцы решили создать «четвертый рейх» и считают Украину его частью.

В Берлине полагают, что российская политика в отношении Крыма и Украины продиктована почти исключительно соображениями удержания власти нынешним режимом. А Германия должна вернуть *status quo ante*, чтобы сохранить европейский мирный порядок, гарантом которого себя считает. В России, стране с более широким, нежели европейский, кругозором полагают, что безрассудство и беззаконие в Югославии, Ираке, Ливии, поддержка Западом самоубийственной «арабской весны» разрушили международный порядок и законность и его либо нужно восстанавливать, либо играть по правилам «закона джунглей». Справедливы или нет существующие представления, роли сейчас не играет. В отсутствии серьезного диалога и попыток разобраться это – доминирующая реальность.

Была ли коллизия неизбежной? В чем-то да, страны и общества не сближались, как в те годы, когда СССР шел к преодолению прошлого режима, а расходились. Но во многом она – продукт провала элит, не захотевших и не сумевших понять друг друга и наметить общие и реалистические цели соразвития.

На кону не только вторая несущая колонна европейского мирного порядка, но и историческое сближение двух народов. Ведь русские простили немцев за чудовищные преступления Второй мировой. Если прошлое вернется, оно вернется и в остальную Европу, где уже нарастает вал антигерманских настроений, континент морально окажется отброшенным на полвека назад. Перед Владимиром Путиным и Ангелой Меркель, несмотря на отсутствие взаимных симпатий, перед русскими и немцами стоит поистине исторический вызов – не допустить возвращения истории.

Перспективы выхода

Разумеется, можно попробовать вернуться в чистом виде к холодной войне – укрепить НАТО, выдвинуть ее передовые силы к российским границам, развернуть новые российские ракеты, восстановить элементы системной конфронтации. Попытаться вооружить Украину или ограничить не только экономическое, но и человеческое взаимодействие между Россией и Западом, еще усугубить, если это возможно, накал взаимной клеветы, лжи.

Отличие от прошлой холодной войны в том, что нынешняя российская элита помнит, как повел себя Запад, после того как Михаил Горбачёв и его соратники решили с достоинством выйти из нее. Иллюзий у нее не осталось. К тому же позиции России, несмотря на разразившийся кризис, прочнее, чем позднего СССР. Накормить население проблем не составит. А противостоит Москве не единый поднимающийся Запад фактически в союзе с Китаем, как тогда, а Запад, оказавшийся в кардинально другой исторической парадигме. Китай же и весь резко усилившийся «не-Запад» скорее симпатизирует Москве. И ожидать, пока все еще более сильный Запад попытается дожать Россию, Кремль вряд ли будет. Так что, если не удастся остановиться и договориться, впереди еще более жесткий кризис.

Украину задуют, а в случае предоставления ей военной помощи, скорее всего, разгромят. А дальше будут смотреть: не вразумятся ли западные лидеры и народы, увидевшие, что нынешние и прошлые руководители привели Европу и мир к войне. Если политика не изменится, возможна дальнейшая эскалация. Она, впрочем, может произойти и из-за очередного «черного лебедя» – непредвиденной катастрофы или провокации.

Но какой будет Европа после столкновения, даже если Россия не выйдет из него «победителем», не хочется даже думать. Все усилия европейцев по построению мирного континента после Второй мировой войны пойдут прахом. Как уже готовы пойти прахом надежды начала 1990-х годов. На таком фоне благонамеренные попытки разрешить украинский кризис, не устранив фундаментальных причин его возникновения, обречены.

Выход, разумеется, есть.

Во-первых, он в совместном открытом и честном анализе интеллектуальных и политических ошибок, сделанных за последние четверть века, и извлечении уроков.

Во-вторых, в признании легитимности различия ценностных установок при общности базовой культуры. Российское и другие европейские общества должны иметь возможность развиваться по своим траекториям и скоростям. Вероятно, что европейцы за пределами России станут под влиянием международной конкуренции более реалистичными и даже консервативными. А российское общество в нормальных условиях двинется к правовому государству, а затем к развитой и полноценной, хотя и своей, демократии.

В-третьих, необходимо понимание, что курс на конфронтацию даже в «лучшем» варианте, без прямого столкновения, обойдется очень дорого. Он будет отвлекать ЕС от необходимой для его

выживания внутренней модернизации. А сплотить европейское общество объявлением России общим врагом не получится – оно слишком не хочет конфронтации.

Для России возрастет угроза нежелательно высокой зависимости от Китая, пусть и полусоюзного. Многие в России верят, что конфронтация даст толчок внутреннему развитию. Но пока признаков этого немного. Наоборот, она отвлекает и от внутренних реформ, и от давно назревшего экономического поворота к Азии через развитие Зауралья.

И, **в-четвертых**, понимание того, что открытие экономического, человеческого, энергетического пространств между ЕС и ЕАЭС, от Лиссабона или Дублина до Владивостока, хоть и не решит всех проблем сторон, но даст импульс к развитию.

В принципе, это и предполагалось российскими предложениями по институционализации ОБСЕ, по вступлению России в НАТО, по подписанию нового договора о европейской безопасности, по созданию Союза Европы, по сближению ЕС и ЕАЭС на основе диалога и выравнивания правовых и регулятивных норм, поступательного открытия рынков. Такие идеи не противоречат особым отношениям Евросоюза и Соединенных Штатов, а России с Китаем, если не пытаться их намеренно противопоставлять, как крайне недальновидно делали до сих пор.

Представляю, что нужно предлагать, но предлагать стоит совместно. Но уже сейчас нужно напомнить, чего делать не стоит.

Нельзя возвращать в центр отношений ограничение вооружений. Оно возродит блоковое мышление и ремилитизирует европейскую политику, как это уже было в конце 1980-х годов.

Не надо обходить существующую общеевропейскую организацию – ОБСЕ. Но нельзя поручать ей, несущей печать холодной войны и собственную институциональную память, саму себя реформировать. Эта реформа должна идти в рамках ОБСЕ, но исходить извне. ОБСЕ – важный практический инструмент, незаменимый для того, чтобы распутывать узлы локальных конфликтов, использовать отработанные механизмы для снижения напряженности и стабилизации ситуации в очагах противостояния, если таковые возникают. Это достаточно важная миссия, чтобы сосредоточиться на ней, а не пытаться «нагрузить» ОБСЕ еще более масштабными функциями европейского управления.

Не стоит повторять хельсинкский процесс. Он может на долгие годы привести к блоковой дипломатии с неочевидным результатом. Лучше поручить подготовку нового договора группе экспертов. Тексты можно потом утверждать на высшем уровне.

Стоит подумать и вот о чем. Европа – не центр мира и не изолированная территория, где решается его судьба. Ее проблемы сегодня – часть сложной глобальной системы, где все влияют на всех. И пытаться рассматривать Европу отдельно от Евразии, от Ближнего Востока невозможно, слишком переплетены процессы. Возможно, как когда-то частью общеевропейского процесса стали США и Канада, сейчас стоит подумать над тем, чтобы вовлечь в обсуждение Китай и другие ключевые страны Центральной и Восточной Евразии.

В новой архитектуре должно найтись место и странам, расположенным в зоне между Россией и ЕС/НАТО, и признанию части непризнанных государств, и координируемым усилиям по решению замороженных конфликтов и, что немаловажно, – совместным и согласованным усилиям по удержанию Украины от социального и государственного распада, по превращению ее в территорию сотрудничества, а не борьбы.

Разумеется, в условиях нынешнего зашкаливающего недоверия такая перспектива кажется иллюзорной. К тому же политика США пока, похоже, нацелена на углубление раскола Европы. Но именно отсутствие перспективы по-настоящему совместной работы на протяжении последних двадцати лет было одним из ключевых факторов, приведших к нынешнему провалу.

Когда архитекторы европейской интеграции и поддержавшие их дальновидные американцы выдвинули в конце 1940-х – начале 1950-х гг. идеи, приведшие к созданию Европейского объединения угля и стали, затем ЕЭС и ЕС, страны и народы Европы почти сплошь ненавидели друг друга и все – Германию. Но отцы-основатели имели мужество выдвинуть прорывные идеи. И они привели к созданию мирного порядка на значительной части территории Европы.

Двадцать пять последних лет были потрачены почти что попусту. Мир стал опаснее, Европа стоит перед угрозой нового раскола и ослабления, а то и большой войны. И она лишена возможности единого влияния на этот мир. Без новой большой идеи, объединяющей европейские народы на пути к пусть далекой, но осязаемой, а главное – общей цели, Европа неизбежно начнет колотиться по линиям старых и новых разделов. Украинский кризис и его демоны будут распространяться.

Если лидеры России, остальной Европы, Соединенных Штатов, тех, кто захочет к ним присоединиться, поставят перед собой такую цель, будет неизмеримо легче работать и в минском, и в нормандском, и в любом другом формате, чтобы ограничить и прекратить конфликт на Украине, а потом помочь ей строить будущее. Без общей цели, боюсь, мы обрекаем на худшее и народ Украины, оказавшейся на границе нового разлома, и всю Европу.

Трудности велики, многие возможности упущены. Но пробовать надо. Иначе и русские, и другие европейцы откажутся от еще одной общей ценности – веры в разум.

Виртуализация империи

Дмитрий Владиславович ИВАНОВ,

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Некогда Уинстон Черчилль сказал, что искусство политика заключается в том, чтобы уметь давать прогнозы, а затем уметь объяснить, почему эти прогнозы не оправдались. Сэр Уинстон относился к ремеслу политика куда требовательнее, чем современные аналитики и их аудитории. Они ценят прогнозы сами по себе и требуют постфактум не объяснений, а новых прогнозов. Так что искусство заключается теперь в том, чтобы делать прогнозы снова и снова.

Спрос рождает предложение, и сейчас нет недостатка в описаниях будущего. Вот только этим потоком предсказаний не устраняется дефицит прогнозов. В предсказании (буквально – сказаниях перед событием) образ грядущего выстраивается как мнение, личное или общественное, о том, что «будет» сделано, то есть о намерениях. Прогноз (буквально – предзнание, от греческих слов *pro* – перед и *gnosis* – знание) предполагает наличие трендовой модели, построенной на основе данных не о намерениях, а о реальных, то есть уже свершившихся событиях/действиях. Умение интерпретировать историю, отдаленную и совсем недавнюю, как тренд позволяет определить направленность сегодняшних процессов, и эта направленность настоящего и есть наше будущее.

Направленность современных процессов в России можно определить одним словом: империя. В самом конце XX века после десяти лет либеральных реформ империя нанесла ответный удар сначала на поле политики, а затем и в экономике и в культуре.

Сформировавшийся при Путине режим управляемой демократии правильнее называть режимом плебисцитарной империи. Народное волеизъявление сохраняется как средство легитимации власти, но снижается частота и сужается сфера его применения. А главное, волеизъявление делают управляемым, сводя его к форме плебисцита, когда голосованием лишь оформляется заведомо предсказуемый выбор из двух вариантов: «согласен» и «не согласен». Так, ликвидируя выборы губернаторов, вводя пропорциональную систему выборов и ужесточая требования к партиям при прохождении в парламент, отменяя регистрацию «лишних» кандидатов и партий, можно плохо поддающийся управлению плюрализм свести к характерному для социальной организации имперского типа дуализму «центр – периферия». «Центром» становится формируемое посредством плебисцита большинство согласных с «укреплением вертикали власти», а «периферией» – беспокойное, но, в общем, зависимое и контролируемое меньшинство несогласных, занятых безнадежным собиранием «горизонталей гражданского общества».

С установлением в политике режима плебисцитарной империи коррелирует установление в экономике режима управляемого рынка в виде энергоимперии. «Центром» здесь является комплекс подконтрольных государству сырьевых и инфраструктурных корпораций, определяющих структуру рынков и финансовых потоков, а «периферией» – формально автономные, но фактически зависимые экономические агенты: частный бизнес, работники и потребители.

В культуре устанавливается режим медиаимперии. В качестве «центра» здесь выступает комплекс общенациональных или межрегиональных электронных и печатных СМИ, которые во всех жанрах от выпусков новостей до рекламных роликов и «мыльных опер» транслируют «великий, единый и неделимый» образ досоветской, советской и постсоветской России. Культурной «периферией» же оказывается зона свободы слова: то множество авторов, медиа и аудиторий, которые образуют субкультуры, стоически или агрессивно противопоставляемые масскульту, но в итоге колонизируемые масскультом как источники свежих идей – «символического сырья» для современного ампира.

Переход российского общества в режим империи – это не столько ситуативная реакция на проблемы, вызванные либеральными реформами 1990-х годов, сколько проявление долгосрочного тренда. Характер этого тренда обнаруживается в трендовой модели российского общества, построенной на основе теории империи, разработанной Шмуелем Айзенштадтом.¹ Согласно этой теории, империя – это политическая система, характеризующаяся тремя главными чертами:

- 1) большая территория и, как следствие, высокая степень этнической и культурной неоднородности;
- 2) социальная интеграция посредством установления иерархических отношений «центр – периферия», где «центр» (император, государственные институты) – автономная целостность, а «периферия» – конгломерат общностей, поддержание связей между которыми зависит от внешней координации;

¹ Eisenstadt S. N. Empires // International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. V. New York, 1968.

3) универсализм политических и культурных ориентаций как средство легитимации территориального единства и централизации власти.

Рассмотрение с точки зрения данной теории истории российской государственности с середины XV века² до нынешнего времени позволяет увидеть, что социально-политическое устройство, которое соответствует определению Айзенштадта и потому может именоваться империей, сформировалось в России отнюдь не при Петре I и его преемниках, а гораздо раньше, еще при Иване III. Правда, за прошедшие с тех пор пять с половиной столетий последовательно возникли и прошли в своем развитии от фазы консолидации и подъема через фазы стагнации и конвульсий до фазы упадка четыре российские империи (табл. 1).

Таблица 1. Динамика российских империй

Фазы Империи	Консолидация и подъем	Стагнация	Конвульсии (реформы)	Упадок (распад / депрессия)
I. Феодалная (вотчинно-боярская)	60-е годы XV века – начало XVI века: присоединение к Москве всех русских земель при Иване III и Василии III; колонизация Севера и Пермского края; признание Казанью вассальной зависимости от Великого князя московского.	20-е – 40-е годы XVI века: приостановка экспансии в конце правления Василия III и ослабление государства при Елене Глинской – боярская олигархия.	Конец 40-х – начало 80-х годов XVI века: военные и административные реформы Ивана Грозного и возобновление экспансии – присоединение Поволжья и Кабарды, походы в Прибалтику и Сибирь; опричнина и ее ликвидация, избиение тверичей, новгородцев, псковичей, военные поражения и экономический упадок.	80-е годы XVI века – начало XVII века: относительная стабилизация при Борисе Годунове; территориальные уступки Литве и Швеции, продолжение колонизации Сибири; распад государства в Смутное время – перевороты, гражданская война, польская и шведская интервенция и территориальные потери.
II. Сословная (поместно-дворянская)	20-е – начало 70-х годов XVII века: укрепление государства и возобновление экспансии при Михаиле и Алексее Михайловиче – освоение Сибири от Енисея до Амура и Охотского моря, возвращение Смоленска и Чернигова, присоединение левобережной Украины; усмирение бунтов.	Середина 70-х – начало 90-х годов XVII века: приостановка экспансии при Федоре Алексеевиче и ослабление государства в период «двоецарствия» – соперничество боярских группировок в правление царевны Софье.	90-е годы XVII века – начало 20-х годов XVIII века: реформы Петра I и возобновление экспансии – взятие Азова, присоединение Ингрии, Эстляндии, Дербента, подчинение Дона и Запорожья; создание режима бюрократического абсолютизма, репрессии, насаждение чуждой культуры; поражения в военных авантюрах – первом азовском и прутском походах.	Середина 20-х – начало 40-х годов XVIII века: территориальные потери (Дербент), экономический спад и ослабление государства в эпоху дворцовых переворотов; режим бироновщины – казнокрадство и репрессии в правление Анны Иоанновны; малоудачные войны с Турцией и Швецией.

² Начинать, вслед за отечественными историками, отсчет истории государства российского с создания в IX веке Рюриком и Олегом торгово-грабительской компании «Русь» или даже с переноса в XIV веке великокняжеского стола из Владимира в Москву было бы весьма романтично, но не вполне научно. Периодический сбор варягами дани на подконтрольной территории или установление татарами формального старшинства между членами княжеского рода нельзя отождествлять со становлением той системы социально-политических отношений, которую принято именовать государством.

<p>III. Абсолютистская (чиновно-дворянская)</p>	<p>50-е годы XVIII века – 20-е годы XIX века: расцвет абсолютистского государства и интенсивная экспансия при Елизавете, Екатерине II, Александре I – присоединение Причерноморья, всей Украины и Белоруссии, Бессарабии, Финляндии и Польши, Дербента, Грузии и Азербайджана; походы в Европу и океанские экспедиции, освоение «Русской Америки».</p>	<p>30-е – середина 50-х годов XIX века: приостановка экспансии и охранительно-репрессивный режим при Николае I; затяжная Кавказская война и поражение в Крымской войне (потеря устья Дуная и Черноморского флота).</p>	<p>Конец 50-х – середина 80-х годов XIX века: реформы Александра II и контрреформы Александра III; возобновление экспансии – присоединение Чечни, Казахстана и Туркестана, Карса и устья Дуная; продажа Аляски и уступка Курил; начало революционного движения и формирование полицейского государства.</p>	<p>Конец 80-х годов XIX века – начало XX века: ослабление государства в конце правления Александра III и при Николае II; военные поражения и территориальные потери – Порт-Артур и Южный Сахалин, Польша и Литва; революция и распад государства – потеря Прибалтики, Украины, Белоруссии, Бессарабии, Финляндии, Закавказья, Дальнего Востока; гражданская война и интервенция.</p>
<p>IV. Советская (партийно-номенклатурная)</p>	<p>20-е – 60-е годы XX века: восстановление целостности и укрепление государства при Ленине и Сталине; возобновление экспансии – присоединение Украины, Белоруссии, Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока, Прибалтики, Карелии, Молдавии, Закарпатья, Восточной Пруссии, Южного Сахалина и Курил; создание «пояса» из государств-сателлитов; индустриализация, военные победы и завоевание статуса сверхдержавы.</p>	<p>Конец 60-х – начало 80-х годов XX века: замедление экономической и политической экспансии и охранительно-репрессивный режим при Брежневе – «застой», борьба с диссидентами, вторжение в Чехословакию; «разрядка», вступление в затяжные войны локальные войны – Ангола, Афганистан.</p>	<p>Середина – конец 80-х годов XX века: «реанимация» режима при Андропове и «перестройка» при Горбачеве – оживление экономического роста и политической активности масс; неудачное продолжение и завершение войн в Афганистане и Анголе, потеря контроля над государствами-сателлитами и частью собственной территории (сепаратизм Прибалтики, этнические конфликты в Закавказье и Средней Азии); ослабление государства и экономический кризис.</p>	<p>90-е годы XX века: затяжной экономический спад, потеря положения сверхдержавы и распад государства при Ельцине – потеря Прибалтики, Закавказья, Украины, Белоруссии, Средней Азии, мятежи в столице и автономизация регионов, затяжная борьба за удержание Северного Кавказа, раздел государственной собственности «олигархами».</p>

Основание для выделения четырех российских империй дает изменение трех параметров, соответствующих трем признакам имперской организации общественной жизни. Изменение параметров имеет отчетливо циклический характер. Четыре империи – это четыре полных цикла от консолидации до упадка.

Первый из параметров – размеры территории, является показателем как политического могущества, так и экономического развития. Поскольку для доиндустриальной эпохи характерны были стабильно низкие или вовсе нулевые темпы роста производительности труда и роста населения, то главным фактором национального богатства была именно территория – земля. Следовательно, при характеристике социально-политической системы как империи первый критерий Айзенштадта (большая территория) можно рассматривать как частный случай более общего критерия – большого объема экономики. Темпы экономического роста применительно к индустриальной и постиндустриальной эпохам оказываются тогда эквивалентом доиндустриального показателя прироста территории.

Темпы прироста территории государства российского в периоды, обозначенные здесь как фазы подъема (см. табл. 1), всегда выше по сравнению с предшествующим и последующим периодами. В период между 1462 и 1520 годами территория российского государства увеличилась примерно в 6 раз, а в 1520 – 1630 годах – в 2,5 раза. В 1630-1670 годах территория выросла в те же 2,5 раза, но уже не за сто, а всего за сорок лет. За вдвое больший промежуток в 1670 – 1750 годах увеличение составило лишь примерно 10%. В 1750 – 1830 годах территория выросла на 30%, а в 1830 – 1913 годах рост составил примерно 20% (к 1920 году баланс территориальных изменений оказался отрицательным). Между 1920 и 1960 годами территория увеличилась в 1,5 раза, за последующие тридцать лет изменений фактически не было, а затем были лишь территориальные потери. Таким образом, обнаруживаются четыре периода интенсивной экспансии, когда происходило становление системы имперского типа. Динамика среднегодовых темпов экономического роста демонстрирует ту же цикличность и те же четыре периода наиболее интенсивного развития.

Изменение второго параметра – отношений «центр – периферия» коррелирует с изменением первого. Территориальная и экономическая экспансия совпадает по времени с консолидацией различных земель, племен, сословий, или, говоря современным языком, регионов, этнических и социальных групп в однородную периферию, управляемую централизованно. Складывается единая иерархическая система отношений, в которой неодинаковость географических, экономических, культурных характеристик сводится к универсальной асимметрии всей совокупности социальных отношений, построенных на различии «центр – периферия».

Различение «центр – периферия» олицетворяется и поддерживается имперским классом. Это статусная группа, превращающая «государеву службу» в престижный образ жизни (принадлежность к «центру» власти, распределения благ, культуры и т.д.) и канал социальной мобильности (перемещение с социальной «периферии» в «центр»). Для периодов, обозначенных выше как фазы подъема, характерны процессы интенсивного роста единого имперского класса при одновременном ограничении или даже ликвидации традиционных форм неравенства, то есть тех иерархических отношений внутри «периферии», которые препятствовали установлению прямых связей территорий и общностей с «центром» и мобилизации лояльных империи людей.

Вотчинное боярство при Иване III имперским классом, на который опиралась центральная власть, становилось по мере ликвидации старинных привилегий удельной знати, земель, городов и ликвидации зависимости бояр от «периферийных» инстанций власти – князей и общин. Новый имперский класс при Алексее Михайловиче складывался на основе фактического уравнивания в правах вотчинного боярства и поместного дворянства, которое из подчиненного и зависимого от боярства становилось главным служилым сословием. Следующий имперский класс в елизаветинскую и екатерининскую эпохи формировался на основе выравнивания прав землевладельческой аристократии и «добывающего чины» служилого дворянства и параллельно с ликвидацией автономии Украины и казачества, что привело к пополнению рядов «государевых людей» теми, кто раньше был замкнут в «периферийных» социальных отношениях. Партийная номенклатура при Сталине и Хрущеве становилась имперским классом по мере ликвидации автономии республик, привилегированного положения в партийной демократии «старых» большевиков, особых конституционных прав рабочего класса по сравнению с так называемыми «лишенцами».

В фазе подъема происходит освоение «периферии» или, если угодно, ее колонизация «центром». Освоение «периферии» – это активный обмен между «центром» и «периферией» природными ресурсами и технологиями, культурой и людьми. Возводятся крепости или промышленные предприятия, пушнина и золото обменивается на порох, ткани и «огненную воду» или нефть и газ – на премии и ордена, открываются церковные приходы или школы и больницы, рекрутируется на государеву службу местная знать или включаются в номенклатуру ЦК местные кадры.

Так же, как существует устойчивая связь между территориальной экспансией и ростом имперского класса, существует явная связь между замедлением роста империи и замыканием имперского класса в себе. В периоды стагнации отношения «центр – периферия» перестают быть отношениями обмена и превращаются в установление социальных барьеров. «Центр» замыкается в своем функционировании на себя. Имперский класс сосредотачивается исключительно на поддержании благополучия его членов и превращении «государевой службы» в кастовое занятие и чистую привилегию. Единодержавие подменяется олигархическим правлением группировок, формируемых конкурирующими членами

имперского класса. Социальная мобильность падает, обновление класса за счет «периферии» не происходит. «Периферия» превращается в заброшенную окраину. Ее экономическое, политическое, культурное освоение «центром», а стало быть, и развитие затормаживается или даже замораживается.

Периоды конвульсий имперской организации, то есть чередующихся подъемов и спадов совпадают по времени со знаменитыми российскими реформами: Ивана Грозного, Петра I, Александра II, Михаила Горбачева. Это совпадение объясняется одинаковой логикой развития империи в разные эпохи. Застой в развитии «периферии» и замыкание имперского класса вызывают недовольство попранием имперского идеала открытости и универсальности отношений «центр – периферия». Внутри имперского класса возникает внутренняя борьба, используемая правителями – реформаторами и усугубляемая их реформами. Реформаторски настроенные члены имперского класса пытаются опереться на «периферию», разрушив жесткую иерархию и уравнив ее в правах с «центром». Активизация «периферии» оборачивается не ее мобилизацией для укрепления системы «центр – периферия», а ее наступлением на привилегии имперского класса. Эксперименты с местным самоуправлением и массовым привлечением к управлению империей выходцев из «периферии» всегда вызывали destabilизацию империи и провоцировали контрреформы. Так было в случае опричнины, созыва соборов и губной реформы Ивана Грозного; петровских и alexандровских реформ; «повышения роли трудовых коллективов» при Андропове и борьбы с привилегиями и демократизации при Горбачеве. Реформы чередуются с контрреформами и вызывают разрушительные для государственного аппарата, экономики, уровня и качества жизни конвульсии имперской социальной организации.

За периодами реформ и контрреформ следуют периоды наиболее низких или даже отрицательных темпов прироста, совпадающие с периодами ломки отношений «центр – периферия». Это – фазы упадка имперской социальной организации. «Периферия» автономизируется и дифференцируется. В ней возникают слабо связанные с «центром» и между собой сегменты, формирующие внутренние иерархии. Имперский класс как единая, упорядоченная система статусов разлагается. Гибель (социальная, а не физическая) имперского класса вовсе не означает гибели имперского сознания. Оставшиеся носители его активно борются за контроль над оторванным от «периферии» прозябающим «центром». Спорадически предпринимаются попытки реставрации прежней системы отношений «центр – периферия» и возобновления экспансии. Но действительно новый подъем империи начинается только с формированием нового имперского класса, в котором элементы дореформенных отношений интегрируются в новую систему отношений «центр – периферия».

Имперское сознание, то есть восприятие и оценка всех событий сквозь призму идеи империи, является тем важным компонентом имперской социальной организации, который выше был обозначен как третий параметр империи: универсалистские политические и культурные ориентации. Легитимация единой системы иерархических отношений «центр – периферия» в условиях множественности языков, религий, обычаев, поддерживающих различные иерархии, требует универсальной имперской идеи, перекрывающей все межкультурные барьеры. В случае четырех российских империй отчетливо видно, что имперская идея развивается синхронно с изменениями двух первых параметров – территории и отношений «центр – периферия».

Имперская идея в фазе консолидации и подъема – это аморфный и постоянно растущий конгломерат, пополняемый как «центром» – идеологическим истеблишментом, так и «периферией» – идеалистами и энтузиастами империи. Творцов радикальных идей могут репрессировать как опасных еретиков – «нестяжателей», «раскольников», «вольтерьянцев», «троцкистов», но при этом использовать их идеи. В фазе стагнации происходит догматизация корпуса идей и создание формул типа «Москва – Третий Рим», «православие, самодержавие, народность», «Советский Союз – оплот мира и социализма» или «новая историческая общность – советский народ». Догматизация провоцирует диссидентство – мученичество отдельных членов имперского класса в духовном противостоянии империи. В фазе конвульсий происходит всплеск ревизионизма: критика догматизма и попытки реконструкции имперской идеи, заимствование извне «прагматических» идей на замену идеологии вообще. Для фазы упадка характерен идейный «вакуум», вызванный тем, что на смену имперской идее не приходит столь же универсальное средство легитимации, то есть оправдания деятельности. Интеллектуальная депрессия сопровождается господством цинизма, на фоне которого малоудачные попытки эпигонов реанимировать имперскую идею выглядят «болезненными рецидивами» имперского сознания. Духовная депрессия и попрание этических норм прежних эпох – общая черта, отмеченная как современниками, так и историками Смутного времени (конец XVI – начало XVII века), эпохи дворцовых переворотов (вторая четверть XVIII века), двух русских революций начала XX века, третьей русской революции (конец XX века).³ Новая фаза подъема начинается по мере творческой адаптации

³ Революция 1989 – 1993 годов является третьей по отношению к первой (1905-1907) и второй (1917-1921) русским революциям. Принятое до сих пор вслед за большевистской историографией выделение октябрьского переворота 1917 года из общей цепи событий в особую «социалистическую революцию» совершенно не логично. Революция – социальный процесс, в котором могут быть разные этапы, открываемые приходом к власти более радикальных группировок. Но это отнюдь не новые революции. Поэтому теми же историками не дробятся на множество «революций» единые процессы, например, английской (середина XVII века) или великой французской (конец XVIII века) революций.

заимствованной извне вселенской идеи – византийского православия, западноевропейского «регулярного государства» (абсолютизма), просвещения, коммунизма, – к остаткам прежней имперской идеи.

Выявленная здесь корреляция, то есть совместное изменение трех параметров имперской социальной организации, дает основание полагать, что процессы территориальной / экономической экспансии, установления отношений «центр – периферия», создания универсальной идеи, легитимирующей и экспансивность и асимметричность социальной системы, являются взаимно обусловленными.

Представленная модель динамики российских империй позволяет сделать вывод, что воля к империи – это тот долгосрочный тренд, который определяет характер будущей России. Констатация того факта, что в конце XX века Россия вступила в фазу упадка четвертой империи, дает основание утверждать, что в ближайшие 10-15 лет нас ожидает активизация усилий по воссозданию империи и общее преобладание проимперских стремлений в общественной жизни. Анализ ритмов, то есть соотношений длительности фаз внутри обнаруженных четырех циклов, указывает на то, что проимперские тенденции последних лет: очередное «замирение» Кавказа, «укрепление вертикали власти», «равноудаление олигархов», поиски «национальной идеи», скорее являются попытками стабилизации внутри завершающей, депрессивной фазы развития четвертой империи, нежели открывают фазу подъема новой, пятой империи. Пришедшие в 2000 году к власти представители «низов» советского имперского класса больше ориентированы на восстановление традиционных источников национального богатства (ресурсосодержащая территория, «железодельная» индустрия), чем на создание принципиально новых, соответствующих условиям современной постиндустриальной экономики. Ориентированные на номенклатурный идеал службы в «центре» выходцы из старого имперского класса создали вместо новой системы «центр – периферия» режим суверенной бюрократии, обращающей управляемые ресурсы не на рост империи, а на рост государственного аппарата, то есть себя самой. Идеологические усилия последних кадров четвертой империи ведут не к созданию принципиально новой идеи, а к перекомбинированию старых имперских идей, рождающему идеологические гибриды вроде «либеральной империи» или «суверенной демократии».

Перспектива становления пятой империи – это перспектива не восстановления, а трансформации имперской социальной организации в направлении, задаваемом сегодня глобальной тенденцией виртуализации общества. О виртуализации применительно к обществу можно говорить постольку, поскольку оно становится похожим на виртуальную реальность.⁴ Существует два основных смысла понятия «виртуальное». Первый восходит к традиционному естествознанию, в котором смысл термина «виртуальное» раскрывается через противопоставление эфемерности бесконечно малых перемещений объектов или бесконечно малых периодов существования частиц и стабильной в своих пространственно-временных характеристиках реальности. Второй смысл возник с практикой создания и использования компьютерных симуляций и раскрывается через противопоставление иллюзорности объектов, создаваемых средствами компьютерной графики, и реальности материальных объектов. В понятии «виртуальная реальность» оба смысла соединяются: поведение изображаемого объекта воспроизводит пространственно-временные характеристики поведения объекта вещественного. Виртуализация в таком случае – это замещение реальности ее симуляцией, то есть образом реальности. Не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Эту логику можно наблюдать и там, где компьютеры непосредственно не используются. Например, социальные институты, становятся своего рода виртуальной реальностью, когда люди оперируют образами там, где институциональные нормы и правила предполагают создание реальных вещей и совершение реальных действий.

Виртуализация современного общества отчетливо видна в произошедшей в последние десятилетия трансформации главных экономических институтов капитализма – рынка и фирмы. Экономические институты образуют комплекс норм и правил, определяющих в представлении современных людей приемлемые способы создания, распределения и использования богатства. Следование нормативным требованиям превращает хозяйственную деятельность в исполнение социальных ролей «производителя», «потребителя», «предпринимателя», «работника» и т.д. Институты (в том числе рынок и фирма) предстают по отношению к целям индивидов реальностью, с которой необходимо считаться. Только тот, кто следует институциональным нормам, расценивается как участник экономической деятельности. Например, использование игровых автоматов для получения дохода – это предпринимательство, а использование для той же цели пары наперстков, шарика и ловкости рук – это мошенничество. Таким образом, «экономическое» отличается от «неэкономического» по соответствию институциональным нормам, а не по рентабельности или трудоемкости вещи или действия. И теперь довлеющая над индивидуальными интересами и действиями реальность экономических институтов становится виртуальной, поскольку в новой экономике можно производить товары, не производя вещи,

⁴ Подробнее см.: Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

а создавая образы, и можно участвовать в труде, не работая в цехе или офисе, но поддерживая имидж работника или организации в коммуникациях с коллегами, клиентами, общественностью.

Производство любой вещи после двух столетий технологического прогресса не является больше реальной экономической проблемой. Массовое производство обеспечивает заполнение рынка огромным количеством практически однородных по своим качествам вещей, и само по себе производство является лишь предусловием современной экономики. Проблемой номер один для развитой экономики становится потребление, а точнее – превращение произведенных вещей в предмет потребления. Решить эту проблему производителям удастся, только выделяя свой продукт из череды других и привлекая к нему внимание потребителей. В результате, в условиях массового производства и массового потребления в качестве товара выступает брэнд – образ, создаваемый рекламой и маркетингом. Производится и выводится на рынок не вещь (шампунь, костюм, автомобиль...), а образ (привлекательности, уникальности, респектабельности...). Физический объект рекламы перестает быть означаемым и становится «означающим» по отношению к рекламируемому образу: продукт – это лишь «информационный повод» для продвижения товара, для развязывания рекламной кампании. Поэтому собственно экономический процесс, то есть производство стоимости, покидает пашню, конструкторское бюро и сборочный конвейер и перемещается в офис маркетолога и консультанта, в рекламное агентство и студию масс-медиа.

Возрастание экономической роли образа наглядно подтверждается данными об опережающих темпах роста рекламной индустрии по сравнению с традиционным производством. За последние пять лет (2002-2006) средний ежегодный рост расходов на рекламу в мире составил 4,6%, а прирост мирового ВВП – 3,3%.⁵ Рекламные бюджеты крупнейших производителей товаров массового потребления растут еще быстрее. За десять лет (1995-2005) абсолютный мировой лидер по рекламным расходам компания Procter&Gamble увеличила свой рекламный бюджет на 80% и довела его до 4,6 млрд. долларов. У идущей следом корпорации General Motors рекламный бюджет вырос за то же десятилетие на 100% и достиг отметки 4,35 млрд. долларов.⁶ Если принять во внимание, что при этом годовые расходы на исследования и разработку новой продукции (R&D) достигли к 2005 году у P&G 2 млрд., а у GM 3 млрд., то можно сделать вывод: экономически виртуальная реальность образов превалирует над физической реальностью вещей.

Экономика образов формирует рынок нового типа. Компании и потребители теперь взаимодействуют не в условиях рынка реальных продуктов и их производителей, а в условиях рынка брэндов и правообладателей, контролирующих использование брэндов. Независимых производителей становится все меньше, а брэндов все больше. Например, компания P&G, приобретая всего за пять лет (2000-2005) права на использование 11 торговых марок, стала в итоге держателем 50 брэндов и одна может создавать и поддерживать «конкуренстные» рынки стиральных порошков, шампуней, зубной пасты или бритвенных принадлежностей. Столь же показателен пример рынков автомобилей: за десять лет (1990-2000) число независимых автопроизводителей в мире снизилось с 21 до 13, а число автомобильных брэндов выросло с 63 до 65. Поглощая конкурентов и унифицируя конструкции и технологии производства автомобилей, компании сохраняют конкуренцию за счет образов, определяющих поведение потребителей. Таким образом, исполнение диктуемых институциональными нормами ролей агентов рынка – конкурирующих производителей, отвечающих предложением на спрос, становится виртуальным.

Виртуализация производства и формирование рынка брэндов оказывают сильное воздействие на организацию труда, в результате чего происходит виртуализация фирмы как экономического института. Поскольку стоимость создается не на конвейере и не в конструкторском бюро, то зачастую нет больше нужды во многих атрибутах производственной организации: офисах, в которых рабочие места организуются и заполняются работниками по образцу конвейерной технологической цепочки; процедурах контроля трудозатрат; сложной иерархии должностных полномочий и т. д. Тем более что для тех, кто занят в постиндустриальной экономике и работает с виртуальным продуктом – образами, новые информационно-коммуникационные технологии делают возможной организацию рабочего места практически везде: дома, у клиента, в отеле, автомобиле, самолете. Ответом на этот вызов стало

⁵ Приводимые здесь и далее в тексте статистические данные взяты из журнала The Economist за 2001-06 годы и на сайте компании Advertising Age (www.adage.com).

⁶ Приведенные данные по этим компаниям учитывают их затраты на рекламу только в США. Однако учет глобальных показателей не влияет на общую картину, поскольку американский рынок рекламы самый большой, и его доля в мировом объеме рекламных расходов составляет около 50%.

появление той организационной формы, которая получила название «виртуальная корпорация» (ВК).⁷ ВК – это временный альянс независимых компаний или даже индивидуальных агентов для решения стратегической, но единичной задачи. Альянс, по мысли адептов концепции ВК, должен существовать как сетевая структура на базе информационно-коммуникационных технологий, посредством которой компании координируют свои усилия по реализации проекта. ВК лишена вертикальной интеграции, центрального офиса, должностной иерархии и прочих атрибутов «реальной» корпорации. После завершения проекта сеть легко может изменить конфигурацию или вовсе распасться.

С середины 1990-х годов крупные промышленные корпорации и банки формируют «одноразовые» альянсы для создания и продвижения какого-либо продукта и открывают виртуальные офисы в Интернете. Например, гигант компьютерной индустрии IBM все новые проекты развивает на базе временных стратегических альянсов. При этом четверть сотрудников IBM 80% рабочего времени проводят дома или в пути, обмениваясь друг с другом и со штаб-квартирой результатами своей работы через компьютерные сети и образуя виртуальную компоненту организации фирмы. Еще более виртуальны такие корпорации, как Nike или Dell, которые вообще не имеют собственных производственных мощностей и являются лидерами на рынках, соответственно, спортивной одежды и персональных компьютеров, сформировав вокруг своих брэндов отлаженную сеть из поставщиков, вовлеченных в бизнес-процессы компании контрактными отношениями. Другой тип виртуальной корпорации представляют компании, создающие сеть динамичных и гибких малых фирм, действующих на основе лицензий и субподрядов. Так функционируют, например, McDonald's или Benetton, которые глобальными корпорациями являются виртуально – они представляют собой сети автономных агентов рынка, объединенных брэндом: торговой маркой, концепцией и стилем работы. Таким образом, из маргинальной экономической формы ВК в начале XXI века превращается в рутинную общепринятую практику.

Организация труда в форме «рабочего дня» как распорядка присутствия в офисе или расписания выполнения технологических операций утрачивает экономическое содержание. Однако полной «дематериализации» компаний и всеобщего ухода в Интернет, как предлагали идеологи ВК, нет и не будет, поскольку образ крупной, «реальной» фирмы обеспечивает успех образу товара/услуги. Поэтому наряду с сетевой, проектно-ориентированной структурой и Интернет-офисами сохраняются и даже растут традиционная корпоративная бюрократия и гигантские штаб-квартиры. И это тоже проявление виртуализации, поскольку основной функцией этих армий клерков становится создание и поддержание корпоративного имиджа. Теперь «неэкономические», эстетические и социально-психологические аспекты организации труда и функционирования предприятия – офисный дизайн, корпоративный стиль, культивирование public relations (PR) приобретают непосредственно экономический смысл потому, что смысл их заключается в поддержании атрибутов образа работника и работающей организации. Они становятся важными компонентами создания образа фирмы, который предопределяет стоимость предлагаемых ею товаров/услуг. Именно поэтому офисный дизайн, корпоративный имидж, PR-акции превращаются в особого рода продукцию и образуют новые и быстро растущие отрасли экономики.

Образ фирмы не только является фактором стоимости ее продукции, этот образ обладает собственной и даже самодовлеющей стоимостью. Например, брэнд Coca-Cola оценивается международным рейтинговым агентством InterBrand в 70 млрд. долларов. При этом все материальные активы компании – фабрики, офисы, транспорт стоят в пять-шесть раз меньше, а якобы секретная технология вообще никакой ценностью не обладает, поскольку очень многие умеют так же смешивать воду, сахар, кофеин, углекислоту, красители и ароматизаторы. Но «раскрученный» брэнд – это тот виртуальный актив, который и есть главное достояние компании. В случае Coca-Cola это и есть сама компания, функционирование которой теперь сводится к нанесению знаменитого логотипа на максимально возможное количество предметов.

Брэнд – это виртуальный, то есть не материальный, но весьма осязаемый капитал. В качестве специфического товара образ фирмы выбрасывается на фондовый рынок. Виртуализация фирмы усиливает виртуализацию рынка, создавая абсолютно виртуальный сектор экономики – рынок, на котором котируются уже не столько ценные бумаги, сколько имиджи компаний: образы, репутации, слухи. В экономически наиболее развитых странах объемы капиталов, обращающихся на биржах, выросли в последние годы XX в. настолько, что стали сопоставимы с размерами годового валового внутреннего продукта (табл. 2).

⁷ Davidow W., Malone M. The Virtual Corporation: Structuring and Revitalizing the Corporation for the 21st Century. New York, 1992; Byrne J., Brandt R. The Virtual Corporation // Business Week. 1993, February 8.

Таблица 2. Объем фондового рынка, % от ВВП

Год Страна	1985	2000
США	50	185
Германия	25	70
Япония	60	100

Биржевой бум на фоне гораздо менее интенсивного роста производства, а значит и доходности акций, можно интерпретировать как автономизацию рынка корпоративных имиджей по отношению к «реальному» сектору экономики. Феномен спекулятивного капитала наглядно демонстрирует виртуальность института фирмы: стоимость компании больше зависит от имиджа и коммуникаций, чем от владения физическими активами и от организации их использования. Фирма важна как образ организации. Поэтому, избавляясь от иерархически интегрированной организации, компании сохраняют сфокусированность бизнес-процессов и корпоративную идентичность за счет формирования сети коммуникаций вокруг бренда/корпоративного имиджа. В таких сетевых структурах исполнение заданных институциональными нормами ролей членов организации – четко следующих должностным обязанностям менеджеров и работников, становится виртуальным. Главная компетенция теперь – креативность в коммуникациях. Смысл быстро набравшего популярность в бизнес-кругах слова «креативность» можно определить как способность нестандартным, а лучше экстравагантным решением переключить на свой продукт, свою фирму внимание аудиторий, ежесекундно сталкивающихся с интенсивными потоками альтернативных предложений.

Еще более очевидна важность креативности в коммуникациях для современных политиков и политтехнологов, и это симптом того, что политические институты в конце XX века виртуализировались так же, как и экономические.

С распространением в XIX – середине XX века избирательного права на большинство населения и превращением выборов в систему универсальных ролей «избиратель–кандидат» государство стало «реальностью» - общественным институтом, который можно / нужно захватить, удержать, использовать, изменить, но который не возникает и не существует по воле человека. Государственное управление превратилось из фамильного ремесла сюзерена или вдохновенного искусства узурпатора в бюрократический аппарат. Того типа государства, суть которого блестяще сформулировал Людовик XIV, больше нет.⁸ Государство деперсонифицировалось и стало ролевой системой «гражданин–чиновник». Борьба за власть и ее применение превратились из искусства клановых и кабинетных интриг в политическое предприятие. Политическое дело – это организация агитации и мобилизации масс через профессиональные партийные комитеты и заключение внутри- и межпартийных союзов – политических сделок. Политические партии перестали быть группировками, возникающими на основе родственных, дружеских связей или каких-либо иных лично ориентированных отношений и также оформились в институт, в систему ролей «лидер–сторонник».

Политические институты сформировались как комплекс норм, определяющих способы постановки и решения проблем обладания властью. Только деятельность, следующая институциональным нормам, расценивается как политическая. Как и в случае экономики, политическое отличается от неполитического не в силу свойств слов и вещей, мыслей и поступков, а в силу оценки их институциональной принадлежности. В новой политике эта институциональная принадлежность становится виртуальной в силу того, что диктуемые нормами реальные действия замещаются образами.

Борьба за политическую власть сейчас – это не конкуренция программ действий. После двух столетий демократизации как накопления опыта определения воли народа, организации партий, проведения реформ государственного устройства и законодательства во имя либеральных ценностей создание и осуществление программы действий, воплощающей эти ценности, не является больше реальной политической проблемой. Проблема номер один для развитой демократии – политическое участие, а точнее поддержание интереса к политическим программам и действиям политиков со стороны того большинства населения, которое теперь имеет право голоса, но не имеет способности и/или желания оценивать программы и действия и делать между ними выбор. В условиях избытка политиков и дефицита политического участия граждан политическая борьба превращается в борьбу образов, то есть политических имиджей,

⁸ По преданию, Людовик XIV заявил членам Парижского парламента – высшей судебной палаты, регистрировавшей указы короля: «Вы думаете, господа, что государство – это вы? Вы ошибаетесь, государство – это я!»

которые создают рейтинг- и имидж-мэйкеры, пресс-секретари и «звезды» шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний.

Реальные личность и деятельность политика необходимы лишь в качестве «информационных поводов», то есть служат своего рода алиби для тех, кто формирует имидж. Они разрабатывают сценарии, слоганы, спецэффекты, для подачи которых публике проводятся акции, воспринимающиеся как политические. Избирательная кампания становится кампанией рекламной, а не политической в традиционном смысле слова, что диктует необходимость передачи ключевых функций по ее ведению из рук профессиональных политиков в руки профессионалов рекламной индустрии.

Собственно политический процесс покинул заседания партийных и правительственных комитетов, составляющих программы реформ, распределяющих функции и контролирующих их выполнение. Покинул он и межфракционные переговоры, и партийные митинги. Политика ныне творится в PR-агентствах, в телестудиях и на концертных площадках. Управление и собственно политика в конце XX века разошлись точно так же, как разошлись производство и экономика. Стоимость товара виртуальна и легитимность власти тоже становится виртуальной. Следствием такой виртуализации является изменение характера политического режима – массовой демократии. В ходе выборов больше не происходит сколько-нибудь существенная смена чиновников-экспертов, которые осуществляют рутинную работу по управлению в «коридорах власти». Меняются так называемые публичные политики, то есть те, кто буквально работает на публику. Они, а также сексапильные сотрудники пресс-служб представляют гражданам и всему миру политический образ государства и отдельных его учреждений. Голосование за образ и конкуренция имиджей ведет к виртуализации государства, основанного на системе выборов.

В наиболее развитых странах мира замещение реальных политических программ и действий образами вовсе не является циничной практикой обмана избирателей. Переход от реальной политики к политике образов просто необходим. С одной стороны, институциональные нормы, воплощающие ценности Свободы и Прогресса, требуют перманентного противопоставления идеологий и реформирования общества. С другой стороны, наличие у кандидатов на выборные государственные посты четкой идеологической позиции, попытки следовать заявленным курсом реформ становятся попросту социально опасными в условиях благополучного и стабильного общества. Замена реальных политических программ и действий создаваемыми рекламой образами «новых инициатив», «радикальных реформ», «национальных проектов» сохраняет привычную политику в виде образов и обеспечивает внимание и успех тем кандидатам, чей имидж, а не программа или действия, зримо воплощает ценности Свободы и Прогресса.

Коллективное политическое действие замещается образами так же, как и действие индивидуальное. Партии, возникавшие как массовые организации – «армии» агитаторов, представляющих классовые, этнические, конфессиональные, региональные интересы, с появлением команд имидж-мэйкеров, действующих через каналы масс-медиа, утратили свою эффективность в мобилизации избирателей. Партии превратились в «бренды» – эмблемы и рекламные слоганы, традиционно привлекающие электорат. Идея использования приверженности «бренду» движет процессом поддержания образа организации политической борьбы как борьбы партий.

Там, где «бренд» – давняя традиция, атрибуты образа «старых добрых» либералов, социал-демократов или коммунистов старательно поддерживаются, даже если первоначальные идеология и практика принципиально изменились и продолжают трансформироваться. Именно так функционируют, например, республиканская и демократическая партии в США, консервативная и лейбористская партии в Великобритании, христианско-демократическая и социал-демократическая партии в Германии.

Там, где «бренд» отсутствует, партии и движения с калейдоскопической быстротой формируются, объединяются и распадаются в стремлении найти привлекательный имидж. Здесь примерами могут служить созданные в начале 1990-х годов в США и Великобритании как альтернатива ведущим партиям так называемая реформистская партия – плод усилий увлекшегося политикой бизнесмена Росса Перо, и либерально-демократическая партия, возникшая из объединения утративших популярность либералов и социал-демократов. Но наиболее показательна в этом отношении партийная система, возникшая в Италии после одновременного краха всех традиционных партий в начале 1990-х годов, когда была разоблачена их тотальная коррумпированность. В последующее десятилетие здесь постоянно меняется состав и характер партийных коалиций, а решающую роль (в том числе и на выборах 2001 года) играет движение «Вперед, Италия!» (Forza Italia), которое в 1994 году в одночасье создал медиа-магнат Сильвио Берлускони и которое является перманентной рекламной кампанией группы политиков в большей степени, чем реальной массовой организацией.

Еще один симптом виртуализации институтов массовой демократии – замещение апелляции к общественному мнению манипуляциями с рейтингами. Рейтинги, основанные на выборочном опросе, когда респонденты соглашались с вариантами мнений, сконструированными экспертами, представляют собой лишь модель, образ общественного мнения. Участвуя в опросе, респонденты оживляют эти модели, и тогда образы становятся реальными факторами принятия и осуществления политических

решений. Поскольку образы и модели замещают реальные поступки политиков и волеизъявление граждан, постольку исполнение социальных ролей политиков – кандидатов и «государственных мужей», а также роли избирателя становится виртуальным.

Политика образов требует интенсивного использования телекоммуникационных технологий, и поэтому в конце XX века быстро произошло превращение глобальной компьютерной сети в средство/среду политической деятельности. Практически все политические акции и кампании теперь сопровождаются созданием специализированных серверов и веб-сайтов, посредством которых формируется имидж политика (акции, организации), ведется агитация, осуществляется коммуникация со сторонниками и т. д. Государственная бюрократия (прежде всего министерства, налоговые и иммиграционные службы) теперь также все чаще представлена в Интернете страницами и порталами, симулирующими взаимодействие граждан (или неграждан) с государственными служащими. Через сеть возможно получение консультаций, обращение за информацией, подача налоговых деклараций и т. д. Характерно то, что в сети и функционеры политических партий/движений, и работники государственных учреждений, и граждане осуществляют коммуникацию посредством технологии, которая в принципе позволяет не вести коммуникацию в формате партийной организации или бюрократической процедуры. Однако, здесь потенциал этих технологий используется прежде всего для поддержания образа привычного распределения социальных ролей. Посетителям веб-сайтов предлагаются: регистрация участников, заполнение всякого рода формуляров, голосование по заданной проблеме и т. п. Тем самым в условиях отсутствия реального институционализованного взаимодействия поддерживается образ «действующей организации» или «работающего государства». Интенсивная политизация киберпространства наглядно демонстрирует, что новая политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков избытком образов.

На основе анализа тенденций, характерных для наиболее развитых стран мира, можно сделать вывод, что ориентация деятельности не на вещи, а на образы ведет к виртуализации социальных институтов. Виртуальное следование социальным ролям ведет к тому, что институты становятся образами, превращаются в своего рода виртуальную реальность, в игровую, конструируемую среду. Тот же вывод можно сделать применительно к России. При взгляде сквозь призму виртуализации на процессы в России в конце XX – начале XXI века обнаруживаются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны растет доля занятых в третичном секторе экономики – сфере услуг и растет доля услуг в ВВП. С середины 1990-х годов постиндустриальная экономика составляет более половины объема российской экономики. С другой стороны, «утяжеляется» производственно-технологическая структура экономики. Структура промышленного производства обнаруживает тенденцию крена в сторону добывающей промышленности, металлургии и нефтехимии. Высокий с конца 1990-х годов уровень мировых цен на нефть – главную составляющую российского экспорта усиливает этот крен в сторону первичного сектора экономики в стоимостном выражении.

Таким образом, структура российской экономики приобрела специфический вид: между сохраняющим свою долю первичным и растущим третичным секторами образовалась «брешь». Наиболее популярные в этой ситуации рецепты экономического развития строятся на идее восстановления и расширения промышленного производства как «реального» сектора экономики. Однако в сложившейся ситуации перспективы не догоняющего, а опережающего развития видятся иначе.

Экономическая политика, направленная на безусловное стимулирование промышленности, замешана на старой идеологии, оперирующей жупелом превращения России в «сырьевой придаток Запада». В условиях глобализации и виртуализации экономики следует скорее исходить из принципа «Запад – промышленный и информационный придаток России». Успешное участие в мировой экономике возможно на принципах новой парадигмы: богатство народов находится или создается на рынке, а не в недрах или цехах самих по себе. Это значит, что можно наращивать экспорт энергоносителей и металлургической продукции и безбоязненно импортировать высокотехнологичную продукцию и потребительские товары, если при этом сконцентрировать усилия на брэндинге, рекламе, PR, то есть на конструировании рынков для собственной продукции. Если мыслить не в терминах тонн, штук, кубометров, а в терминах изощренного позиционирования и работы с потребителем, то носителями виртуальной стоимости могут быть не только автомобили или одежда, вещами «от кутюр» могут быть ракеты и танки, нефть и газ, алюминий и стальной прокат. Первые попытки виртуализации стоимости российских сырьевых товаров уже сделаны. Например, прошла интенсивная рекламная кампания в поддержку алюминиевой банки как «самой цивилизованной упаковки» и на банках с пивом и газировкой появилась надпись 'RUSAL', что напоминает стратегию компании Intel, постоянно напоминающей пользователям компьютеров, чей процессор внутри. Другой пример – попытка вывести на рынок нефти новую марку, призванную потеснить слабо котирующуюся марку Urals.

В приведенных примерах виртуализация стала основой частных корпоративных стратегий. Применительно к общенациональной экономической стратегии виртуализация – это поворот от решения технологических проблем к использованию технологий для решения проблем собственно экономических. Модернизация производственной и информационной инфраструктуры имеют смысл, если эта инфраструктура используется для развития интеллектуальноемких и эмоциональноемких сфер

деятельности: науки, образования, искусства, коммуникаций, спорта, здравоохранения. Именно эти сферы являются базовыми отраслями виртуализации экономики.

В осуществлении общего поворота к виртуализации экономики решающую роль должно сыграть начавшееся в последние годы формирование нового менеджмента – менеджмента на принципах «экономики загадочной русской души». Тем самым, осознание слабой «стыкуемости» технологий индустриального общества с российским менталитетом⁹ находит продолжение в выработке форм организации и мотивации, интегрирующих национальный менталитет в современную экономику образов.

Специфика российского менталитета находит выражение в экономической области в следующих особенностях «иррационального» с традиционной точки зрения поведения:

- 1) наши люди не способны на повседневное, кропотливое, дисциплинированное ведение дела, когда смысл, конечная цель этого дела не просматривается, зато они способны на взрывной выброс душевных и физических сил во имя завершения «большого» дела, чтобы освободиться от его рутины и приобщиться к чему-либо прекрасному, доброму, вечному;
- 2) наши люди не могут жить работой, целиком посвящая ей себя, зато они могут жить на работе, отдаваясь целиком общению в родном коллективе;
- 3) наши люди лишены способности рассматривать инструментальные ценности как самодостаточные и просто следовать велению инструкций, зато они способны искать высшие ценности в чем угодно и сомневаться в непререкаемости инструкций, задаваясь вопросом «А в чем же здесь смысл?»

Следовательно, «вахтовый метод», авралы (сверхусилия для завершения уникального продукта), мотивация работника не столько зарплатой, сколько общением и предоставлением свободного времени – все это не «патологические» отклонения от экономической логики, а органичные формы экономики «загадочной русской души». Нужно все эти советские и постсоветские «внеэкономические» формы интегрировать, придав им образ «нашего менеджмента», сконцентрированного не на стабильной рутине конвейерной технологии, а на конъюнктурной реализации уникального проекта. В перспективе проектно-ориентированной, «заряженной» идеей и эмоционально емкой работы российский менталитет хорошо и легко стыкуется с «выстрадавшими» на Западе виртуальной стоимостью, виртуальной корпорацией, виртуальным рабочим днем и т.д. Они у нас уже есть, но без развитой коммуникационной инфраструктуры и «нашего менеджмента» принимают трагикомическую форму волн лихорадочного подъема и обвала целых сегментов третичного сектора: биржевого, банковского, рекламного, туристического и т.д. и форму сверхинтенсивной работы в паузах между разговорами за чашкой кофе или играми в Doom и Quake.

Характерные для России тенденции, деструктивные в контексте индустриальной экономики вещей, в контексте постиндустриальной экономики образов становятся конструктивными. «Реальная» экономика оставляет России перспективу быть вечно догоняющей. Если принять за главное направление рост «железоделательной» промышленности, то можно легко стать колонией – промышленным придатком быстро растущей системы виртуального капитализма, подобно тому, как ранее интегрировались в систему индустриального капитализма придатки сырьевые. Виртуальная экономика дает шанс на лидерство. Использовать этот шанс можно, превратив экономическую политику в процесс придания образа экономической рациональности структуре экономики, сформировавшейся в последние годы и отражающей на макроуровне специфику национального менталитета:

- опорный первичный сектор (ТЭК и освоение уникальных по запасам и трудностям разработки месторождений нефти, газа, цветных металлов);
- компактный вторичный сектор (ВПК и создание уникальных авиационных, морских, космических комплексов; минимизация рутинных конвейерных производств – автомобилестроения, бытовой электротехники и т.п.);
- растущий третичный сектор (ФКК – финансово-коммерческий комплекс, ИКК – информационно-коммуникационный комплекс и интегрированный с ними «ресурсный» комплекс: подготовка и маркетинг уникальных носителей ценимых в глобальной экономике компетенций – ученых, программистов, дизайнеров, артистов, спортсменов, врачей, имиджмейкеров, менеджеров и т.д.) .

В российской политике виртуализация как сдвиг от реальности к образам проявилась в 1990-х годах более отчетливо, чем в экономике. В ходе президентских выборов 1996 года сформированный на базе полумиллионной организованной и дисциплинированной партии избирательный блок проиграл команде из нескольких десятков имиджмейкеров и шоуменов, несмотря на глубокий экономический кризис и

⁹ Под российским менталитетом здесь понимается не некий присущий каждому жителю России набор ментальных черт, а статистически значимая специфичность (то есть более высокая, чем в иных странах вероятность обнаружения) интеллектуальных привычек – устойчивых и неотрефлектированных мыслительных схем, которым человек следует в восприятии событий и в отношении к ним.

социальную напряженность в стране, которые сами по себе дискредитировали правительство Б. Ельцина. Г. Зюганов и его сподвижники безуспешно пытались свести предвыборную гонку к конкуренции программ управления страной, игнорируя конкуренцию имиджей. В итоге образ «безалаберного, но искренне ратующего за свободу русского мужика», а не реальный президент Ельцин, переиграл образ «угрюмого и ратующего за возвращение в прошлое партийного функционера», а не реального кандидата Зюганова. В ходе кампании 2000 года логика виртуальной реальности уже явно превалировала над самой реальностью. Наиболее выигрышный при сложившейся политической конъюнктуре образ «государственника, борющегося за единство страны и диктатуру закона» имиджмейкерами был столь успешно создан и внедрен в сознание избирателей потому, что реальный кандидат В. Путин не имел практически никакой политической биографии и мог быть представлен в каком угодно образе. Теперь такая практика создания образа политика под выборы превращается в стандартную политтехнологию.

В 1990-х годах виртуализация политики проявилась также в том, что реальная многопартийность не сложилась, но «многопартийность» активно симулируется политтехнологами как удобная и привычная среда состязания политических имиджей. Лишь одна партия (КПРФ) организационно стабильна и стабильна потому, что коммунистическая символика и набор слоганов играют роль «марки», традиционно привлекающей электорат, хотя от изначальной идеологии в практике партии не осталось и следа. Остальные партии и движения, не обладая подобным «брендом», формируются, объединяются и распадаются с калейдоскопической быстротой в стремлении найти привлекательный имидж – основу для собственного «бренда».

Отмеченные факты политической жизни России обычно интерпретируются как признаки неразвитости и незрелости демократических процедур. Проблемами «роста» демократии считаются:

- высокая степень персонифицированности при низкой степени организованности борьбы за власть и управления;
- неэффективность демократических институтов (органы народного представительства, система разделения властей) и развитие «теневой политики»;
- склонность к политическому участию только «на кухне» и «в курилке»;
- отсутствие стабильной многопартийной системы;
- бурное развитие манипулятивных политтехнологий, медийные «войны», «разноцветный» PR.

Однако, это скорее не временные трудности, а признаки фундаментальной проблемы, суть которой в том, что процедуры либеральной массовой демократии плохо «стыкуются» с российским менталитетом. «Иррациональное» поведение наших людей в политической сфере и в советский и в постсоветский период имеет одни и те же характерные черты:

- 1) наши люди не способны вполне доверять государству как безличной системе процедур – «организации бюрократов», зато они способны с энтузиазмом оказывать доверие «лицу» государства – личности высокопоставленного бюрократа;
- 2) наши люди не способны к регулярному политическому участию, зато они способны к резкому переходу от аполитичности к политическому активизму (и обратно);
- 3) наши люди не всегда способны к рациональному анализу политических программ/действий и прагматическому выбору, зато они всегда способны к эмоциональным оценкам личности политиков и к мировоззренческому выбору.

Негативные в контексте «реальной» демократии, эти проявления национального менталитета становятся позитивными в контексте виртуальной демократии – демократии образов. Интеграция национального менталитета в современную политику образов возможно, если и политическая система будет строиться на принципах «полтики загадочной русской души». Нынешний квази- или псевдодемократический режим должен уступить место «новой демократии», которая базируется не на стабильности рутинных юридических процедур формирования и работы представительных органов власти, а на «судьбоносности» – ситуативности и одновременно фундаментальности народного волеизъявления. И тогда «одноразовые» партии, кандидаты – «звезды», карнавальные марши и т.п. становятся нормальными и эффективным формами политической борьбы, а не дефектами демократии, избавиться от которой в современной России пытаются, создавая плебисцитарную империю.

Превращение системы социальных институтов в своего рода виртуальную реальность – это вызов существованию и реальным демократиям и реальным империям. Анахронизмом становятся стремление к физическому контролю над территорией, то есть максимальному раздвижению границ и поддержанию контроля при помощи растущего государственного аппарата, к экстенсивному развитию «реального», то есть ресурсозатратного производства, к политическому «реализму», то есть к обеспечению внешнеполитического положения за счет обладания материальными ресурсами и военной мощью.

Виртуализация общества вызывает к жизни новый тип империализма – виртуальный. Виртуальная империя – принципиально новая форма политической интеграции и мобилизации экономических ресурсов. Не занимая фиксированного географического пространства, виртуальная империя призвана колонизовать виртуальное пространство. Раздвижение ее границ – это вовлечение все большего числа коммуникаций (массовых и межиндивидуальных) в консолидированный процесс создания и трансляции экономических, политических, интеллектуально, морально и эстетически притягательных и влиятельных образов. В эпоху виртуализации общества империя становится империей образов, которые более значимы для внешнего могущества, чем большая территория, большая промышленность, большая армия, и империя становится образом империи, который более значим для внутренней консолидации, чем всеохватная система законодательства или распределения ресурсов.

Дальнейшее развитие традиционных средств социального контроля – государственного, партийного, корпоративного аппаратов, становится не только не эффективным, но и отрицательным для консолидации и тем более развития общества фактором. Развитие и консолидация общества будут зависеть теперь от создания и трансляции образов, а значит и от развития нового типа социальной инфраструктуры – коммуникационных сетей. Пока виртуализация институтов в России опережает компьютеризацию, и низкий уровень развития инфраструктуры новой социальной организации (табл. 3) чем дальше, тем больше препятствует конструктивному использованию тенденций виртуализации.

Таблица 3. Количество компьютеров на 1000 жителей

Год Страна	1999	2001	2003
США	540	625	720
Великобритания	380	400	440
Россия	60	75	110

Осознание важности компьютеризации пришло в Россию в начале нового века, о чем свидетельствуют усилия, предпринимаемые, например, в рамках федеральной программы «Электронная Россия», рассчитанной на 2001-2010 годы. Но осознание приоритетности виртуализации, которая собственно и породила экспансию цифровых технологий, и тем более осознание перспективности виртуального империализма остаются делом будущего.

Виртуальность империи и виртуальность демократии позволяют соединить несоединимое и избежать тупиковой для России альтернативы: реальная демократия или реальная империя. Виртуальная империя – это шанс для России адаптироваться к условиям времени и превратить из проблемы в преимущество свою вековую волю к империи, соединив ее с ультрасовременной волей к виртуальности.

Если проблема экономической актуальности герильеризма Че уже практически решена с возникновением тенденций альтер-капитализма, то проблема политической актуальности его партизанской философии остро встанет в момент очередного кризиса капитализма. Альтер-капитализм существует сейчас как альтернативные, «теневые», «антиобщественные» и «подрывные» тенденции, как альтер-эго господствующего глэм-капитализма. Но он сможет быстро разрастись и институционализироваться в ситуации совпадения во времени очередного циклического кризиса перепроизводства, кризиса социальной и политической лояльности новых поколений маргинальных буржуа и кризиса политического управления и контроля. Ближайшее время, когда такая комбинация кризисных тенденций может возникнуть – это вторая половина второго десятилетия XXI века. Условно говоря, назревает проблема 2017 года. К 2017 году, юбилейному для революционной волны, начавшейся в России и прошедшей через Германию и Венгрию, нынешние тренды в «низах», «верхах» и в экономике могут привести к тому, что вместе сойдутся экономический, политический и культурный кризисы, вполне предсказуемые по срокам, но неожиданные по своей болезненности.

Проблема «двадцать-семнадцать» – это проблема возникновения новой революционной ситуации, в которой могут оказаться сразу несколько стран с растущими экономиками и остановившимися в развитии политическими режимами. Весьма вероятная революционная волна в период 2015-2020 годов актуализирует некоторые из идей Че и безусловно приведет к общему оживлению интереса к нему и его опыту революционера.

Проблема «двадцать-семнадцать» складывается из трех главных кризисов:

- 1) кризис перепроизводства гламура в начале понижательной волны 5-го Кондратьевского цикла;
- 2) кризис средств легитимации режима в клиентском обществе;
- 3) кризис массовой культуры, созданной поколением бэби-бумеров.

Кризисы перепроизводства в мировой экономике регулярно происходят каждые 8-10 лет. Например, в 2000 году был кризис перепроизводства ожиданий, когда лопнул «пузырь» на казавшемся столь многообещающим рынке акций «доткомов», то есть Интернет-компаний, инвесторы которых так и не дождались не только прибылей, но даже внятной бизнес-модели. В 2008 году был кризис перепроизводства доверия, когда лопнул «пузырь» на рынке деривативов – бумаг, ценность которых создавалась инвесторами, доверявшими надежности американского механизма ипотечных кредитов, безответственно раздававшихся в гигантских масштабах как раз в расчете на последующие доходы от выпуска деривативов. Нетрудно рассчитать, что очередной цикл «кризис – депрессия – оживление – бум – кризис» подойдет к фазе лопнувшего «пузыря» как раз в 2016-2017 годах. После кризиса ожиданий и кризиса доверия следующим может стать кризис желаний.

Капитализм начала XXI века – это глэм-капитализм, и «большая пятерка» и «горячая десятка» гламура в нынешнем обществе потребления воплощают абсолютный объект желаний и обладают максимальным стоимостным потенциалом. Поэтому не выглядит парадоксом то, что даже в непростых для мировой экономики условиях последних 2-3 лет глэм-индустрии роскоши, гостеприимства, развлечений «для взрослых», моды, красоты, а также коммуникационных гаджетов и сетевых ресурсов растут в среднем быстрее, чем традиционные отрасли. Опережающие темпы роста гламуроемких производств стимулируют инвестиционный бум, который в ближайшие годы будет как раз в тех бизнесах, индустриях, кластерах и регионах, где обеспечат наиболее эффективную имплантацию гламура в товары, организационные структуры и финансовые инструменты. Там же и начнется кризис перепроизводства, который повлечет за собой банкротства, массовые увольнения, невыплаты по кредитам, резкое падение уровня потребления, воспринимаемое увольняемыми работниками гламурно-промышленного комплекса как «*обострение нужды выше обычного*». Реальное же обострение нужды ощутят те, кто работает в «сырьевом секторе» глэм-капитализма, а сырьем для создания трендов служат бренды, без перепроизводства которых невозможно начать конкурентную гонку за трендовой составляющей добавленной стоимости. В свою очередь сырьем для брендов служат продукты, которые являются лишь «полуфабрикатами» собственно товаров, чья стоимость

зависит от тех образов и символических благ, что создаются специалистами по брендингу, рекламе и PR. И внизу этой «пищевой пирамиды» глэм-капитализма оказываются те производители энергоносителей, материалов, сельскохозяйственных продуктов, которые не позаботились о создании на базе своих производств сильных брендов и уж тем более трендов.

Перепроизводство гламура по-разному скажется на странах – производителях брендов и трендов (таких как США и Западная Европа), странах – поставщиках промышленной продукции (таких как Китай), служащей источником «полуфабрикатов» для гламуроемких производств, и странах – поставщиках сырья (таких как Россия). В глобальной экономике «гибель» в США или Европе одной «акулы» глэм-капитализма – банкротство транснационального держателя ультрамодных брендов приведет к массовому «вымиранию» офисного и фабричного «планктона» в Китае, Индии и, разумеется, в России, где начнутся остановки производств и увольнения работников в промышленном и сырьевом секторах.

Кризис перепроизводства к 2017 году будет более тяжелым, чем кризисы предыдущих тридцати лет. К такому прогнозу подталкивает статистика последних десятилетий, которая показывает, что относительно благополучное развитие мировой экономики в 1990-х и 2000-х пришлось на фазу высокой конъюнктуры, которую теперь сменяет фаза понижения примерно на 20-25 лет. Характерные для капиталистической экономики большие циклы конъюнктуры длиной примерно в 50 лет открыл еще в 1920-х годах Николай Кондратьев, чьим именем такие циклы и названы.¹⁰ В первой фазе цикла экономическая конъюнктура высокая: цены (а значит спрос) на инвестиционные товары, сырье, рабочую силу растут, темпы экономического роста выше средних значений, кризисы перепроизводства неглубокие и периоды депрессии после них короткие. Вторая фаза цикла – это так называемая понижательная волна конъюнктуры: спрос относительно слабый, темпы роста ниже средних, а циклические спады производства глубже и периоды депрессии длиннее.

По поводу болезненного, но терпимого кризиса 2008 года экономисты продолжают спорить, был ли он последним кризисом в первой фазе или первым кризисом во второй фазе Кондратьевского цикла.¹¹ Так что относительно грядущего кризиса можно быть вполне уверенными: произойдет то самое «обострение нужды выше обычного», которое мобилизует массы на участие в акциях протеста. В США и Западной Европе высокий уровень жизни и развитость процедур обновления политических элит не позволят падению потребления и росту оппозиционных настроений достичь взрывоопасных уровней революционного движения. А вот в странах, интегрированных в глэм-капитализм в роли поставщиков «полуфабрикатов» и сырья гламуроемких производств ситуация окажется более сложной.

Китай окажется в ситуации конца «экономического чуда» – экстраординарных темпов роста производства, позволявших в течение тридцати пяти лет поднимать уровень жизни той части населения, которая вовлечена в экспортно-ориентированные производства. Главный ресурс китайского промышленного роста – резерв сельского населения, готового работать в тяжелых условиях за небольшую зарплату, практически исчерпан. Сталкиваясь с растущими ожиданиями и притязаниями населения, китайское руководство будет менять модель экономического развития, переориентируя производство на внутреннее потребление. В результате возникнет парадоксальная ситуация: повышение общего уровня жизни на фоне падения темпов экономического роста будет сопровождаться ростом оппозиционных настроений. Увеличение неравенства в обществе, обострение экологических проблем и проблем землепользования, коррумпированность предпринимателей и чиновников будут вызывать недовольство не столько бедных, сколько ожидающих большего жителей китайских городов. Тем самым, Китай войдет в ту фазу перехода от традиционного общества к обществу модернизированному, в которой советский госкапитализм был в 1970-х годах накануне перестройки и разрушения социалистической надстройки.

К 2017 году Россия столкнется со стагфляцией – стагнацией экономики, вызванной падением цен на нефть и другое сырье, и инфляцией, вызванной наращиванием денежной массы ради поддержания уровня потребления клиентских групп населения. Кризис перепроизводства гламура в зависимой от конъюнктуры на рынках сырья России быстро перерастет в бюджетный кризис, и тогда специально организовывать акции протеста не придется – желающих окажется

¹⁰ Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.

¹¹ Korotaev A., Tsyrel S. A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis // Structure and Dynamics. 2010, 4(1).

более чем достаточно в самых разных социальных слоях и группах. Тогда профессиональным оппозиционерам, у которых годами не получалось возглавить реальную борьбу с режимом, не нужно будет изыскивать скандальные случаи нарушения гражданских прав как поводы для протеста, а нужно будет просто воспользоваться неожиданно представившейся возможностью оседлать протестное движение и въехать на арену борьбы за власть, хотя бы на время. Обрушение экономической конъюнктуры вызывает наибольшую активизацию революционных настроений в экономиках, напрямую зависящих от цен на экспортируемое сырье. О важной роли в складывании революционных ситуаций циклов экономической конъюнктуры, открытых Кондратьевым, можно судить по таким историческим фактам: революция 1917 года в России произошла в начале понижательной волны III Кондратьевского цикла, кризис социалистической системы в Восточной Европе в 1989 году и распад СССР в 1991 году – в конце понижательной волны IV Кондратьевского цикла.

(2) В современном обществе, где нет больше веры в священное право на власть монархов – помазанников Божиих или в привилегии аристократии как благородного сословия, легитимность власти должна периодически подтверждаться демократическими выборами. Когда уровень жизни высок, незаинтересованность основной массы избирателей в политике создает благоприятные условия для поддержания режима глэм-демократии. Но в условиях экономического кризиса средства легитимации, традиционно применяемые, когда избирателей нужно привлекать и развлекать, перестают быть эффективными, и проведение избирательных кампаний создает риск неуправляемого политической элитой волеизъявления масс, требующих немедленного решения их проблем и с готовностью идущих за лидерами радикальных движений, обещающих простые и быстрые решения.

Если в США и Западной Европе кризис глэм-демократии не будет острым, и возможны лишь радикальные движения локального масштаба, то в Китае и России авторитарные разновидности глэм-демократии могут испытать серьезные потрясения. В Китае проблема 2017 может быть ослаблена путем очередного перераспределения полномочий и обновления правящей элиты на съезде компартии, и разрешение кризиса легитимности социалистической надстройки над глэм-капиталистическим базисом будет оттянуто на 5-7 лет. А в России кризис старых средств легитимации режима придется на период проведения парламентской и президентской избирательных кампаний, когда привычные шаблоны привлечения и развлечения электората нужно будет применять в отношении активизировавшихся социальных групп, невосприимчивых к риторике и имиджам давно правящей элиты.

За годы правления Владимира Путина «укрепление вертикали власти» привело к созданию плебисцитарной империи, в которой народное волеизъявление сохраняется лишь как своего рода неизбежное зло и для государственной бюрократии и для инертной массы электората. Снижена частота и сужена сфера применения выборов как средства легитимации власти, волеизъявление сделано управляемым, то есть плохо поддающийся управлению плюрализм сведен к заведомо предсказуемому выбору из двух вариантов: «согласен» и «не согласен». В 2000, 2004, 2008, 2012 годах президентские выборы проходили на благоприятном фоне экономической стабильности. Поэтому в ходе голосования без серьезных проблем воспроизводилась типично имперская структура, где есть «центр» – устойчивое большинство согласных с «укреплением вертикали власти» и есть «периферия» – беспокойное, но, в общем, зависимое и контролируемое меньшинство несогласных, занятых безнадежным собиранием «горизонтали гражданского общества». Но по злой иронии истории, подшутившей над авторами поправок в Конституции РФ, удлинившими сроки мандата парламентариев и президента страны, соответственно, до 5 и 6 лет, следующие избирательные кампании должны проводиться как раз в кризисный период 2016-18 годов.

В ситуации низкой экономической конъюнктуры российская правящая элита – суверенная бюрократия, выросшая и укрепившая свою легитимность в первое десятилетие XXI века за счет нефтедолларов, неизбежно обнаружит свою слабость. До сих пор ей удавалось преуспевать и быть сверхновыми «хозяевами жизни», соединяя имперские традиции (от византизма до большевизма) с политехнологиями, заимствованными у западной глэм-демократии, где яркий образ политика гораздо важнее реальной деятельности. Гламурные прожекты «русского консерватизма» от Бориса Грызлова и столь же гламурные прожекты модернизации и «умной экономики» от Дмитрия Медведева сейчас могут без проблем сочетаться в имиджмейкинге правящей элиты, поскольку консерватизм и модернизация в исполнении «Единой России» – это не два курса, в реальности исключают друг друга, а две стилистики в подаче одного и того же имиджа. Весь этот глэм – лишь следование образцу, задаваемому имиджмейкерами, создающими образ правления Владимира Путина. Фигура самого гламурного российского политика Владимира Путина вылеплена с максимальным применением «большой пятерки» и «горячей десятки». Он и

породил политическую моду на ношение брендовых наручных часов российскими государственными деятелями, и обездвигивал тигров, и стал секс-символом, и любит появляться в ярком комбинезоне пилота или в яркой «Ладе-Калине», и может продемонстрировать тренированный торс, и выйти на одну сцену со «звездами» хит-парадов и номинаций. Он же развил излюбленный жанр деятельности суверенной бюрократии – суперпроекты «для народа». Суперпроекты создают ту густую пелену медийно-административного гламура, сквозь которую народ и правящая элита видят друг друга в розовом свете. В мире гламура для бедных расходование колоссальных бюджетных сумм на проведение зимней олимпиады и мирового чемпионата по футболу предстает «национальной идеей», кремниевая опричнина Сколково – «модернизационным кластером», а проектно-откатная логика жизни суверенной бюрократии – «русским консерватизмом».

Политический гламур, обволакивающий через СМИ российское общество, позволяет глэм-бюрократии быть вполне самодостаточным сообществом. С населением суверенные бюрократы приходят в соприкосновение только, когда результатом их бюджетно-откатной деятельности оказывается коррупция с человеческими жертвами. События в Кондопоге в 2006 году, в Пикалево в 2009, в Хотьково и на Манежной площади в Москве в 2010 показали, что когда политика имиджей и презентаций развивается в мире, параллельном острым нуждам и жизненным интересам людей, сама собой возникает другая политика – массовые акции неповиновения и прямого насилия. Вот эта другая политика, которая игнорирует так виртуозно выстроенную легитимность режима, пока регулярно практикуется лишь разнообразными альтер-социальными движениями от футбольных фанатов и скинхэдов до «кавказцев» и антифа. Но когда экономический кризис и вынужденная избирательная кампания сойдутся в одном году, политический трэш станет серьезным вызовом политическому гламуру и спровоцирует конфликт между консервативной и модернизационной фракциями правящей элиты, которые разойдутся в методах решения возникших проблем.

К 2017 году «верхи» не смогут править по-старому, то есть, красуясь на телеэкранах в окружении то отборных «звезд» шоу-бизнеса, то тщательно отобранных «людей из народа», демонстрирующих свою безграничную любовь и поддержку. Глэм-бюрократия может доминировать только в выстроенном вокруг «вертикали власти» клиентском обществе, где потребление и коммуникации стали заменителями собственно общественной жизни. Но в ситуации вызванного экономическим кризисом снижения доходов сырьевого сектора и нарастания дефицита бюджета массы традиционных клиентов вроде пенсионеров и многодетных родителей больше не удастся охватить заботой в виде национальных проектов. К тому же, увеличится число людей, которые вообще не охвачены такими проектами и вовсе не захвачены масс-медийным гламуром. Тогда «верхи» глэм-бюрократии столкнутся с уже неуправляемыми «низами», в протесте которых соединятся недовольство падением уровня жизни и уход из-под контроля сложившейся еще в прошлом веке массовой культуры.

(3) В современном обществе культура – это ценности, то есть стоящие затрачиваемых сил, а то и самой жизни, идеи, плюс способы их трансляции, то есть средства коммуникации. Ныне господствующая и непрерывно критикуемая массовая культура, сводимая к потреблению и коммуникации, сформировалась при жизни одного поколения. Это поколение бэби-бумеров (от англ. baby boom), которое было открыто как социокультурный феномен американскими демографами, социологами и маркетологами в 1960-х годах. Тогда выросли дети послевоенного десятилетия высокой рождаемости и экономического процветания. Это поколение оказалось носителем новой по сравнению с целой чередой предшествующих поколений культуры. Бэби-бумеры создали культуру поклонения гуманистическим идеям и литературе, но подчинения брендам и телевидению.

Кризис системы ценностей и системы коммуникаций, отвечающих стремлениям и привычкам поколения, родившихся в середине 40-х – начале 60-х годов прошлого века, выразится в невозможности контролировать и социализировать новые поколения, чьи жизненные стратегии и каналы коммуникаций неподконтрольны политической элите, действующей через традиционную массовую культуру. В США и Западной Европе кризис может принять форму культурной травмы от столкновения общества с контркультурами альтер-социальных движений. В Китае социально-политические последствия кризиса культуры бэби-бумеров окажутся невелики из-за того, что аналогичный западному культурный разрыв между поколениями начал возникать двумя десятилетиями позже из-за относительно низкого уровня образования и степени проникновения новых информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь основной массы населения до конца 1990-х годов. В России же социальные и политические последствия кризиса культуры бэби-бумеров могут стать наиболее серьезными, поскольку уход

новых поколений из-под культурного контроля, построенного на силе государственного образования и государственных же масс-медиа, здесь будет наиболее радикальным.

Российские бэби-бумеры несколько отличаются от американских по своим ценностным ориентациям. В Америке бэби-бумеры характеризуются идеализмом, у нас – прагматизмом, который так помогал наиболее преуспевшим из них строить карьеру и дом – полную чашу в конце советской эпохи. К 2017 году многочисленное поколение бэби-бумеров, родившихся в середине 40-х – начале 60-х, практически в полном составе войдет в пенсионный возраст, но вряд ли его представители полностью оставят руководящие посты в экономике, государстве, масс-медиа. Их ухода будут нетерпеливо дожидаться, а в некоторых случаях настойчиво добиваться лидеры следующего поколения, названного аналитиками 'Generation X'. Это поколение родившихся в середине 60-х – конце 70-х взрослело в 80-х – 90-х, а в 2000-х в большинстве своем стало прагматичными гедонистами и периодически отрывающимися от телевизора Интернет-пользователями. Воспроизводимая благополучно осевшими на руководящих постах и «забронзовевшими» представителями старшего и среднего поколения культура окажется чуждой новым поколениям.

К этому времени полностью повзрослеет поколение родившихся в 1980-х – начале 1990-х. Самым амбициозным из этого 'Generation Y' будет уже под тридцать и за тридцать, а по-настоящему самоутвердиться им будет позволено только в сетях публичности, больше известных ныне под названием «социальные сети» (хотя социальность их более чем сомнительна). Сейчас в России сформировалось общество со множеством мобильных, но без социальной мобильности, то есть без нормально функционирующей системы продвижения к высоким статусным позициям. Новое поколение не предано ценностям, на которых строится система статусов «бумеров» и «иксов». Поэтому продвижение «игреков», которых можно назвать в силу их ценностных ориентаций активистами, но которые ценят работу лишь как «точку доступа» к ресурсам и коммуникациям и хотят признания лишь в своем кругу («племени»), в этой системе будет тормозиться даже без всякого злого умысла. Их идеи и действия «бумеры» и «иксы» попросту не будут понимать и потому не будут ценить. А уже на подходе следующее поколение, ценностные ориентации которого только начнут оформляться к 2017 году, но в любом случае будут отличаться от ценностей поколений «бумеров» и «иксов».

Новые поколения отличаются от старших по своим ценностным ориентациям, а с точки зрения коммуникаций они и вовсе «инопланетяне». Уже сейчас невозможно через газеты и телевидение эффективно воздействовать на умонастроения и поведение «игреков». Согласно данным опроса, проведенного в начале 2012 года Фондом «Общественное мнение», телевидение признают своим источником информации 96%, а Интернет-форумы и блоги – 2% респондентов в возрасте от 46 до 60 лет, тогда как среди респондентов в возрасте от 18 до 30 телевидение упоминают 81%, а Интернет-форумы и блоги – 21%.

Межпоколенческий разрыв в коммуникационных паттернах также становится очевидным, если сопоставить доли различных поколений в общей структуре населения и в структуре сообщества пользователей социальных сетей. В самой популярной российской сети «В контакте» (vk.com) наиболее активно поколение «игреков». В этой сети число зарегистрированных аккаунтов, в которых возраст пользователя указан в диапазоне от 18 до 32 лет даже превышает реальное число людей такого возраста в населении страны. Это парадоксальное превышение объясняется как тем, что эта сеть привлекает пользователей из других стран бывшего СССР, так и тем, что представители поколения «игреков» практикует создание множественных идентичностей и коммуникации от лица виртуальных «Я». Еще более разительным будет культурный разрыв между поколениями к 2017 году, когда полностью сформируются ценностные ориентации и способы коммуникации следующего за «игреками» поколения – молодых людей, родившихся в период с 1995 по 2010 год.

Численность различных поколений в населении России и в сообществе пользователей сети «В контакте»

Поколение	Число аккаунтов в социальной сети vk.com (данные на июнь 2012 г.)	Численность возрастной группы в населении РФ (по данным переписи 2010 г.)
Бэби-бумеры (1946-62)	2 775 905	33 910 510
Поколение 'X' (1963-79)	12 926 474	34 123 872
Поколение 'Y' (1980-94)	4 8051 919	33 450 525
Поколение 'Z' (1995-2010)	23 346 548	23 125 787

Молодежь уже сейчас избегает традиционных средств и способов коммуникации и формирования социальных групп, а к 2017 году можно ожидать настоящую культурную революцию, связанную с переходом Интернета к версии Web 3.0. В конце 1980-х возник Интернет первого поколения (Web 1.0), который предоставлял пользователям возможность доступа к ресурсам, созданным профессионалами в программировании и веб-дизайне. Через десятилетие появились Интернет-ресурсы второго поколения (Web 2.0), которые дают возможность неквалифицированным пользователям – юзерам самим создавать контент и заполнять эти контентом предоставляемые профессионалами сайты-платформы, что и привело к интенсивному развитию так называемых социальных сетей. И когда появится Интернет третьего поколения (Web 3.0), где пользователи смогут сами, минуя серверы, централизирующие сети, создавать платформы для размещения контента и предоставлять доступ только «своим», сформируется неподконтрольная масскульту контр-культура. И заодно морально устареют переживающие сейчас бум централизованные и потому достаточно легко блокируемые, а в России еще и не застрахованные от рейдерских захватов сети вроде ресурса vk.com.

Кризис массовой культуры, созданной бэби-бумерами, будет обусловлен еще и кризисом образования как средства социальной мобильности. В новых поколениях будет гораздо больше образованных или просто информированных людей. К 2017 году высшее образование (правда не высшего качества) будет у 30-32% трудоспособного населения (в Москве и Санкт-Петербурге у 45-50%). То есть, этот показатель удвоится по сравнению с началом века. Английский язык будет знаком хотя бы на уровне школы 10-12 миллионам человек, что будет примерно в полтора раза выше показателя начала века. Компьютеры будут в 45-50% домохозяйств, то есть степень компьютеризации вырастет в четыре-пять раз по сравнению с первыми годами столетия. Но при этом «культурный капитал» становится «второй грамотностью», то есть элементарными навыками, которые не дают гарантий успешной карьеры и достатка, как это было еще лет двадцать-тридцать назад. «Культурный капитал» больше не гарантирует и усвоения гуманистических идей, толерантности и уважения социальных норм. Они не оправдывают ожиданий тех многочисленных формально представителей среднего слоя, которые фактически оказываются «низами». Вот эти «низы» к 2017 году, прямо таки по ленинской формуле, и не захотят жить по-старому.

К 2017 году молодежь из средних слоев, недовольная своим формально благополучным, а на деле приниженным положением в обществе, образует те сверхновые «низы», которые будут энергично не хотеть жить по-старому. В этой ситуации «верхи» будут не в состоянии управлять по-старому, поскольку их способы воздействия – вспомоществование клиентским группам и политический гламур, транслируемый через традиционные СМИ, не эффективны в случае недовольных молодых людей, оперирующих новыми коммуникационными технологиями. Таких людей к этому моменту в стране будет гораздо больше, чем футбольных фанатов и русских националистов в декабре 2010 года на Манежной площади или недовольных результатами выборов в декабре 2011 года на Болотной площади в Москве. И их недовольство экономикой, политикой, культурой будет гораздо интенсивнее и устойчивее вспышек недовольства футбольных фанатов бездействием правоохранительных органов, недовольства русских националистов миграционной политикой или недовольства избирателей нарушениями при подсчете голосов. А практикуемые недовольными молодыми людьми способы использования средств коммуникации для мобилизации участников партизанских акций, координации действий и организации отхода в «каменные джунгли» окажутся неприятным сюрпризом для правоохранителей, застрявших в «информационной культуре» прошлых поколений.

Таким образом, около 2017 года сложится революционная ситуация, включающая экономический, политический и культурный кризисы глэм-капитализма. И там, где структуры глэм-капитализма, трансформирующегося в альтер-капитализм, будут входить в противоречие с периферийными и отсталыми структурами индустриального госкапитализма, ситуация будет максимально острой. Острота конфликта будет примерно такой же, какой была в 1950-х годах на Кубе, где столкнулись возникающие постиндустриальные и господствовавшие тогда раннеиндустриальные структуры. Структурные противоречия являются необходимыми условиями, но согласно классической формуле «3+1», революционная ситуация перерастет в революцию, только если революционный класс будет способен на активные действия, мобилирующие массы на протест против существующего режима. Сейчас в конфликте институциональностью, прошедшей через виртуализацию и вошедшей в режим гламура, оказываются столь же виртуальные партизаны – многочисленные ультрасовременные буржуа, которые время от времени вживаются в образ революционного действия и при этом интенсивно применяют сверхновые коммуникационные технологии.

Альтер-социальным движениям не пригодятся коммунистическая идеология и устаревшая техника вооруженной борьбы из теории Че Гевары. Они отходят от тех способов борьбы, которые возникли в прошлом веке и противостоять которым традиционно готовятся правящие элиты и подчиненные им силовые структуры. Есть две основные стратегии борьбы с институциональностью, выработанные в XX веке: 1) вооруженная борьба (на этом пути к освобождению настаивал и Че Гевара), 2) пассивное, ненасильственное сопротивление, которое проповедовал Махатма Ганди. Но в борьбе с виртуальной институциональностью маргинальные буржуа начала XXI века выработали еще одну стратегию: *невооруженной насиллие*. Именно эту стратегию неоднократно применяли лидеры и активисты протестных движений в ходе цветных и цветочных квази-революций. Но если их усилия завершаются со сменой правящей элиты, то действительная революция начинается и продолжается созданием контринституциональности альтер-социальными движениями, для которых актуально не следование букве теории партизанской войны Че Гевары, но духу его партизанской философии.

И понимание этой же философии может способствовать решению проблемы 2017: при капитализме от революции невозможно избавиться, но с нею можно уживаться. Чем больше революционных движений в экономике, тем меньше их в политике. Чтобы направить революционность капитализма в более позитивное русло, сейчас нужно дать выход альтер-социальным движениям в экономике. Если в ближайшем будущем производственные отношения будут строиться с учетом формулы *«бизнес – это революционное движение» / «созидательное разрушение»* по Шумпетеру или формулы *«экономика – это продолжение партизанской войны иными средствами»* (Че Гевара), то маргинальным буржуа для достижения их целей могут не понадобиться формула *«революция – это бизнес-проект»* (в стиле идеолога цветных переворотов Джина Шарпа)¹² и формула *«партизанская война – это борьба вооруженного ядра»* (в стиле Че Гевары).

С проблемой 2017 не смогут справиться только те социально аутичные и склеротичные режимы, чьи засидевшиеся во власти лидеры не замечают, что после периода расцвета и беззаботности для глэм-капитализма и глэм-демократии наступает время Че – время альтер-капитализма, то есть время меняться.

¹² Sharp G. From dictatorship to democracy. A conceptual framework of liberation. Boston: Albert Einstein Institution, 2010.

Общество потребления

Виталий Куренной,

кандидат философских наук, заведующий отделением культурологии ВШЭ, научный редактор журнала "Логос"

7 фактов о роли массового потребления в культуре и экономике, трансформации товара в символ и обществе переживаний



© Michael W. May

Понятие «общество потребления» связано с социально-экономическим и культурным феноменом, окончательно стабилизировавшимся в развитых странах во второй половине XX века. Это не философская категория, а скорее социально-теоретическая и экономическая. Хотя популярность самого понятия связана, в частности, с работой Жана Бодрийяра «Общество потребления. Его мифы и структуры», появившейся в 1970 году, оно отсылает прежде всего к социально-экономическому явлению, а не к

определенной интеллектуальной традиции. Тем более что работа Бодрийяра критически стремится зафиксировать модификацию этого явления, в частности выход на первый план его знаковой составляющей, а не является анализом того, что можно назвать нормальной моделью общества потребления, которую и имеет смысл сначала охарактеризовать.

1. Предпосылки возникновения общества массового потребления

Говоря об обществе потребления, мы имеем в виду общество массового потребления, которое стабилизировалось непосредственно после Второй мировой войны, когда окончательно оформляется массовое производство товаров широкого потребления.

Второй важный элемент общества потребления возникает в это же время благодаря кейнсианской политике и построению в западных обществах модели социального государства, создавшего условия для широкого социального распространения потребительской культуры.

Предпосылки для появления общества потребления возникли, однако, раньше. Важнейшая фигура в этой предыстории — Генри Форд, который был не только теоретиком, но и предпринимателем-практиком, создавшим в межвоенный период в рамках своей индустриальной империи прототип общества всеобщего благосостояния. Форд не только создал первую модель «народного автомобиля», но и сделал ставку на рост благосостояния своих рабочих: автомобили не просто стали массово производиться, но и стали предметом массового потребления. Это выражалось не только в росте зарплат, но и в участии рабочих со стажем в доходах предприятия.

2. Концепция социального государства

Фордовский прототип в послевоенный период был возведен в ранг государственной политики в рамках так называемой модели социального государства, под чем следует понимать систему, где государство непосредственно или опосредованно осуществляет перераспределение ресурсов — прежде всего финансовых — от классических бенефициариев капиталистической системы, то есть собственников, в пользу широких социальных слоев. Таким же образом широкие возможности были предоставлены в социальной сфере — образовании и медицине — для тех слоев населения, которые раньше не имели к ним доступа. Сформировалась, наконец, пенсионная система.

3. Средний класс как основа потребления



Реклама Pontiac Bonneville-Catalina в журнале Life от 4 октября 1963 года

Понятие общества потребления скоррелировано с понятием среднего класса, который достаточно обеспечен для того, чтобы позволить себе широкомасштабное потребление. Средний класс — это класс, который, собственно, и был сформирован в рамках социального государства. Напомню, что классическая теория капитализма, то есть марксизм, не предполагала такого рода возможности, потому что, согласно Марксу, внутренние тенденции капиталистической системы таковы, что собственники в ней только богатеют, а люди наемного труда

только беднеют, в результате чего пролетариату как раз и нечего терять, кроме своих цепей. Разумеется, формирование модели социального государства в западных странах обязано также наличию СССР как грозной политической альтернативы. В нынешних условиях длительного давления неолиберальной экономической модели средний класс постепенно распадается, как недавно заметил и Борис Гройс, происходит возврат поляризованной структуры общества.

Средний класс был основным бенефициаром социального государства, и именно он сформировал современную мощную потребительскую культуру. Естественно, для того, чтобы он мог реализовать свой потребительский запрос, необходима была и соответствующая индустрия производства товаров потребительского назначения. То есть возникло современное массовое производство таких товаров, как автомобили, холодильники, телевизоры, радиоприемники, пылесосы, вентиляторы и так далее — все, что заполняет рекламу журнала *Life* в 1950–1970-е годы.

4. Трансформация товаров

Нельзя сказать, что потребительских товаров такого рода не существовало ранее, однако в рамках общества потребления трансформировалось то, что можно определить как вещьность товара. Потребительский товар XIX и начала XX века — это вещь, рассчитанная на длительное использование, нередко на протяжении даже не одного поколения. Тут можно вспомнить знакомую многим, дошедшую еще от бабушки швейную машинку «Зингер». Вещность товара развитого общества потребления лишена такого длительного исторического бытования — она редуцирована до функции, для которой сама субстанция вещи не имеет никакого значения. Эта функциональность может иметь как практический, так и эстетический характер, как в современном смартфоне или мебели из магазина ИКЕА.

Сама концепция вещи изменилась: вещи мы меняем, а не чиним.

Произошла также целая революция в торговой культуре — вместе с появлением супермаркетов и торговых центров. В городах с древней торговой культурой, например в Дамаске, все организовано так, чтобы оградить покупателя от случайной покупки — отдельные районы там специфицированы под определенный тип товаров, чтобы ты мог выбрать подходящий среди сходных. Идея супермаркета или торгового центра предполагает ликвидацию этой аскетической рациональности: единицей торговой транзакции является больше не необходимая вам вещь, а шоппинг как целостный акт потребления. Разумеется, есть простое объяснение мотивов, лежащих в основе этих трансформаций: потребление перестает быть актом, который может получить рациональное насыщение, — именно с этих ностальгических позиций критикует общество потребления Бодрийяр, — а становится, по сути, формой жизни, непрерывно стимулируя рост экономического производства.

Бодрийяр артикулировал также и другую особенность общества потребления, а именно его символическую составляющую, что, конечно, задолго до него стало рутинной тривиальностью для специалистов по рекламе и маркетингу. Если в сильно поляризованном обществе существует единственный символический вектор потребительской ориентации — в направлении престижных товаров, которые может себе позволить высший «праздничный класс» (а именно такова модель, которую Торстейн Веблен описал еще в конце XIX века), — то в обществе с мощным средним классом символическая игра усложняется, дробится: наряду с «престижем» на рынке теперь обращаются «жизненные стили», «молодость», «образ жизни» и прочее, что соответствующим образом усложняет и символическую составляющую потребительских товаров, делает ее более значительной с точки зрения влияния на мотивацию потребления. Отсюда такое внимание к теме брендов.

5. От общества потребления к обществу переживаний

Нет недостатка в различных теориях большей или меньшей обоснованности, которые объявляли о конце общества потребления. Все зависит здесь от выбранной перспективы и вашего стремления объявить о конце чего-либо. Например, можно сказать, что общество потребления закончилось вместе с индустриальным («фордистским») обществом, теперь на рынке доминируют не товары, а услуги, что мы вошли в новую, постиндустриальную эпоху, где главным является знание, инновация, креативность или что вам больше нравится. На мой взгляд, такие теории больше претендуют на сенсационность, чем на обоснованность.

Экономика давно стала глобальной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Можно, конечно, думать, что в своем *iPhone* мы потребляем в первую очередь интеллектуальный продукт, но все же иногда доходящие до нас из Китая новости о непосильном труде на заводах, где эти самые *iPhone* собираются, свидетельствуют о том, что дело не ограничивается здесь изобретениями, патентованными в Калифорнии, и массовое конвейерное производство хотя и исчезло из поля зрения жителей развитых стран, но в глобальной перспективе никуда не делось. Можно подобрать и другое какое-то основание для констатации конца общества потребления. Например, отказ потребителя от товарной стандартизации в пользу кастомизации, то есть изменение установки с «так, чтобы как у людей» на «подчеркнуть свою индивидуальность».

В рамках концепции общества переживаний речь идет в целом о трансформации структуры рационального действия, переориентации ее с «внешних» целей, связанных с обладанием какими-то функциональными предметами, на «внутренние», то есть связанные с какой-то формой эмоционального удовлетворения. Растущую популярность консервативно-романтической экологической установки также можно трактовать как симптом заката общества потребления. Такого рода аргументы часто используются для констатации конца общества потребления, однако всегда есть достаточно аргументов в пользу того, что речь идет в конечном счете о модификации или утонченной форме сублимации прежней потребительской установки.

6. Советская культура потребления



Было бы неверным сказать, что общество потребления — это феномен лишь рыночных капиталистических обществ. В СССР в послевоенный период также шло формирование общества потребления. Можно даже усилить этот тезис, сказав, что именно в СССР нормальная модель общества потребления была представлена в наиболее чистом виде, если иметь в виду экономику с крайне стандартизированной линейкой товаров массового потребительского спроса. Однако дефицитный характер плановой экономики накладывал здесь свои ограничения. Потребительская установка активно формировалась советской массовой культурой начиная с позднесталинского периода, поэтому неверно мнение, что потребительская культура пришла к нам с

Запада в постсоветский период. Достаточно пересмотреть, например, фильм «Кубанские казаки» — а это конец 1940-х годов, — чтобы оценить степень одобрительного отношения к потребительской культуре в советском масскульте.

Но советская культура была неоднородной, здесь равным образом всегда присутствовала и унаследованная от радикальной разночинной интеллигенции борьба с буржуазностью и буржуазной потребительской культурой, перелицованная в СССР в форму критики мещанина и обывателя, огромный пласт которой можно обнаружить в советском сатирически-карикатурном журнале «Крокодил». И все же трудно сказать, была ли эта антимещанская риторика искренним продолжением антибуржуазного радикализма или же просто формой компенсации неудовольствия, связанного с дефицитной экономикой.

7. Конец общества потребления?

Еще один важный аспект, связанный с темой общества потребления, соотносится уже с механизмами производства современного знания об обществе. Дело в том, что классическая социально-экономическая теория просто не обращает внимания на целые сегменты человеческой жизни, связанные с досугом. И Маркс, и Вебер интересовались прежде всего производством и трудом, а не досугом, в рамках которого и существует потребительская культура. Поэтому это еще большой вопрос, о чем на самом деле идет речь, когда мы говорим о формировании общества потребления и о процессах его трансформации: о реальном процессе или же об изменении нашей аналитической и исследовательской оптики. Однако даже радикальный конструктивизм этого предположения не отменяет того факта, что сама артикуляция этой культуры оказывает на нее влияние в смысле рефлексивности наших потребительских стратегий.

Резюмируя, я бы сказал, что общество потребления формируется как следствие появления обширного среднего класса, формирующего богатую и сложную потребительскую культуру. В благополучных странах эта культура постоянно претерпевает трансформации, делающие ее все более сложной и многообразной. В конечном итоге потребительские установки в классическом смысле здесь обнаруживают тенденцию к исчезновению, как на это обращают внимание, например, теоретики общества переживаний. То есть в пределах самого общества потребления возникают установки, направленные против издержек иррациональной потребительской культуры. В этой связи можно сказать, что популярная критика общества потребления утопична в той мере, в какой речь идет о какой-то искусственной замене потребительской установки на какую-то иную. Однако в своем развитии общество потребления способно само справиться со своими проблемами, способными минимизировать издержки неограниченной потребительской культуры.

О безнадёжности, или Боратынский

Александр Николаевич ПРИВАЛОВ,
кандидат экономических наук, научный редактор журнала «Эксперт»

В одном давнем романе умный учитель объясняет, почему выбрал для школьной команды название «Троянцы»: «Мальчишки всегда болели за "троянцев", потому что в книге их победили. Мальчишки, они ведь такой народ»

Сушая правда. Настоящие мальчишки всегда будут болеть за того, кто мужественно бился, но проиграл; поэтому русским юнцам (и юницам, разумеется), если они вообще читают стихи, невозможно не откликнуться на стихи Боратынского: за ними ощутим тихий, яростный — и проигранный бой. Когда он начинал печататься, в моде были элегии — он и сам прослыл виднейшим элегистом, — но в его стихах и в ту пору не было слюнявых «элегических куку», вскоре ставших годными только для пародии. В них — ну, в лучших из них — всегда была точная, додуманная до конца мысль, и мысль эта чем дальше, тем чаще оказывалась мрачной.

Обычно цитируют пушкинские слова о нём: «Он у нас оригинален, ибо мыслит». (Не надо воспринимать это *bon mot* как обличение русской бездумности, ибо дальше следует: «Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо».) Это не дежурная похвала — это и вообще не совсем похвала; это, скорее, характеристика

Пушкин, «умнейший муж России», однажды пенял в письме другу, тоже никак не дураку, что какие-то стихи того *слишком умны*, тогда как «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Сказано с явной усмешкой, но сказано же! Боратынский оригинален не тем, что мыслит чаще — или сильнее — или вообще каким-то образом лучше того же Пушкина, — а тем, что мыслит *иначе*. У нашего героя, по удачному словцу князя Вяземского, «ум раздробительный», то есть аналитический, и останавливать его на полдороге наш герой ещё до тридцати вконец разучивается, чем и довершает обступавший его измлада трагизм. В одной из поздних вещей он так и говорит: художник, влекомый к творчеству внешними, «чувственными» обстоятельствами, может быть, или, точнее, бывать счастливым,

«Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная».

Опостылевший термин «лишние люди» когда-то не с ветру взялся; наш герой, собственно, и был хрестоматийным лишним человеком — с двумя лишь поправками. Во-первых, он явился несколько раньше своих литературных собратьев: к выходу из печати даже первой главы «Онегина» Боратынский уже был сложившимся человеком и поэтом. Во-вторых, он был много лучше последовавших за ним персонажей. Уже Онегин был очень со всячинкой, Печорин — просто законченный негодяй, нашему же герою нечего поставить в вину: примерный семьянин, верный друг и, главное, не бездельник — много работающий и блюдущий литературные приличия автор. Но во всём прочем — лишний человек, будто из учебника. Он пишет Киреевскому, что хотел бы и для себя «просвещённого фанатизма», наблюдаемого им в «новой поэзии» (Гюго, Барбье), но взять его негде: «Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм (тогда это значило «эгоцентризм». — **А. П.**) — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и ещё не уверовали в новое. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себе. Вот покамест наше назначение». А «углубясь в себе», свирепый его ум раз за разом, от чего бы ни начинал, докапывался до отчаяния — раз за разом умудряясь высказать ещё что-то, что высказать было нельзя.

Боратынский написал всего сотни две стихотворений, из них если не половина, то треть шедевров — что само по себе дивно. Составителям книг очень немногих, даже и более плодovitых, поэтов так легко собрать коллекцию сплошных бриллиантов. Но и в этой россыпи, как мне всегда казалось, бросается в глаза за пределами простого восьмистишия под названием «Безнадёжность»:

Желанье счастья в меня вдохнули боги,
Я требовал его от неба и земли
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги,
Но прихотям судьбы я боле не служу:

Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

Почти через столетие едва ли не дословно то же самое скажет и другой поэт: «И, наконец, увидишь ты,

«Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило»...

Впрочем, продолжение там совсем вразрез с нашим героем:

«...Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
Что всё уж не моё, а наше,
И с миром утвердилась связь»,

— но тут, боюсь, произошла выдача желаемого за действительное, что очень скоро Блоку и продемонстрировали. Боратынский же в такие заблуждения не впадал — и вправду смотрел «на поприще» всё больше со стороны. Его последнюю и лучшую книгу «Сумерки» критика встретила дурно (особенно резко и беспощадно обхамил её, естественно, Белинский), что радости поэту тоже не прибавило.

Но и Боратынский под конец жизни каким-то таинственным образом вырвался из своего трагического тупика. Они с женой поехали за границу; полгода жили в Париже, где поэт перезнакомился со всем цветом тамошней литературы, со многими живущими там земляками; потом двинулись на юг. Его настроения стали заметно меняться к лучшему — то ли потому, что парижские русские приняли его с неожиданным для него восторгом, то ли просто от давно забытого ощущения включённости в общественную жизнь. Перед Новым годом он писал московскому другу: «Поздравляю вас с тем, что мы в самом деле моложе 12-ю днями других народов и посему переживём их, может быть, 12-ю столетиями». Так вот, за это время наш герой успел что-то неимоверно для себя важное понять — и упомянул в новых стихах о самом факте озарения:

«Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов
Прежде, чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!»

Боратынский успел ещё приехать на пароходе из Марселя в Неаполь, написать только что цитированное стихотворение «Пироскаф» и отправить его для напечатания в «Современник». А потом вдруг умер — и ни о том, какие проклятые вопросы он перед смертью разрешил, ни о том, как именно он их разрешил, никто уже никогда не узнал.

Так иначе ведь и случиться не могло.

Сегодня, 2 марта 2015 г., Боратынскому 215 лет.

Евгений ГАВРИЛОВ

*слушатель школы РЕПНОЕ 2010-2011 года,
финансовый директор Представительства
компании "DA YOU INVESTMENTS LTD" в Москве*

Родился 12 февраля 1982 года в Воронеже

В 2005 году окончил магистратуру **экономического факультета** Воронежского государственного университета. Тема диссертации - "Формирование, анализ и аудит прогнозной финансовой информации".

С **2005** года занимал должности **финансового директора, руководителя проектов** и члена совета директоров в компаниях: ГК "Фосфорель" (производство и дистрибьюция рыбной продукции), Воронежский дивизион "ТД "КОПЕЙКА" (один из крупнейших ритейлеров РФ), Accent Development (управление портфелем девелоперских проектов в регионах РФ), Белгородский хладокомбинат (производство и дистрибьюция замороженных продуктов), ГК "ОСНОВА" (стратегический партнер Hilton Worldwide в РФ), MOST marketing (разработка региональных концепций кластерного развития), DA YOU INVESTMENTS LTD (управление производственными активами в РФ, консультационные услуги в области международной торговли и M&A). Главные достижения связаны с внедрением проектного управления, финансового моделирования и управленческого учета, структурированием холдинговых групп, описанием бизнес-процессов.

С **2014** года преподает собственный **авторский курс "Управление проектами"** в Бизнес-школе Воронежского государственного университета. Курс основан на стандарте PMI PMBoK (США) и направлен на практическое применение теории на конкретных проектах слушателей.

С **2010** года регулярно участвует в качестве **автора статей и комментатора** в деятельности таких СМИ, как ВГТРК, "Аргументы и факты", DeFacto, ABIREG.ru. Тематика материалов включает в себя: управление проектами, региональную экономику, традиционные и венчурные инвестиции, сферу услуг. В роли **члена жюри и ментора** - регулярный участник конкурсов в области молодежного предпринимательства: БИТ-Черноземье, Железный предприниматель, "Всё получится!", Молодежная элита Воронежской области.

Участник профессиональных сообществ по управлению проектами PMI (США) и IPMA (Швейцария). Участник форумов: "РИФ 2014" (Москва, спикер секции "Традиционные vs венчурные инвесторы в интернет-проекты"), "Экологичность бизнеса" (Воронеж, 2013 и 2012, модератор круглого стола о деловой этике), "Управление проектами - инструмент инновационной экономики" (Воронеж, 2010, модератор секции "Влияние компетенций проектного управления на карьеру на примере молодежного подразделения IPMA Young Crew в Испании и Великобритании").

Наталья Васильевна ЗУБАРЕВИЧ

доктор географических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, директор региональной программы Независимого института социальной политики, эксперт Программы развития ООН.

Родилась 7 июня 1954 года в городе Карабаново Владимирской области

В 1976 году окончила **географический факультет** Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

С 1977 года работает на кафедре экономической и социальной географии России географического факультета МГУ, читает курсы лекций «География непродовольственной сферы», «Современные проблемы регионального развития», «Новые направления социальной географии».

В 1990 году защитила кандидатскую диссертацию, **в 2003 году** – докторскую.

Как специалист в области социально-экономического развития регионов, социальной и политической географии, является **автором**, соавтором и **научным редактором** ряда **монографий**, в том числе: «Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода» (2007, 2005 и 2003); «Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?» (2005); «Регион как субъект политики и общественных отношений» (2000). Ею опубликовано около **140 научных работ**. Является одним из авторов учебника «Экономическая и социальная география России» (**2009**).

Директор региональной программы **Независимого института социальной политики**, а также эксперт Программы развития ООН и Московского представительства Международной организации труда.

с 2003 года руководитель Программы «Социальный атлас российских регионов». Программа помогает исследователям, инвесторам, политикам, преподавателям и студентам. С ее помощью можно увидеть остроту существующих в регионах проблем, оценить человеческий капитал и социальную инфраструктуру, познакомиться с современными тенденциями регионального развития. Размещенные на сайте Атласа материалы регулярно дополняются и обновляются.

За достижения в региональном экономическом анализе и обосновании региональных экономических реформ в России **в 2009 году** награждена Медалью В.В. Леонтьева «За достижения в экономике»

Постоянно участвует в качестве руководителя и ответственного исполнителя в программах Министерства экономического развития и торговли РФ, Министерства труда и социальной защиты, а также в международных проектах и программах, в т. ч. в проектах Программы развития ООН (Ежегодные доклады о развитии человеческого потенциала в РФ в 1997–2004 гг.), Московского бюро Международной организации труда ("Стратегия сокращения бедности в России", "Стратегия гендерного развития России"), Программы ТАСИС ("Реформирование системы социальной защиты в РФ" и "Мониторинг региональных реформ в РФ"), Фонда социальных проектов Всемирного Банка ("Разработка методики формирования модели развития социальной инфраструктуры региона") и др.

По приглашению международных организаций читает лекции в университетах и государственных органах власти Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Украины, Нидерландов, ФРГ.

Дмитрий Владиславович ИВАНОВ

доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Родился 26 февраля 1967 г., Читинская область, поселок Кличка.

Образование: социолог-экономист (1995), Санкт-Петербургский государственный университет; инженер-механик (1990), Ленинградский механический институт.

Ученая степень:

- доктор социологических наук (2002), диссертация "Современные теории общественных изменений (анализ логической структуры)" по специальности 22.00.01 - Теория, методология и история социологии;
- кандидат социологических наук (1998), диссертация "Эволюция критической теории общества" по специальности 22.00.01 - Теория, методология и история социологии.

Область профессиональных интересов:

Разработка современной социологической теории и преподавание социологии

Член Международной социологической ассоциации (ISA) с 1998 г., участник всемирных социологических конгрессов в Монреале (Канада, 1998), Брисбене (Австралия, 2002), Дурбане (ЮАР, 2006), Гетеборге (Швеция, 2010)

Область непрофессиональных интересов:

- Побывал в 51 стране
 - страны в которых побывал в 2012-2013 г: Литва, Латвия, Куба, Тайланд, Макао, Гонконг, Колумбия, Мексика, Таиланд, Вьетнам, Аргентина, Уругвай, Венгрия
- Научные публикации:** Всего свыше 50 публикаций. В число наиболее важных за последние десять лет (1998-2008) входят книги:

- Время ЧЕ: альтер-капитализм XXI, СПб, Петербургское востоковедение, 2012;
- Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008;
- Социология: теория и история. Учебное пособие. СПб.: Питер, 2006;
- Социология. Учебник. М.: Высшее образование, 2005;
- Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002;
- Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002;
- Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000;

Последние статьи:

- По следам тигра: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее//Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность, 2013 , № 1
- К теории потоковых структур//Социологические исследования, 2012, № 4
- Гламурный капитализм: логика «сверхновой» экономики//Вопросы экономики, 2012, №7
- Глэм-капитализм и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии, 2007 (Том X), № 2;
- Истоки виртуализации // Top-Manager, 2006, июнь
- Эволюция концепции глобализации // Проблемы теоретической социологии. Выпуск 4. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003;
- Феномен потребления: критический подход // Социология потребления. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001;
- Феномен компьютеризации как социологическая проблема // Проблемы теоретической социологии. Выпуск 3. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000;
- Ценные предсказания Питирима Сорокина // Возвращение Питирима Сорокина. М.: Московский общественный научный фонд; МФК, 2000;
- Общество и Internet: куда ведет "информационная магистраль" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, 2000, Вып. 3;

Область непрофессиональных интересов – Путешествия

Михаил Дмитриевич КАРПАЧЕВ

историк, профессор ВГУ, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России (ВГУ), автор книг и научных статей по истории России XIX в. Медаль "За освоение целинных земель", грант фонда Фулбрайта (1990), заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Родился 22 ноября 1943года

Образование и учёные степени:

В 1968 году окончил исторический факультет Воронежского университета. В 1973 – защита кандидатской диссертации. В 1987 – защита докторской диссертации. В 1990 году присвоение ученого звания профессора.

Область исследований:

Основные исследования Карпачева М.Д. проводились в области истории Русского революционного народничества, зарубежной историографии общественного движения в России 1860-1880-х годов. В последние годы опубликованы работы по истории аграрных отношений в России в конце XIX - начале XX вв, в т. ч. по истории проведения столыпинской земельной реформы в крае. Изучалась также история отечественного университетского образования (история основания и первых лет деятельности Воронежского университета). Карпачев М.Д. является научным редактором межвузовских сборников трудов, посвященных вопросам истории общественного движения в Центральной России в XVI - начале XX вв.

Около 120 публикаций. Некоторые из них:

1. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. - М.: Мысль, 1979.
2. Очерки истории революционно-демократического движения в России. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
3. Истоки российской революции: легенды и реальность. - М.: Мысль, 1991.
4. Воронежская деревня в годы столыпинских аграрных преобразований Русская провинция. - Воронеж, 1995.
5. Воронежский университет: начало пути. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1998.

Карпачев М. Д. является главным редактором двухтомной «Воронежской энциклопедии», которая вышла в свет в январе 2009 года. В энциклопедии обобщены сведения по разным областям жизни Воронежа и Воронежской области. Статьи энциклопедии посвящены истории региона, его природе, а также его культурной, спортивной и общественно-политической жизни.

МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМИНАРА



Сергей Васильевич Рахманинов родился 1 апреля 1873 года в дворянской семье. Долгое время местом рождения считалось имение его родителей Онег, недалеко от Новгорода; исследования последних лет называют усадьбу Семёново Старорусского уезда Новгородской губернии (Россия).

Отец композитора, Василий Аркадьевич (1841—1916), происходил из дворян Тамбовской губернии. История рода Рахманинова уходит корнями к внуку молдавского царя Стефана Великого Василию, прозванного Рахманиным. Мать, Любовь Петровна (урождённая Бутакова) — дочь директора Аракчеевского кадетского корпуса генерала П. И. Бутакова. Дед композитора по отцовской линии, Аркадий Александрович, был музыкантом, учился игре на фортепиано у Джона Филда и выступал с концертами в Тамбове, Москве и Петербурге. Сохранились романсы и фортепианные пьесы его сочинения, в том числе «Прощальный галоп 1869-му году» для фортепиано в четыре руки. Василий Рахманинов тоже был

музыкально одарённым, но музицировал исключительно любительски.

Интерес С. В. Рахманинова к музыке обнаружился в раннем детстве. Первые уроки игры на фортепиано дала ему мать, затем была приглашена учительница музыки А. Д. Орнатская. При её поддержке осенью 1882 года Рахманинов поступил на младшее отделение Санкт-Петербургской консерватории в класс В. В. Демянского. Обучение в Петербургской консерватории шло плохо, так как Рахманинов часто прогуливал занятия, поэтому на семейном совете мальчика было решено перевести в Москву, и осенью 1885 года он был принят на третий курс младшего отделения Московской консерватории к профессору Н. С. Звереву.

Несколько лет провёл Рахманинов в известном московском частном пансионе музыкального педагога Николая Зверева, воспитанником которого был также Александр Николаевич Скрябин и многие другие выдающиеся русские музыканты (Александр Ильич Зилоти, Константин Николаевич Игумнов, Арсений Николаевич Корещенко, Матвей Леонтьевич Пресман и др). Здесь в возрасте 13 лет Рахманинов был представлен Петру Ильичу Чайковскому, который позже принял большое участие в судьбе молодого музыканта.

В 1888 году Рахманинов продолжил обучение на старшем отделении Московской консерватории в классе двоюродного брата А. И. Зилоти, а спустя год под руководством С. И. Танеева и А. С. Аренского начал заниматься композицией.

В возрасте 19 лет Рахманинов окончил консерваторию как пианист (у А. И. Зилоти) и как композитор с большой золотой медалью. К тому времени появилась его первая опера — «Алеко» (дипломная работа) по произведению А. С. Пушкина «Цыганы», первый фортепианный концерт, ряд романсов, пьесы для фортепиано, в том числе прелюдия до-диез минор, которая позднее стала одним из наиболее известных произведений Рахманинова.

В возрасте 20 лет, из-за нехватки денег, он стал преподавателем в московском Мариинском женском училище, в 24 года — дирижёром Московской русской частной оперы Саввы Мамонтова, где работал в течение одного сезона, однако успел сделать значительный вклад в развитие русской оперы.

Рахманинов рано приобрёл известность как композитор, пианист и дирижёр. Однако его успешная карьера была прервана 15 марта 1897 года неудачной премьерой Первой симфонии (дирижёр — А. К. Глазунов), которая окончилась полным провалом как из-за некачественного исполнения, так и — главным образом — из-за новаторской сущности музыки. По мнению А. В. Оссовского, определённую роль сыграла неопытность Глазунова как руководителя оркестра во время репетиций. Это событие послужило причиной серьёзной нервной болезни. В течение 1897—1901 годов Рахманинов не мог сочинять, и лишь помощь опытного психиатра, доктора Николая Дала, помогла ему выйти из кризиса.

В 1901 году закончил свой Второй фортепианный концерт, создание которого ознаменовало выход Рахманинова из кризиса и одновременно — вступление в следующий, зрелый период

творчества. Вскоре он принял приглашение занять место дирижёра в московском Большом театре. После двух сезонов отправился в путешествие по Италии (1906 г.), затем на три года поселился в Дрездене, чтобы полностью посвятить себя композиции. В 1909 году Рахманинов совершил большое концертное турне по Америке и Канаде, выступая, как пианист и дирижёр. Также, в 1909 году был написан Третий фортепианный концерт. В 1911 году С. В. Рахманинов, находясь в Киеве, по просьбе своего друга и коллеги А. В. Оссовского прослушал молодую певицу Ксению Держинскую, вполне оценив её талант; он сыграл большую роль в становлении оперной карьеры знаменитой певицы.

Вскоре после революции 1917 года Рахманинов воспользовался неожиданно пришедшим из Швеции предложением выступить в концерте в Стокгольме и в конце 1917 года вместе с женой Натальей Александровной и дочерьми покинул Россию. В середине января 1918 года Рахманинов отправился через Мальмё в Копенгаген. 15 февраля он впервые выступил в Копенгагене, где сыграл свой Второй концерт с дирижёром Хёэбергом. До конца сезона он выступил в одиннадцати симфонических и камерных концертах, что дало ему возможность расплатиться с долгами.

1 ноября 1918 года вместе с семьёй отплыл из Норвегии в Нью-Йорк. Вплоть до 1926 года не писал значительных произведений; творческий кризис, таким образом, продолжался около 10 лет. Лишь в 1926—1927 гг. появляются новые произведения: Четвёртый концерт и Три русские песни. В течение жизни за рубежом (1918—1943 гг.) Рахманинов создал всего 6 произведений, которые принадлежат к вершинам русской и мировой музыки.

Местом постоянного жительства избрал США, много гастролировал в Америке и в Европе и вскоре был признан одним из величайших пианистов своей эпохи и крупнейшим дирижёром. В 1941 году закончил своё последнее произведение, многими признанное как величайшее его создание, — Симфонические танцы. В годы Великой Отечественной войны Рахманинов дал в США несколько концертов, весь денежный сбор от которых направил в фонд Красной армии. Денежный сбор от одного из своих концертов передал в Фонд обороны СССР со словами: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу».

Последние годы Рахманинова были омрачены смертельной болезнью (меланома). Однако несмотря на это, он продолжал концертную деятельность, прекращённую лишь незадолго до смерти. По некоторым данным, Рахманинов ходил в советское посольство, хотел поехать на родину незадолго до смерти.

Рахманинов умер 28 марта 1943 года в Бeverли-Хиллз, штат Калифорния США, похоронен на кладбище Kensico Cemetery.



Сергей Сергеевич Прокофьев родился (11) 23 апреля 1891 года в селе Сонцовка, ныне село Красное Красноармейского района Донецкой области, в семье агронома. Заниматься музыкой начал с 5 лет. К моменту поступления в Петербургскую консерваторию (1904) был автором четырёх опер, симфонии, двух сонат и нескольких фортепианных пьес. В 1909 году окончил консерваторию по классу композиции, в 1914 году – дирижирования и фортепиано. Уже в ранний период выявляются характерные черты творческого облика Прокофьева – активное отношение к жизни, оптимизм, энергия и воля. Обширен диапазон тем и образов его произведений: тонкий лиризм романсов на слова Ахматовой (1916) и напряжённая экспрессия «Игрока»; живописность и поэтичность сказки «Гадкий утёнок» для голоса и фортепиано (1914) и стихийная сила оркестровой «Скифской сюиты» (1914-1915); острый гротеск «Сарказмов» и скоморошья сказочность балета «Сказка про шута...».

С 1908 года Прокофьев начинает регулярную и обширную концертную деятельность как пианист и дирижёр – исполнитель собственных произведений. Весной 1918 года он направляется через Японию в США. Пребывание за рубежом вместо предполагаемых нескольких месяцев продолжалось 15 лет. Америка, Франция, Германия, Париж...

Он много сочиняет – комическую оперу «Любовь к трём апельсинам» по Гоцци (1919), экспрессивную драму «Огненный ангел» по Брюсову (1919-1927). Творческое содружество с Дягилевым стимулировало создание новых балетов для его труппы: «Стальной скок» (1925) и «Блудный сын» (1928). В 1930 году для театра «Гранд-Опера» был написан балет «На Днепре».

В 1927 и 1929 годах композитор приезжает на гастроли в СССР и в 1932 году принимает решение окончательно возвратиться на Родину. Возвращение стимулировало творческий процесс. Были созданы балет «Ромео и Джульетта» (1935-1936), музыка к кинофильмам «Александр Невский» и «Иван Грозный», произведения для детей.

В конце 1930-х он начинает работу над целым рядом сочинений. Завершение большинства из них было отодвинуто начавшейся Великой Отечественной войной. Важнейшей работой военных лет стала опера «Война и мир» по роману Л.Н. Толстого (1941-1952). С этой же темой связана и последняя опера Прокофьева «Повесть о настоящем человеке» по Б.Н. Полевому (1947-1948).

Умер великий композитор Сергей Сергеевич Прокофьев 5 марта 1953 года, в один день с И.Сталиным.

Творчество Прокофьева составило эпоху в мировой музыкальной культуре 20 века. В 1955-1967 годах изданы 20 томов собраний музыкальных сочинений композитора.